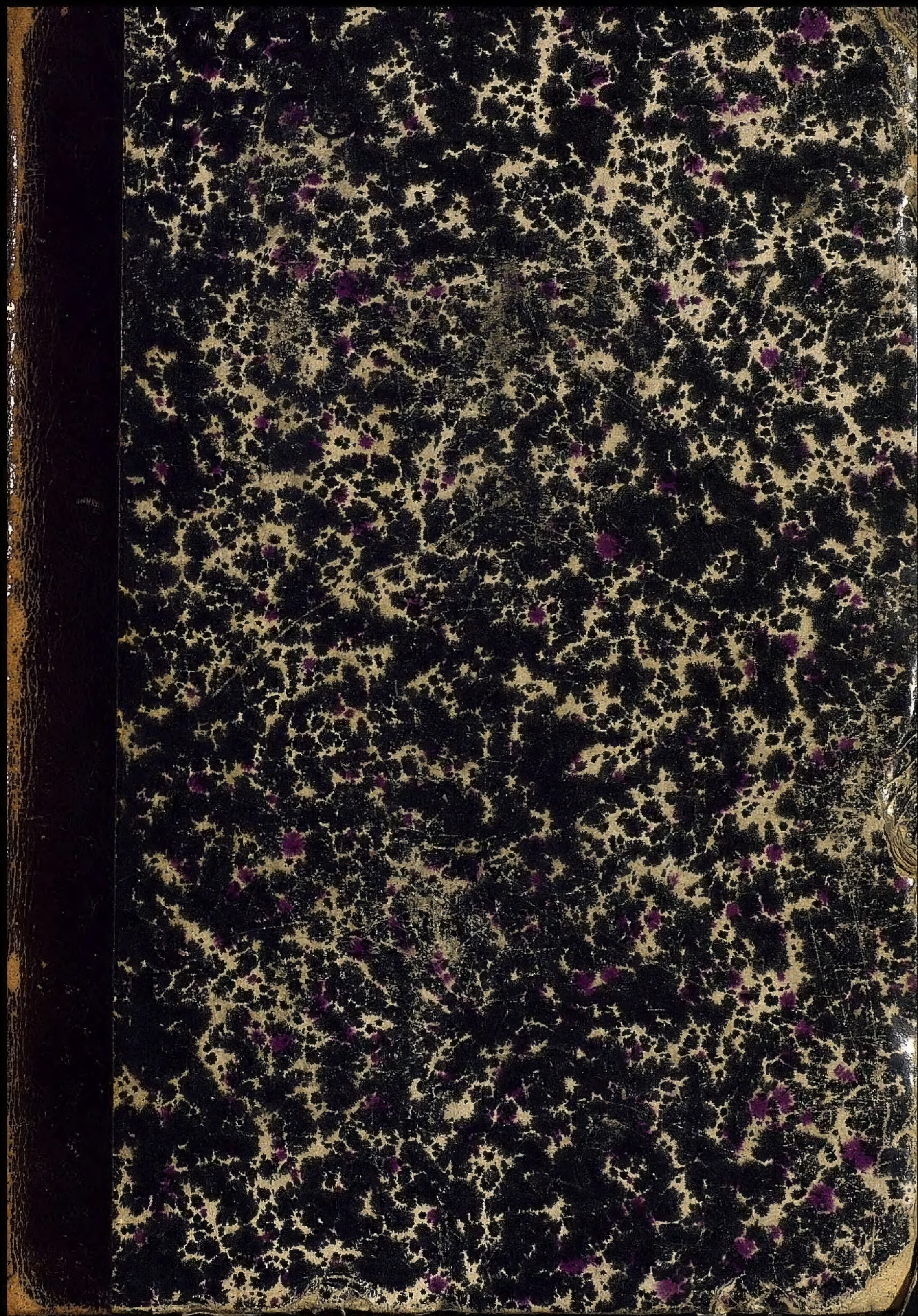

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКІЙ К БИНЕТЪ
С.-Петербургск. Университета

№ 9 Годъ XXII

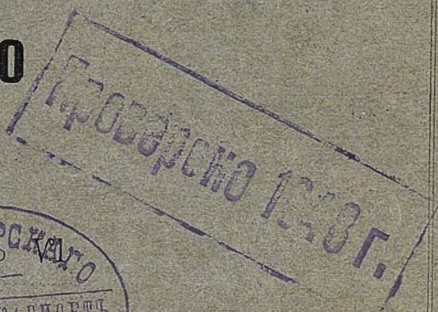
ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

СЕНТЯБРЬ

1890

ТОМЪ VI

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1890

Содержаніе сентябрьской книги.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1890

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

ТОМЪ VI

КНИГА ПЕРВАЯ

(Сентябрь)

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1890

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

I.

Едва ли не самый крупный признакъ новаго времени состоитъ въ стремленіи къ совокупному труду соединенными силами многихъ лицъ, замѣчаемому во всѣхъ областяхъ науки. Дѣятельность индивидуальная, конечно, не упраздняется, не смѣняется дѣятельностью общественною, но ищетъ себѣ въ общественномъ соединеніи поддержки и расширенія своего поприща. Работающая личность выступаетъ передъ обществомъ не только съ результатами своего интеллектуальнаго труда, но уже въ самомъ процессѣ его, уединенное кабинетное созерцаніе дополняется публичнымъ обмѣномъ мыслей, начиная съ первыхъ шаговъ ихъ зарожденія. Выгоды такого порядка ассоціаціи труда неисчислимы. Благодаря ему, смягчаются угловатости кабинетнаго созерцанія, научная работа становится ближе къ условіямъ и потребностямъ широкой дѣйствительности, ускореніе обмѣна мнѣній содѣйствуетъ болѣе быстрому развитію научныхъ положеній, а сами работники находятъ въ немъ весьма существенное поощреніе своимъ усиліямъ и, въ среднемъ, значительно выигрываютъ въ широтѣ своего кругозора.

Закону ассоціаціи труда различныя отрасли науки подпадаютъ тѣмъ быстрѣе и полнѣе, чѣмъ ближе стоятъ онѣ къ дѣйствительной жизни и чѣмъ шире кругъ ихъ участниковъ. Первенство безспорно принадлежитъ наукамъ естественно историческимъ, изъ наукъ общественныхъ закону этому раньше и въ наибольшей мѣрѣ подпали науки соціальныя, но нынѣ ему подчиняется даже филологія. Не могъ онъ не сказаться и на наукахъ юридическихъ, главнымъ образомъ на наиболѣе отзывчатой, чувствительной, скажемъ даже—наиболѣе нервной изъ нихъ, наукѣ уголовнаго права.

Законъ ассоціаціи естественно началъ свое приложеніе въ грани-

цахъ государственныхъ, но столь же естественно не могъ въ нихъ удержаться и раздвинулся въ предѣлы международные. До прошлаго года, юриспруденція имѣла уже двѣ международныя ассоціаціи: общество международнаго права (Société de droit international), удѣлявшее значительную долю своихъ работъ вопросамъ уголовно-юридическимъ, и международные пенитенціарные конгрессы, почти всецѣло имъ посвящавшіеся, но въ спеціальной области практическаго приложенія наказанія и предупрежденія преступленій. Огромная польза, ими принесенная, безспорна. Но первая ассоціація по своему складу довольно скоро приблизилась къ типу академіи, съ академическими іерархіею, сановитостью и малодоступностью для не прошедшихъ всѣхъ установленныхъ въ ней степеней посвященія; вторые необходимо предположили широкое участіе правительственнаго элемента, представившее извѣстныя неудобства для свободы и быстроты научныхъ изслѣдованій, для обмѣна по душѣ накоплявшихся мнѣній. Обѣ ассоціаціи, притомъ, касались уголовнаго права лишь одною своею стороною; не посвящаясь, строго говоря, разработкѣ его внутреннихъ основаній, обѣ занимались только приложеніемъ готовыхъ уже положеній уголовнаго права къ областямъ, спеціально каждую изъ нихъ интересовавшимъ, онѣ стояли по отношенію къ уголовному праву на почвѣ существующаго, общепризнаннаго, а не на почвѣ реформы, но имѣя въ составѣ своемъ большинство, состоявшее изъ не-криминалистовъ, существующимъ естественно считали общепризнанное за раціональное въ тѣхъ болѣе широкихъ областяхъ, о приложеніи къ которымъ уголовно-юридическихъ началъ онѣ заботились. Въ результатѣ этого было, съ одной стороны, то, что законъ ассоціаціи для внутренней разработки вопросовъ уголовнаго права пока не дѣйствовалъ, съ другой—провозглашеніе цѣлаго ряда положеній по вопросамъ уголовнаго права, выставленныхъ представителями чуждыхъ ему спеціальностей и настоятельно требовавшихъ провѣрки со стороны уголовно-правовой доктрины.

Таковы, по крайнему разумѣнію моему, жизненныя причины, вызвавшія образованіе международнаго союза уголовнаго права, иниціаторами котораго стали бывшій марбургскій, нынѣ галльскій профессоръ Францъ *фонъ - Листъ*, амстердамскій профессоръ *ванъ - Гаммель*, и бельгійскій профессоръ *Принсъ*. Нужно было разобраться въ тѣхъ новыхъ взглядахъ, которые такою массою брошены были въ область уголовнаго права не-криминалистами, нужно было дать имъ скорѣйшую и наиболѣе авторитетную оцѣнку съ точки зрѣнія доктрины уголовнаго права, для чего представлялась весьма возможною и глу-

бокая внутренняя реформа въ этой области. Сдѣлать все это съ наибольшимъ успѣхомъ казалось наилучшимъ путемъ соединеннаго труда криминалистовъ всего цивилизованнаго міра. Не для пропаганды новыхъ взглядовъ, высказанныхъ на сторонѣ, не криминалистами, образовался международный союзъ уголовнаго права, а для разсмотрѣнія и оцѣнки ихъ на почвѣ доктрины уголовнаго права, но съ тѣмъ, чтобы не останавливаться, въ случаѣ нужды, передъ пересмотромъ внутреннихъ, хотя бы самыхъ коренныхъ положеній этой доктрины. Однако, такъ какъ ближайшимъ внѣшнимъ поводомъ, приведшимъ къ мысли объ образованіи союза, были эти новые взгляды, то они естественно должны были выдвинуться прежде всего для труда соединеннаго и содержаніе ихъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, не могло не отразиться даже на характерѣ дѣятельности союза.

Эти новые взгляды, въ которыхъ предстояла настоятельная надобность разобраться и которые брошены были со стороны въ область уголовнаго права, образовались постепенно. Доктрина уголовнаго права въ томъ видѣ, какъ она сложилась ко второй половинѣ текущаго столѣтія, представляется продуктомъ двухъ направленій, изъ которыхъ во главѣ одного стоитъ философія Канта, во главѣ другаго— критика Беккаріи. Вліяніе на нее философіи Канта безспорно и огромно; благодаря Канту, уголовное право вышло изъ того состоянія полицейскаго порядка, когда наказаніе было простымъ средствомъ государственнаго абсолютизма, примѣнявшимся по соображеніямъ посороннимъ наказываемому, чтобы другимъ неповадно было; Канту оно обязано своимъ современнымъ понятіемъ о виновности, какъ продуктѣ личной свободы, у него именно нужно искать корней теперешняго ученія о вмѣняемости, о соотвѣтствіи между виною и наказаніемъ, о наказаніи какъ необходимой мѣрѣ нравственнаго возмездія; апоѳеозъ индивидуальности, философія Канта и въ области уголовноюридической выдвинула индивидуальность на исключительную высоту, отбросивъ въ наказаніи всякія цѣли практическія, объявивъ его непремѣнно обязанностью общежитія, стоящею выше всѣхъ его интересовъ. Беккарія требуетъ цѣлесообразности наказанія, пригодности его для достиженія тѣхъ практическихъ интересовъ, въ виду которыхъ оно примѣняется; однако, общихъ ученій уголовнаго права о вмѣняемости критика Беккаріи почти [1]) не коснулась, въ основаніи ихъ осталась и получила затѣмъ дальнѣйшее развитіе идея личной виновности.

---

[1]) Если не считать его положенія о мотивахъ, близкія къ Бентамовымъ и развитыя затѣмъ Фейербахомъ, но на почвѣ той же философіи Канта.

Между тѣмъ новыя изслѣдованія постепенно выясняли зависимость человѣческихъ дѣйствій, помимо фактовъ волевыхъ, отъ постороннихъ причинъ, — мысль, высказывавшаяся еще Монтескье, ясно сознавшаяся Тюрго, получившая уже научную формулировку у Кондорсе, а въ примѣненіи къ дѣйствіямъ преступнымъ ставшая предметомъ тщательной разработки статистиковъ и пенитенціаристовъ. Первые, съ Кетлэ во главѣ, выяснили зависимость ихъ отъ общественныхъ условій; вторые обратили вниманіе на особенный складъ преступнаго населенія, на преобладаніе въ немъ людей съ неудовлетворительнымъ физическимъ или нравственнымъ прошлымъ ихъ родителей, а также страдающихъ болѣзнями пріобрѣтенными. Болѣе и болѣе выдвигается взглядъ на преступленіе, какъ на необходимый продуктъ ненормальнаго состоянія общества или индивида, въ которомъ личная свобода не принимаетъ никакого участія.

Но если такъ, то идея личной виновности падаетъ, вмѣстѣ съ нею падаетъ и личная отвѣтственность. Если преступленіе есть продуктъ общежитія, то само общество, а не преступникъ, несетъ за него вину: отсюда теорія среды, теорія личной безотвѣтственности во имя общественныхъ вліяній, одно время столь модная на трибунахъ адвокатскихъ. Если преступленіе есть продуктъ органическихъ ненормальностей, наслѣдственныхъ или прирожденныхъ, то равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи о личной виновности. Въ обоихъ случаяхъ нѣтъ мѣста наказанію въ томъ значеніи, которое образовалось подъ вліяніемъ философіи Канта.

Возможенъ былъ, однако, и другой выходъ — отказаться отъ положеній Кантовской философіи, погребсти идею личной виновности и воскресить положенія полицейскаго государства, когда наказаніе было простымъ средствомъ служенія интересамъ государственной и общественной безопасности. Этотъ выходъ былъ предложенъ Галлемъ и иными натуралистами еще въ сороковыхъ годахъ, въ то время отброшенъ, но повторенъ съ новою силою такъ называемою итальянскою антропологическою школою, съ Ломброзо во главѣ. Въ преступленіи она видитъ необходимый и натуралистическій продуктъ организаціи человѣка особаго типа, человѣка-преступника, по отношенію къ которому общежитію принадлежитъ безграничное право самоогражденія, доходящее до права уничтоженія.

Ни тотъ, ни другой выходъ, понятно, не могутъ удовлетворить криминалиста. Найти возможность примирить ихъ, сохранить идею личной виновности съ признаніемъ вліянія общественныхъ и космическихъ фактовъ на преступную дѣятельность, настоятельно необ-

ходимо для самаго существованія уголовнаго права. Доктрина антропологической школы, повидимому, пришла на помощь уголовному праву противъ теорій среды, предложивъ ему теорію вреднаго для общежитія организма; положенія ея высказаны были съ жаромъ и увлеченіемъ жителей юга, ихъ страстность дала имъ широкое распространеніе, тѣмъ болѣе, что они были подготовлены трудами статистиковъ и пенитенціаристовъ, указывавшихъ однородные факты, хотя дѣлавшихъ изъ нихъ другіе выводы. Съ ними нельзя было не считаться, съ нихъ нужно было начать при пересмотрѣ основаній уголовнаго права.

Въ такомъ состояніи находилась уголовная юриспруденція къ моменту появленія международнаго союза криминалистовъ. Положенія антропологической школы были ближайшимъ толчкомъ, вызвавшимъ его къ жизни; но почва для критики ея уже готова и стала уже выяснять слабыя стороны антропологическаго направленія. Союзъ образуется для пересмотра уголовнаго права не на основаніи этихъ положеній, а съ принятіемъ ихъ во вниманіе.

Съ такой, по крайнему разумѣнію нашему, точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на статутъ союза, хотя редакція его можетъ подать поводъ къ инымъ заключеніямъ, будто бы союзъ ставитъ своею задачею не провѣрку, а пропаганду положеній антропологической школы. Статутъ этотъ, еще въ 1888 г. разосланный за подписью Листа, ванъ-Гаммеля и Принса къ лицамъ, приглашавшимся принять участіе въ союзѣ, содержитъ въ себѣ слѣдующія десять положеній.

«I. Международный союзъ уголовнаго права исходитъ изъ убѣжденія, что преступленіе и наказаніе должны быть разсматриваемы не только со стороны юридической, но и общественной. Онъ посвящаетъ себя закрѣпленію этого принципа и его послѣдствій въ наукѣ права и въ уголовныхъ законодательствахъ».

«II. Въ значеніи руководящихъ основаній своихъ работъ союзъ принимаетъ слѣдующія положенія»:

1) Задача уголовнаго права есть борьба противъ преступности, какъ общественнаго явленія.

2) Поэтому наука уголовнаго права и уголовныя законодательства должны принимать во вниманіе результаты изслѣдованій антропологическихъ и соціологическихъ.

3) Наказаніе есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ противъ преступности, находящихся въ распоряженіи государства. Но это средство не единственное. Поэтому оно не должно стоять изолированно отъ прочихъ средствъ; главнымъ образомъ, не должно забывать средствъ предупредительныхъ.

4) На практикѣ и въ теоріи существенно важно различіе преступниковъ случая и преступниковъ привычки; оно должно лежать въ основаніи карательныхъ постановленій.

5) Имѣя въ виду, что уголовные суды и пенитенціарное вѣдомство преслѣдуютъ одну и ту же цѣль и что значеніе приговора опредѣляется его исполненіемъ, слѣдуетъ признать, что установленное современною доктриною раздѣленіе между функціями репрессивной и пенитенціарной представляется неразумнымъ и вреднымъ.

6) Такъ какъ наказаніе лишеніемъ свободы съ полнымъ основаніемъ занимаетъ первенствующее мѣсто въ современныхъ карательныхъ системахъ, то союзъ обращаетъ свое специальное вниманіе на все то, что относится къ улучшенію мѣстъ заключенія и учрежденій, съ ними соприкасающихся.

7) Однако союзъ полагаетъ, что замѣна краткосрочнаго лишенія свободы иными мѣрами, столь же дѣйствительными, возможна и желательна.

8) По отношенію къ долгосрочному лишенію свободы союзъ полагаетъ, что продолжительность его должна зависѣть не только отъ тяжести (матеріальной и моральной) преступленія, но также отъ результатовъ,достигнутыхъ вслѣдствіе примѣненія пенитенціарныхъ мѣръ.

9) По отношенію къ неисправимымъ преступникамъ привычки союзъ полагаетъ, что, независимо отъ тяжести учиненнаго ими, даже при повтореніи мелкихъ проступковъ, карательная система должна прежде всего имѣть въ виду поставленіе ихъ въ невозможность причинять дальнѣйшій вредъ на возможно болѣе продолжительный срокъ времени.

III. Члены союза присоединяются къ вышеизложеннымъ положеніямъ.

Новые члены предлагаются бюро однимъ изъ членовъ союза письменно. Бюро союза по большинству голосовъ рѣшаетъ вопросъ о принятіи или непринятіи кандидата, не оглашая своихъ мотивовъ.

IV. Въ видѣ общаго правила, союзъ имѣетъ каждый годъ одинъ съѣздъ, но съѣзды могутъ открываться и въ болѣе продолжительные промежутки. Каждый съѣздъ опредѣляетъ мѣсто и время слѣдующаго съѣзда. Время и мѣсто перваго съѣзда, долженствующаго быть въ 1889 г., будутъ опредѣлены бюро.

V. Бюро опредѣляетъ порядокъ засѣданій и заботится о подготовкѣ докладовъ. Кромѣ того, каждому съѣзду оно представляетъ отчетъ объ улучшеніяхъ, происшедшихъ въ уголовныхъ законодательствахъ со времени предъидущаго съѣзда. Оно публикуетъ какъ этотъ отчетъ, такъ и извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій съѣзда.

VI. Члены бюро избираются общимъ собраніемъ союза, которое

также опредѣляетъ для каждаго съѣзда особо, на какомъ языкѣ, въ видахъ облегченія совѣщаній, должны происходить пренія.

Въ виду общаго правила, по вопросамъ, внесеннымъ на обсужденіе съѣзда, голосованія не производится. Однако, всякое положеніе, внесенное на разсмотрѣніе съѣзда, присоединяется къ основнымъ положеніямъ союза, изложеннымъ въ ст. II, если въ пользу его выскажется не менѣе $^2/_3$ голосовъ.

VII. Общее собраніе постановляетъ свои рѣшенія по простому большинству голосовъ. Отсутствующіе члены имѣютъ право подать голосъ письменно.

Для измѣненія настоящаго статута требуется большинство не менѣе $^2/_3$ голосующихъ.

VIII. Бюро образуется изъ трехъ членовъ, распредѣляющихъ между собою функціи предсѣдателя, секретаря и казначея. Оно можетъ избрать добавочнаго секретаря.

Предсѣдатель общаго собранія избирается бюро изъ своей среды.

IX. Размѣръ годичнаго членскаго взноса опредѣляется въ 5 фр. или 4 марки; взиманіе ихъ производится казначеемъ.

Общее собраніе можетъ установить временное или постоянное увеличеніе размѣра членскаго взноса.

X. До съѣзда 1889 г. бюро союза образуютъ: профессоръ ванъ-Гаммель въ Амстердамѣ; профессоръ Фр. von Liszt въ Марбургѣ; профессоръ Ад. Prins въ Брюсселѣ.

Получивъ эти положенія съ приглашеніемъ принять участіе въ союзѣ, я сообщилъ профессору Листу, что не раздѣляю положенія о неисправимыхъ преступникахъ, всецѣло принадлежащаго антропологической школѣ. Листъ отвѣтилъ мнѣ, что вступленіе въ союзъ отнюдь не означаетъ согласія вступающаго со всѣми положеніями ст. II статута, которыя подлежатъ еще разсмотрѣнію на общихъ собраніяхъ союза. Повидимому, подобныя оговорки сдѣланы были не мною однимъ, потому что вскорѣ въ журналѣ Листа Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft (1889, 3, стр. 363 и сл.), а затѣмъ и въ первомъ же номерѣ бюллетеней союза, къ положеніямъ этимъ прибавлена значительно смягчавшая ихъ оговорка. «Союзъ, говорилось тамъ, ни въ какомъ случаѣ не требуетъ отъ своихъ членовъ присоединенія къ опредѣленной уголовной теоріи. Оставляя въ сторонѣ чисто теоретическіе споры школъ, онъ преслѣдуетъ цѣль практическую, именно постепенное преобразованіе дѣйствующаго права въ смыслѣ полнаго приспособленія наказанія къ тѣмъ цѣлямъ, которыя имъ преслѣдуются. Каждое уголовное законодательство должно носить наці-

ональную окраску, должно сообразоваться съ истиннымъ характеромъ государства и народа, для котораго предназначается. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое уголовное законодательство имѣетъ научныя основанія, причемъ установляющая ихъ наука не ограничивается предѣлами данной національности. Нашъ союзъ поэтому будетъ союзомъ международнымъ, онъ дастъ въ распоряженіе законодателя каждой страны результаты, достигнутые общими усиліями. Ассоціація, которая стремится къ измѣненію законодательства на научныхъ основаніяхъ, должна ясно и по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ намѣтить цѣли, ею преслѣдуемыя, и основанія, въ виду которыхъ такія цѣли ею себѣ ставятся. Вотъ почему международный союзъ уголовнаго права выступаетъ съ опредѣленною программою. Но отъ своихъ членовъ онъ ожидаетъ принятія лишь сущности этой программы. Принципы, провозглашенные въ ст. II статута, должны быть разсматриваемы не какъ положенія извѣстной доктрины, не какъ заповѣди науки уголовнаго права, а только какъ основанія дѣятельности ассоціаціи; они намѣчаютъ лишь общее направленіе ея работъ». Изложивъ затѣмъ съ нѣкоторыми поясненіями эти положенія (причемъ положеніе о неисправимыхъ преступникахъ не повторяется), и оговоривши, что «по отношенію къ италіанской позитивной школѣ союзъ сохраняетъ за собою полную свободу критики», разсматриваемый документъ въ заключеніе замѣчаетъ: «эти краткія замѣтки свидѣтельствуютъ, что программа союза должа быть разсматриваема не какъ догматическій результатъ предустановленной доктрины, а только какъ призывъ къ серьезнымъ научнымъ работамъ по даннымъ вопросамъ. О многихъ важныхъ вопросахъ ст. II статута умалчиваетъ не изъ желанія пренебречь ими, а только въ виду необходимости начинать съ наиболѣе настоятельныхъ».

Союзъ имѣлъ свой первый съѣздъ, происходившій въ Брюсселѣ 7 и 8 августа прошлаго года по новому стилю. На этомъ съѣздѣ предложено было обсужденіе слѣдующихъ вопросовъ:

1) Можно ли рекомендовать законодательствамъ, по примѣру Бельгіи, ввести въ карательную систему институтъ условнаго осужденія?

2) Какія мѣры могутъ быть рекомендованы законодательствамъ для того, чтобы ограничить примѣненіе тюремнаго заключенія въ случаяхъ осужденія за легкіе проступки?

3) Каковы недостатки современной системы для борьбы съ рецидивомъ?

4) а) Съ какого возраста дѣти могутъ быть преслѣдуемы передъ судомъ?

b) Слѣдуетъ ли ставить право государства на примѣненіе принудительнаго воспитанія къ дѣтямъ въ зависимость отъ факта учиненія ребенкомъ преступнаго дѣянія?

По первому вопросу были представлены доклады Принса и Ламмаша. Послѣ устнаго доклада и преній, съѣздомъ принята резолюція, рекомендующая законодательствамъ институтъ условнаго осужденія, но съ тѣмъ, чтобы границы его были опредѣлены сообразно мѣстнымъ условіямъ и въ соотвѣтствіи съ характеромъ и моральнымъ состояніемъ каждаго народа.

По второму вопросу письменные доклады представлены Листомъ и Гарофало. Съѣздъ послѣ преній высказался за ограниченіе тюремнаго заключенія по отношенію къ мелкимъ проступкамъ, рекомендовавъ въ замѣнъ его поручительство и изысканіе способовъ для облегченія взысканія денежныхъ пеней безъ превращенія ихъ въ лишеніе свободы.

По третьему вопросу докладчикомъ былъ ванъ-Гаммель. Съѣздомъ принята резолюція, признающая дѣйствующую карательную систему по отношенію къ рецидивистамъ недостаточною и неудовлетворительною, главнымъ образомъ потому, что она не обращаетъ никакого вниманія на существующія различія между преступниками случая и преступниками привычки, и злоупотребляетъ краткосрочными наказаніями.

Четвертый вопросъ остался не разсмотрѣннымъ. Онъ долженъ былъ имѣть своимъ содержаніемъ опредѣленіе карательной участи несовершеннолѣтнихъ и распадался на двѣ части: а) съ какого возраста возможно уголовное преслѣдованіе дѣтей, и b) слѣдуетъ ли ставить право государства на принудительное воспитаніе ребенка въ зависимость отъ учиненія имъ преступнаго дѣянія?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, брюссельскій конгрессъ утвердилъ бюро союза, выразилъ членамъ его благодарность, опредѣлилъ устройство мѣстныхъ союзовъ для отдѣльныхъ государствъ, и постановилъ созвать второй зъѣздъ въ текущемъ 1890 году.

Были установлены мѣсто и время его (Бернъ, 12 — 14 августа по новому стилю) и его программа. Послѣдняя независимо отъ занятій административныхъ, обнимала четыре вопроса: 1) какіе признаки могутъ быть рекомендованы законодателю для распознаванія неисправимыхъ преступниковъ привычки и какія противъ нихъ должны быть приняты мѣры; 2) второй вопросъ обнимаетъ оставшійся неразсмотрѣннымъ четвертый вопросъ брюссельскаго съѣзда, съ присоединеніемъ къ нему, по моему почину, новой части: «представляется ли необходимымъ и удобнымъ ставить режимъ, которому должны подле-

жать преступныя дѣти, въ зависимость отъ разрѣшенія вопроса о томъ, дѣйствовали ли они съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія»; 3) можетъ и долженъ ли законодатель обратить большее, чѣмъ нынѣ, вниманіе на моментъ гражданскаго вознагражденія потерпѣвшаго за причиненный ему преступленіемъ вредъ и вообще на права потерпѣвшаго? Какія средства могутъ быть предложены для достиженія этой цѣли?, и 4) возможно ли замѣнить въ нѣкоторыхъ случаяхъ краткосрочное лишеніе свободы обязательными работами безъ заключенія?

Если нѣкоторые изъ приведенныхъ вопросовъ носятъ яркую окраску италіанской антропологической школы, то уже изъ резолюціи брюссельскаго съѣзда съ несомнѣнностью вытекаетъ, что международный союзъ уголовнаго права при разрѣшеніи ихъ идетъ путями самостоятельными. Ихъ можно назвать соціологическими въ противоположность антропологическимъ, и дѣйствительно, большинство дѣятелей союза—Принсъ, ванъ Гаммель, Ламмашъ, даже Листъ — принадлежатъ къ соціологическому направленію. Но даже рѣзкости этого послѣдняго умѣряются союзомъ, благодаря юридическому цементу его. Горячая и безусловная пропаганда института условнаго осужденія со стороны Принса была ограничена брюссельскимъ съѣздомъ рядомъ оговорокъ, потребовавшихъ, чтобы при введеніи его обращалось вниманіе на потребности и особенности каждой данной мѣстности. Корни втораго вопроса лежатъ не у италіанскихъ антропологовъ, а у пенитенціаристовъ. Третій вопросъ докладчикомъ его ванъ Гаммелемъ былъ поставленъ очень рѣзко въ направленіи антропологическо-соціологическомъ, но съѣздъ смягчилъ и его, признавъ лишь то, что становится уже господствующимъ мнѣніемъ и между юристами, благодаря работамъ пенитенціаристовъ, именно необходимость дѣлать различіе между преступниками привычки и преступниками случая. Все это даетъ полное основаніе надѣяться, что и въ будущемъ международный союзъ уголовнаго права будетъ идти широкимъ путемъ свободнаго научнаго изслѣдованія, что онъ не станетъ органомъ пропаганды положеній какой нибудь односторонней теоретической секты.

Къ половинѣ нынѣшняго года союзъ насчитывалъ въ разныхъ государствахъ 360 членовъ. Большинство приходилось на Германію (107), за нею шли Венгрія (49), Австрія (32), Нидерланды (21), Италія (18), Россія съ Финляндіей (17), Швейцарія (16), Бельгія (11), Франція и Испанія (по 9). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ образовались уже «мѣстныя группы» (Landesgruppen), подвергающія своему предварительному обсужденію вопросы, намѣченные для предстоящихъ конгрессовъ со-

юза, а для облегченія сношеній со своими членами союзъ имѣетъ въ каждой странѣ делегаціи, взимающія весьма скромные членскіе взносы (ежегодно 5 франковъ), пересылающія ихъ въ бюро союза, распредѣляющія въ каждой странѣ труды союза и вообще являющіяся представителями интересовъ союза въ странѣ и страны передъ союзомъ. Для Россіи эту функцію временно я согласился принять на себя.

II.

Въ началѣ августа 1890 г. происходилъ второй съѣздъ союза, въ Бернѣ. По обстановкѣ, онъ существенно отличался отъ брюссельскаго: больше торжественности, выдержки въ преніяхъ, знаковъ общественнаго вниманія. Открытіе его и предсѣдательство принялъ на себя глава Швейцаріи, предсѣдатель федеративнаго совѣта г. Рюшонне. Съѣхалось въ Бернъ 80 членовъ союза, въ томъ числѣ г-жа Кемпицъ, профессоръ нью-іоркскаго университета; изъ Россіи прибыли профессоръ московскаго университета А. К. Вульфертъ, товарищъ прокурора г. Брэнеръ и я; изъ Франціи—профессоры каэнскаго университета Гоклеръ (Gauclair) и Лебре (Lebret) и нашъ знакомецъ по петербургскому конгресу парижскій профессоръ Левелье; Германія имѣла 18 представителей, въ томъ числѣ профессоры Листъ, Зейфертъ, Kries, докторъ Георгъ Майръ и др.; проф. Принсъ и ванъ-Гаммель представляли Бельгію и Нидерланды, судья Упстрэмъ (Uppström)—Швецію, но наибольшее число прибывшихъ членовъ (46) выпало, конечно, на страну, въ которой происходилъ съѣздъ. Отсутствіе италіанскихъ членовъ было всѣми замѣчено. Засѣданія происходили въ залѣ швейцарскаго федеративнаго совѣта и видимо были подготовлены опытнымъ руководителемъ: секретаріатъ въ полномъ составѣ, трудная функція переводчика выполнялась блестящимъ образомъ г. Брюстлейномъ. Въ первомъ и послѣднемъ засѣданіяхъ съѣзда предсѣдательствовалъ г. Рюшонне, въ посредствующихъ — вицепрезиденты, избранные изъ числа членовъ съѣзда.

Выборъ Швейцаріи для съѣзда оказался весьма удачнымъ, потому что Швейцарія, въ предѣлахъ которой сталкиваются самыя различныя законодательныя системы, крайне заинтересована въ принципіальномъ соглашеніи ихъ и занята въ настоящее время работами по изготовленію проекта общешвейцарскаго уголовнаго уложенія.

Въ своей привѣтственной рѣчи г. Рюшонне отнесся весьма сочувственно къ союзу. Нѣтъ причины, замѣтилъ онъ, опасаться со

стороны союза колебанія уголовно-юридическихъ началъ, потому что своею программою союзъ признаетъ наказаніе однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ борьбы съ преступленіемъ, а это болѣе чѣмъ истина, это аксіома. Безспорно, прибавилъ почтенный предсѣдатель, для успѣха этой борьбы желательно расширеніе мѣръ предупредительныхъ и болѣе тѣсная связь ихъ съ мѣрами карательными. Въ заключеніе г. Рюшонне высказалъ, что хотя, конечно, уголовное право по существу своему носитъ глубоко національный характеръ, однако нельзя считать невѣроятнымъ, что энергіи союза удастся приготовить проектъ международнаго уголовнаго кодекса, и что нѣкоторыя главы этого проекта войдутъ въ положительныя законодательства. Почтенному президенту отвѣчали члены бюро союза, гг. Принсъ, Листъ и ванъ-Гаммель.

Въ программу бернскаго съѣзда, какъ сказано выше, вошли четыре вопроса: 1) о преступникахъ неисправимыхъ; 2) о замѣнѣ краткосрочнаго лишенія свободы работами безъ заключенія; 3) о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ и 4) о реформѣ гражданскаго вознагражденія потерпѣвшаго отъ преступленія. Но послѣдній вопросъ остался неразсмотрѣннымъ, такъ что занятія съѣзда ограничились первыми тремя вопросами.

По первому вопросу въ бюллетеняхъ союза напечатанъ докладъ профессора марбургскаго университета Лиліенталя, воспроизведенный имъ устно и поддержанный профессоромъ Левелье, который сошелся съ предыдущимъ докладчикомъ. Профессоръ Лиліенталь признаетъ существованіе опаснаго класса неисправимыхъ преступниковъ, ставшихъ таковыми частью по причинамъ физическимъ, именно по вырожденію, алькоголизму, болѣзнямъ и т. п., дѣлающимъ ихъ органически неспособными къ исправленію, частью вслѣдствіе дурныхъ привычекъ, столь глубоко въ нихъ укоренившихся, что никакія мѣры, предпринимаемыя обществомъ, не въ состояніи возвратить ихъ на путь нормальной жизни. Дѣлая оговорку, что рѣчь идетъ только о неисправимости относительной, а не абсолютной, отрекаясь отъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ и категорій, которые предложены были Ломброзо и его школою, тѣмъ не менѣе и Лиліенталь и Левелье настаивали на необходимости для такихъ лицъ спеціальныхъ наказаній, проникнутыхъ всецѣло цѣлями общественной безопасности; указывались наказанія пожизненныя, а Левелье, горячій защитникъ ссылки, не преминулъ рекомендовать ее. Другое направленіе, также признавая существованіе неисправимыхъ, находило, что къ этимъ лицамъ должны примѣняться обыкновенныя наказанія, но съ предоставленіемъ об-

ществу права, по отбытіи наказанія, подвергать ихъ особымъ мѣропріятіямъ (Masznahme), которыя вызываются соображеніями безопасности. Отрицалъ неисправимость профессоръ Вульфертъ, сославшійся на данныя петербургскаго конгресса. Для согласованія этихъ разнорѣчій образована была особая коммиссія, но и она не пришла къ единогласію: ею представлены были двѣ редакціи, большинства и меньшинства. Первая гласила: 1) существуютъ преступники, по отношенію къ которымъ, вслѣдствіе физическаго или моральнаго состоянія ихъ, обычныя мѣры репрессіи оказываются недостаточными; 2) сюда, главнымъ образомъ, должны быть отнесены такіе закоренѣлые рецидивисты, которые должны быть разсматриваемы какъ преступники по вырожденію или по промыслу; 3) такія лица должны быть подвергаемы спеціальнымъ мѣрамъ, имѣющимъ цѣлью лишить ихъ опасности, или, если возможно, исправить ихъ, сообразно со степенью ихъ испорченности и представляемой ими опасности. Другая редакція, также признавая существованіе преступниковъ, не поддающихся обычнымъ мѣрамъ репрессивнаго воздѣйствія, предлагала относительно ихъ предоставить общественной власти, безъ примѣненія наказаніи, принимать особыя предупредительныя мѣры по отбытіи наказанія (отдача въ рабочій домъ и т. п.), указывая вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ классы преступниковъ, къ которымъ мѣры эти могутъ быть примѣняемы (бродяги, воры и т. п.). По этому вопросу мнѣ пришлось остаться при особомъ мнѣніи. Я отрицалъ существованіе особаго *класса* неисправимыхъ преступниковъ, указывая, что такъ называемые неисправимые по причинамъ, лежащимъ въ ненормальности физической организаціи, должны быть совершенно чужды области уголовнаго права, — это люди больные, требующіе не наказанія, а лѣченія; что же касается такъ называемыхъ неисправимыхъ вслѣдствіе обращенія преступной дѣятельности въ привычку или промыселъ, то всякая привычка предполагаетъ отвычку; и такъ какъ исправленіе въ смыслѣ общественно-юридическомъ значитъ приспособленіе къ условіямъ нормальной общественной жизни, способность къ которому не можетъ быть отрицаема ни у одного здороваго человѣка, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, исправленіе въ этомъ смыслѣ выгодно не только для общества, но и для индивида;—то существованіе между преступниками лицъ неисправленныхъ должно быть объясняемо не столько ихъ особеннымъ индивидуальнымъ состояніемъ, неизмѣннымъ и безповоротнымъ, сколько, главнымъ образомъ, несовершенствомъ тѣхъ воспитательныхъ пріемовъ, которыми до нынѣ располагало общежитіе. Выводъ, отсюда вытекающій, состоитъ въ не-

обходимости дальнѣйшаго развитія воспитательной системы, а не изощренія въ суровости мѣръ репрессивныхъ и ихъ суррогатовъ. Въ противномъ случаѣ наиболѣе суровымъ мѣрамъ должны были бы подпасть провинившіеся въ преступленіяхъ религіозныхъ, печати и политическихъ, т. е. вызываемымъ окрѣпшимъ и твердымъ убѣжденіемъ, съ которымъ человѣкъ не разстается до гробовой доски. Требуя поэтому, чтобы мѣры наказанія стояли въ соотвѣтствіи съ объективною тяжестью учиненнаго, я въ виду субъективной опасности дѣятеля, допускалъ лишь примѣненіе мѣръ превентивныхъ, правда, поставленныхъ въ болѣе тѣсную связь съ наказаніемъ, но отдѣленныхъ отъ него и всецѣло опредѣляемыхъ задачами воспитанія. Конечно, мысли эти до такой степени расходились съ идеями союза, что нельзя было и думать о принятіи ихъ съѣздомъ, но я считалъ своею обязанностью высказать ихъ, какъ протестъ противъ догмата о неисправимости. Незначительнымъ большинствомъ 24 противъ 22 голосовъ, съѣздъ принялъ первую редакцію, проф. Лиліенталя, такъ что вторая не подвергалась обсужденію.

Слѣдующій вопросъ, подлежавшій обсужденію съѣзда, состоялъ въ томъ, могутъ ли принудительныя работы замѣнить въ нѣкорыхъ случаяхъ краткосрочное лишеніе свободы. Дурныя стороны краткосрочнаго заключенія уже давно обращаютъ на себя вниманіе и рельефно выставлены союзомъ, который поставилъ одною изъ своихъ задачъ борьбу съ этимъ зломъ. Для сколько нибудь тяжкихъ преступниковъ, мѣра эта при современномъ ея положеніи отнюдь не представляется наказаніемъ, между тѣмъ какъ новички въ преступленіи, благодаря ей, постепенно свыкаются съ тюрьмою, терпятъ по освобожденіи ея позоръ, что уменьшаетъ для нихъ возможность честнаго заработка, и семейныя связи ихъ ослабѣваютъ. Вотъ почему еще на брюссельскомъ съѣздѣ ставился вопросъ о способахъ замѣны этой мѣры для ограниченія ея примѣненія, причемъ, какъ мы видѣли, съѣздъ рекомендовалъ съ этою цѣлью институтъ условнаго осужденія, поручительство и облегченіе способовъ уплаты опредѣленныхъ судомъ денежныхъ взысканій. Тогда же указывались съ этою цѣлью принудительныя общественныя работы безъ заключенія, первоначальная идея о которыхъ принадлежитъ графу Фореста, высказавшему ее на лондонскомъ пенитенціарномъ конгрессѣ 1872 г. и затѣмъ поддерживавшему ее на римскомъ конгрессѣ 1885 г. Но хотя эта идея уже считаетъ за собою около 20 лѣтъ и первоначально была принята весьма сочувственно, однако мало по малу пришлось убѣдиться въ неосуществимости ея въ размѣрахъ достаточно широкихъ; при обсужденіи ея

возможнаго устройства приходилось наталкиваться на неопредолимыя практическія трудности, какъ-то: слѣдуетъ ли устраивать для приговоренныхъ къ такимъ работамъ общія мастерскія, притомъ—вмѣстѣ со свободными рабочими или отдѣльно отъ нихъ, или же можно дозволять производство работъ на дому? слѣдуетъ ли устраивать разнообразныя по роду работы, или же, въ виду крайней трудности этого, довольствоваться только простѣйшими занятіями мускульными, образующими такъ называемую черную работу? слѣдуетъ ли назначать работы на опредѣленный срокъ, или же на опредѣленное количество заработка, притомъ — по стоимости ли или же по величинѣ послѣдняго? въ случаѣ неспособности къ устроеннымъ работамъ чѣмъ и какъ замѣнять ихъ? можно ли допустить выкупъ отъ нихъ? какъ устроить контроль за работами и разсчетъ ихъ? Защитники идеи обязательныхъ работъ безъ заключенія до сихъ поръ не озаботились выяснить, какъ быть съ этими практическими затрудненіями. Вотъ почему пенитенціарные конгрессы отнеслись къ этому вопросу весьма сдержанно, и въ рефератѣ Баумгартена, представленномъ бернскому съѣзду, шла рѣчь о замѣнѣ общественными работами не лишенія свободы, а только денежныхъ взысканій на случай несостоятельности приговоренныхъ. Докладчикъ склонялся къ утвердительному рѣшенію, и въ томъ же смыслѣ высказались профессоры Цюрхеръ, Зейфертъ и Принсъ; пражскій профессоръ Цукеръ, опасаясь конкурренціи такихъ работъ для свободнаго производства, предлагалъ допускать ихъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, представляющихъ особо благопріятныя для того условія. Выразивъ удовольствіе, что нынѣ уже не ставится вопроса о замѣнѣ общественными работами краткосрочнаго лишенія свободы, а только денежныхъ взысканій, я замѣтилъ, что и съ такимъ ограниченіемъ настоящій вопросъ едва ли достаточно подготовленъ для окончательнаго рѣшенія его съѣздомъ, ибо самыя денежныя взысканія въ разныхъ случаяхъ имѣютъ разную природу. въ однихъ они составляютъ наказаніе слабѣйшее (за легкія нарушенія), въ другихъ—наказаніе специфическое (за нарушеніе таможенныя, лѣсныя, питейныя и т. п.), примѣняемое какъ исключительное или дополнительное; я прибавилъ, что предложеніе замѣнять денежныя взысканія при несостоятельности къ уплатѣ ихъ дѣлается въ видахъ облегченія участи приговоренныхъ, а съ этимъ едва ли мирится предлагаемый для всѣхъ случаевъ принудительный характеръ ихъ; что потому, прежде принятія этой мѣры, слѣдовало бы подумать, не слѣдуетъ ли, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ случаевъ, допускать замѣну денежныхъ взысканій при несостоятельности осуж-

денныхъ или общественными работами, или лишеніемъ свободы, по выбору самихъ приговоренныхъ. Съѣздъ согласился съ заявленіемъ о необходимости болѣе внимательнаго изученія природы денежныхъ взысканій и отложилъ вопросъ объ общественныхъ работахъ.

Послѣдній вопросъ, разсматривавшійся съѣздомъ, посвящался уголовно-юридической участи несовершеннолѣтнихъ. Онъ состоялъ изъ трехъ частей: 1) съ какого возраста можетъ имѣть мѣсто уголовное преслѣдованіе несовершеннолѣтнихъ; 2) должно ли ставить отдачу несовершеннолѣтнихъ подъ общественную опеку въ зависимость отъ учиненія преступнаго дѣянія; и 3) представляется ли необходимымъ и цѣлесообразнымъ ставить участь ихъ въ зависимость отъ рѣшенія вопроса, дѣйствовали ли они съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія? Но вторая часть была отложена за отсутствіемъ докладчиковъ, по первой части докладчикомъ былъ Гоклеръ (Gauclair), по третьей я. Докладъ г. Гоклера развивалъ слѣдующія положенія: нѣтъ разницы между мѣрами карательными и предупредительными, ибо тѣ и другія направлены къ общественной безопасности; опасность же для общества человѣкъ можетъ представлять въ самомъ раннемъ возрастѣ; поэтому право уголовнаго преслѣдованія не должно ограничиваться никакимъ возрастнымъ срокомъ, съ тѣмъ лишь, что въ случаяхъ учиненія дѣяній, преступность которыхъ коренится только въ положительномъ законодательствѣ, а не въ природѣ вещей (délits positives въ противоположность délits naturels), карательныя мѣры не должны примѣняться къ дѣтямъ, не достигшимъ извѣстнаго возраста. Хотя мнѣ предстояло реферировать только по третьей части вопроса, но я не могъ выполнить моей задачи безъ опроверженія предварительно положеній г. Гоклера и началъ съ нихъ. Настаивая на глубокой разницѣ мѣръ карательныхъ и предупредительныхъ, я указалъ, что первыя совершенно неумѣстны относительно дѣтей; что при системѣ г. Гоклера уголовные процессы могли бы быть вчинаемы даже противъ грудныхъ дѣтей; что потому въ данномъ случаѣ кореннымъ представляется вопросъ о самомъ понятіи дѣтства, для установленія котораго существуютъ двѣ системы: французская, предоставляющая рѣшеніе этого вопроса суду, и германская, при которой дѣтскій возрастъ невмѣняемости опредѣляется самимъ законодателемъ—эта послѣдняя система получаетъ рѣшительное господство, и нынѣ къ ней склоняется даже Франція. Споръ или, правильнѣе, разнорѣчіе существуетъ только относительно цифры дѣтскаго возраста; Италія опредѣляетъ ее въ 9 лѣтъ, Россія въ 10, Германія въ 12. Конечно, замѣтилъ я, установленіе такой цифры зависитъ отъ

географическихъ и этнографическихъ условій каждой данной мѣстности, однако нынѣ едва ли умѣстно оспаривать необходимость установить эту цифру въ самомъ законѣ. Новѣйшія же изслѣдованія по этому вопросу направлены къ тому, чтобы она была отодвинута нѣсколько далѣе сравнительно съ тѣмъ, какъ ее опредѣляютъ положительныя законодательства, именно до 14 лѣтъ для государствъ европейскихъ. Затѣмъ я перешелъ къ вопросу о разумѣніи [2]), и указавъ его крайнюю неопредѣлительность, создающую значительныя трудности при разрѣшеніи его, а также его неправильность и ненужность, предлагалъ упразднить этотъ вопросъ и замѣнить вопросомъ, нуждается ли несовершеннолѣтній въ общественной опекѣ; при утвердительномъ рѣшеніи участь несовершеннолѣтняго должна опредѣляться сообразно его индивидуальнымъ особенностямъ, въ томъ смыслѣ, что если въ странѣ существуетъ нѣсколько категорій заведеній принудительнаго воспитанія для несовершеннолѣтнихъ (школы исправительныя и воспитательныя), то помѣщеніе дѣтей въ заведенія той или иной категоріи должно зависѣть не только отъ факта учиненія преступнаго дѣянія, но также отъ другихъ обстоятельствъ, и переводъ изъ однихъ заведеній въ другія долженъ быть облегченъ по возможности. На изложенныхъ основаніяхъ я предложилъ съѣзду: 1) признать совершенно неумѣстными какія бы то ни было карательныя мѣры относительно дѣтей моложе 14 лѣтъ; 2) упразднить вопросъ о разумѣніи; 3) ввести относительно дѣтей до 18 лѣтъ вопросъ, нуждается ли ребенокъ въ отдачѣ подъ опеку общественной власти, и 4) примѣнять къ дѣтямъ порядокъ мѣропріятій, согласованный съ ихъ индивидуальными условіями. Положенія эти были приняты рѣшительнымъ большинствомъ съѣзда. Интересно заявленіе, сдѣланное профессоромъ Принсомъ въ подкрѣпленіе моихъ положеній. Онъ сообщилъ, что въ Бельгіи, гдѣ усвоено раздѣленіе заведеній для несовершеннолѣтнихъ на двѣ категоріи, смотря по тому, совершили ли они преступленіе или нѣтъ (законъ 1848 г.), состоялось министерское циркулярное постановленіе, по которому рекомендуется помѣщать дѣтей въ тѣ или иныя заведенія по индивидуальнымъ ихъ особенностямъ, не стѣсняясь фактомъ преступленія. Такимъ образомъ, разница между дѣтьми преступными и бездомными (enfance coupable, enfance abandonnée) болѣе и болѣе сглаживается.

Кромѣ того, профессоръ Принсъ сообщилъ данныя изъ практики

---

[2]) Подробный по нему докладъ мой напечатанъ въ Bulletin de l'Union, 1890, № 4.

института условнаго осужденія въ Бельгіи. Оказывается, что за истекшій періодъ времени изъ 284,000 осужденныхъ приговорены условно 13,195 (менѣе 5%), и изъ этого числа только 200 осужденныхъ (менѣе 1/5%) не выполнили условія и были впослѣдствіи подвергнуты наказанію, хотя первое время по постановленіи приговора — самое опасное для соблюденія его условія. Поэтому, замѣтилъ проф. Принсъ, законъ объ условномъ осужденіи въ Бельгіи нынѣ пользуется полнымъ сочувствіемъ со стороны судей и публики.

По предложенію проф. Листа, бюро союза, дополненное нѣкоторыми лицами, займется составленіемъ сравнительнаго изданія европейскихъ уголовныхъ законодательствъ. Эта прекрасная мысль родилась на почвѣ Швейцаріи и, повидимому, вызвана двумя эпизодами бернскаго съѣзда. На первомъ мѣстѣ едва ли не слѣдуетъ поставить рѣчь г. Рюшонне, именно ту часть ея, въ которой онъ высказалъ надежду, что союзъ изготовитъ проектъ международнаго уголовнаго кодекса. Второю побудительною причиною мѣры, заявленной профессоромъ Листъ, былъ, повидимому, прекрасный подарокъ, который г. Рюшонне, отъ имени федеративнаго совѣта, препроводилъ всѣмъ членамъ бернскаго съѣзда на память о немъ: это — сравнительное изданіе всѣхъ швейцарскихъ уголовныхъ уложеній, трудъ г. Штоса, произведенный имъ по порученію федеративнаго совѣта [3]).

Съѣздъ закончился избраніемъ бюро, которое осталось въ прежнемъ составѣ съ присоединеніемъ г. Брюстлейна въ качествѣ секретаря, постановленіемъ о возвышеніи членскаго взноса съ 5 до 7½ франковъ въ годъ, и заключительными рѣчами гг. Рюшонне, Принса и Листа.

По вечерамъ происходила товарищескія собранія членовъ съѣзда и увеселительныя прогулки; въ одинъ изъ вечеровъ устроенъ былъ недурной фейерверкъ. Въ день открытія съѣзда членовъ его ждалъ особый поѣздъ, доставившій всѣхъ насъ въ Тунъ, гдѣ послѣ банкета состоялась поѣздка по озеру; все время среди насъ оставалась симпатичная фигура г. Рюшонне; его милая привѣтливость и радушное гостепріимство прочихъ швейцарцевъ заставили насъ помириться даже съ дурною погодой, весь этотъ день насъ преслѣдовавшей, и только поздно вечеромъ мы возвратились въ Бернъ.

Международные конгрессы на западѣ — нынѣ явленіе обычное. Берн-

---

3) Die schweizerischen Strafgesetzbücher zur Vergleichung zusammengestellt und im Auftrage des Bundesrathes herausgegeben von Carl Stooss. Basel und Genf, 1890.

скій съѣздъ криминалистовъ былъ даже не конгрессомъ, а весьма скромнымъ réunion; скроменъ онъ былъ по своей программѣ, весьма блѣдной въ сравненіи съ программой петербургскаго международнаго пенитенціарнаго конгресса. Не богаты и выработанныя имъ положенія, не велика сравнительно съ петербургскимъ конгрессомъ была и предварительная подготовка къ нему со стороны его членовъ. Подготовительные труды ихъ путемъ печати легко и съ удобствомъ сдѣлались извѣстны всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежало, а печатное слово заграницею до такой степени распространено, что, казалось бы, бернскій съѣздъ представлялся излишнею роскошью, отнявшею напрасно много времени у занятыхъ людей и стоившею напрасныхъ затратъ для небогатаго государства.

Съ этой точки зрѣнія слѣдовало бы обсуждать съѣздъ по началамъ того направленія, которое со страницъ юридическаго изданія бросило тяжелый укоръ петербургскому международному пенитенціарному конгрессу. Послѣдній для него — случайная толпа невѣждъ съ ничтожнымъ числомъ лицъ авторитетныхъ, толпа, привлеченная не интересами мысли, а запахомъ кухни и парами Вакха, не съумѣвшая постановить ни одного дѣльнаго рѣшенія, годная лишь для заведенія и поддержанія знакомствъ, но для этого черезъ чуръ дорого стоившая, похитившая у русскаго государства массу денегъ, которыя бы съ большею пользою пригодились на улушеніе русскихъ мѣстъ заключенія. Повторяемъ: бернскій съѣздъ былъ значительно беднѣе по составу, по программѣ, по результатамъ, и, происходи онъ у насъ, со стороны откровеннаго направленія вызвалъ бы еще большіе громы.

Не такъ думаетъ западъ, не такъ думаетъ Швейцарія. Пріемъ, оказанный съѣзду, былъ самый радушный. Первый человѣкъ въ государствѣ провелъ со съѣздомъ почти все время его пребыванія, принималъ въ немъ дѣятельное участіе, проявлялъ ему всѣ знаки вниманія, будучи поддержанъ лучшими представителями магистратуры, профессуры и правительства изъ всѣхъ частей Швейцаріи. Сердечность пріема сказывалась на всемъ, а гостепріимство проявилось въ организаціи каждый день различныхъ увеселеній: за вечеромъ въ прекрасномъ саду Schänzli слѣдовали фейерверкъ, потомъ гулянье въ рощѣ, музыкальный вечеръ, и все это завершилось въ полномъ смыслѣ роскошнымъ банкетомъ въ Тунѣ, съ самыми живыми проявленіями вниманія къ съѣзду. Видимо, швейцарцы были рады и отъ души встрѣчали гостей, которыхъ они признавали желанными

А между тѣмъ, на западѣ нужда въ международныхъ конгрессахъ существуетъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ у насъ. Тамъ широко развернулась печать, и малѣйшее проявленіе мысли тамъ быстро разносится по всѣмъ концамъ. Условія жизни сложились такъ, что мысль западнаго человѣка работаетъ постоянно, правильно, безъ періодовъ дремоты и галлюцинацій; нѣтъ тамъ настоятельной надобности прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для того, чтобы будить ее или прогонять сковывающіе ее призраки. По состоянію культуры, народы западной Европы весьма близки другъ къ другу, такъ что почти все, доставляемое международными сношеніями, могутъ находить у себя дома. Дружественныя отношенія между собою они могутъ поддерживать литературою, а заведеніе и поддержаніе знакомствъ тамъ облегчено удобствомъ путей сообщенія, обычаемъ лѣтнихъ экскурсій и многими другими благопріятными условіями.

Напротивъ, условія родной жизни сложились такъ, что для насъ международные съѣзды представляются болѣе полезными и болѣе желательными, чѣмъ для какого бы то ни было западнаго государства. Намъ труднѣе слѣдить за успѣхами культуры въ каждомъ изъ западныхъ государствъ, а конгрессъ, сводящій во-едино добытые ими за данный промежутокъ времени результаты, важенъ для насъ не только какъ мѣсто для обмѣна свѣдѣній, но даже какъ мѣсто поученія. Онъ будитъ нашу дремлющую мысль и прогоняетъ кошмары, порожденные ненормальными условіями жизни. Въ видахъ заведенія и поддержанія знакомствъ между представителями данной специальности, конгресъ для Россіи имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ для государствъ запада. Международный конгресъ, происходящій въ Россіи, уменьшаетъ ту оторванность ея отъ цивилизованнаго міра, которая проявляется въ высшей степени вредно на всѣхъ сторонахъ нашей жизни, и, побуждая иностранцевъ познакомиться съ нами, даетъ имъ возможность пріобрѣсти къ намъ симпатіи, которыхъ ни на какія деньги не купишь. Съ другой стороны, посѣщая конгрессы за границей (а это для насъ неизбѣжная потребность), мы тѣмъ самымъ принимаемъ на себя обязанность время отъ времени устроивать ихъ у себя.

Но, говорятъ, зачѣмъ такъ много роскоши, пировъ, денежныхъ тратъ?

Автору этихъ строкъ до конгресса петербургскаго пришлось присутствовать за-границею на трехъ международныхъ конгрессахъ за границею, именно на двухъ пенитенціарныхъ—въ Лондонѣ и Римѣ, и на одномъ статистическомъ—въ Буда-Пештѣ. И я долженъ сказать, что въ отношеніи роскоши и предупредительности пріема петербург-

скій конгрессъ занимаетъ отнюдь не первое мѣсто, а развѣ одно изъ скромныхъ среднихъ. Гостепріимство на за-граничныхъ конгрессахъ проявлялось отнюдь не въ меньшей степени, чѣмъ у насъ. Немного чаще у насъ, можетъ быть, давались обѣды, но это уже была наша добрая воля, а не вина конгресса; иностранные члены, какъ намъ извѣстно, возбудили даже вопросъ о принятіи на будущее время мѣръ къ тому, чтобъ обѣды и иныя увеселенія были отодвинуты къ концу періода засѣданій и не мѣшали бы правильнымъ занятіямъ послѣдующихъ конгрессовъ. Денежныя затраты наши на конгрессъ, сколько о нихъ можно судить нынѣ, весьма близки по суммѣ къ затратамъ другихъ государствъ, устраивавшихъ у себя конгрессы, и вполнѣ окупаются не только богатыми результатами петербургскаго конгресса, но и тѣми симпатіями къ Россіи, съ которыми отъ насъ уѣхали иностранные члены. Говорить, что полезнѣе было бы употребить эти деньги на улучшеніе нашихъ мѣстъ заключенія, равносильно утвержденію, высказывавшемуся въ нашей литературѣ, что висѣлица и кнутъ дешевле школьнаго учителя. Это значитъ, какъ уже было замѣчено въ печати, забывать тѣ огромныя выгоды, которыя приноситъ для государства дѣятельность школьнаго учителя.

Русское общество знало, что оно дѣлаетъ, стремясь принять участіе въ петербургскомъ конгрессѣ и радушно встрѣчая его иностранныхъ членовъ. Оно спѣшило получить недостающія ему свѣдѣнія и стремилось уплатить свой долгъ другимъ народамъ, ранѣе того устроивавшимъ у себя международные конгрессы. Помня завѣтъ Владиміровъ, оно старалось принимать иностранцевъ такъ, чтобы они уѣхали отъ насъ съ добрыми мыслями. Видя общепризнанное богатство результатовъ конгресса, оно не жалѣетъ сдѣланныхъ на него затратъ и не раздѣляетъ той близорукой мысли, что 50,000 рублей, издержанныхъ на петербургскій конгрессъ, было бы выгоднѣе употребить на архитектурныя улучшенія какого нибудь флигеля литовскаго замка. Оно знаетъ, что любое изъ положеній петербургскаго конгресса окупаетъ эту издержку, не говоря уже о симпатіяхъ къ Россіи, которымъ конгрессъ далъ возможность возникнуть, и о томъ, что имъ образовано новое звѣно въ культурной цѣпи, соединяющей русское общество съ западноевропейскими на правахъ равенства.

Знала отлично и Швейцарія, какія высокія моральныя выгоды доставляетъ ей принятіе у себя даже столь скромнаго международнаго съѣзда, какъ съѣздъ союза уголовнаго права. Съ добрыми мыслями къ этой сердечной гостепріимной странѣ разъѣхались члены

союза, и добрая память о бернскомъ съѣздѣ сохранится у нихъ надолго.

Будущій съѣздъ союза проектированъ на 1891 годъ въ Христіаніи.

Международный союзъ уголовнаго права — учрежденіе молодое и дышащее молодостью, энергіею и свѣжестью. Оно не можетъ не быть весьма симпатично для всѣхъ тѣхъ, которымъ надоѣли метафизическія бредни и произвольный субъективизмъ прежнихъ школъ. Союзъ стремится къ постановкѣ и разрѣшенію жгучихъ вопросовъ уголовнаго права на почвѣ дѣйствительности и насущныхъ потребностей общежитія. Пожелаемъ же ему остаться вѣрнымъ этому пути и избѣжать ошибокъ прежнихъ дѣятелей.

И. Фойницкій.

ОТКУДА ИДЕТЪ ДЕМОРАЛИЗАЦІЯ НАШЕЙ АДВОКАТУРЫ?

«*Уровень опытности и знаній въ массѣ понижается, и чувство чести и долга, понятіе о порядочности, о границахъ дозволеннаго и недозволеннаго, принципы общественнаго служенія забываются*».— Такъ говоритъ о сословіи обнародованная 28 апрѣля объяснительная записка Совѣта московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ по поводу имъ же предпринятой реорганизаціи института помощниковъ.

Эти слова, взятыя нами изъ столь компетентнаго источника, приводятъ на память иныя, сказанныя 25 лѣтъ тому назадъ и адрессованныя къ тому же учрежденію изъ источника, еще болѣе компетентнаго: присвоивая адвокатурѣ корпоративную организацію, составители Судебныхъ Уставовъ первою ея задачею ставили водвореніе въ сословіи «*чувствъ правды, чести и сознанія нравственной отвѣтственности передъ правительствомъ и обществомъ*» (дѣло о преобразованіи судебной части, т. XVI, журналъ по проекту о присяжныхъ повѣренныхъ).

Въ этомъ сопоставленіи двухъ изреченій, глубокая правда которыхъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, самъ собою возникаетъ мучительный вопросъ: откуда же пришла бѣда, чьими злодѣйскими руками выкопалась та бездонная пропасть, которая, подѣливъ ожидавшееся отъ полученнаго, исторгла изъ нѣдръ самого сословія этотъ раздирающій душу вопль?

Вопросъ этотъ, между тѣмъ, до сихъ поръ отчего-то обходится; оттого ли, что онъ слишкомъ мучителенъ, слишкомъ внезапенъ, слишкомъ мало обставленъ матеріаломъ, годнымъ для безпристрастнаго рѣшенія—не знаемъ, но думаемъ, что рѣшеніе его настоятельно необходимо, если не полное пока, то хотя намѣченное въ основныхъ

своихъ частяхъ, и думаемъ такъ потому, что глубоко убѣждены въ томъ, что до такого рѣшенія самыя искреннія кодификаціонныя благонамѣренія, самыя пытливыя измышленія не только не помогутъ бѣдѣ, но усугубятъ производимое ею впечатлѣніе мрачной безнадежности, раздвигая ея предѣлы мѣропріятіями, *несогласованными съ коренною причиною* зла и поэтому заранѣе обреченными пройти мимо цѣли:—нельзя идти на врага съ завязанными глазами. Много было говорено, писано и печатано о томъ, *какъ* помочь бѣдѣ, но почти ничего не сказано о томъ, *откуда* взялась она, чѣмъ вызвана и чѣмъ должна быть объяснена; между тѣмъ всякое антисоціальное явленіе можетъ поддаваться устраненію только тогда, когда вѣрно и прочно выяснена общая (основная, а не ближайшая) причина, его породившая. А потому прежде нежели изыскивать тѣ или иные способы устранить бѣду, какъ это дѣлается теперь, слѣдовало бы заняться изслѣдованіемъ ея причины и по ней уже опредѣлить тѣ, или иныя соотвѣтствующія природѣ вопроса средства.

Отправною, слѣдовательно, должна быть *общая* точка зрѣнія: только она одна опредѣлитъ недугъ и покажетъ, гдѣ исцѣленіе, а методомъ—соціально-физіологическій: только онъ одинъ спасетъ отъ платоническихъ увлеченій и блудливыхъ гипотезъ.

1.

Пока—передъ нами *фактъ*, несомнѣнный, тяжелый и тревожный для каждаго юриста, профессіональный кругозоръ котораго не замыкается повседневной казуистикой и кассаціонными толкованіями и которому дороги и близки сердцу общіе, высшіе, гуманитарные интересы правосудія, т. е. именно тѣ, служить которымъ и призвана адвокатура, учрежденная Уставами 20 ноября 1864 г. Впечатлѣніе, фактомъ этимъ производимое, омрачается еще болѣе, если мы примемъ во вниманіе, что постановленіе Совѣта, открыто признавшаго всю серьезность положенія, грѣшитъ, однако, такими организаціонными недостатками, что по общему свидѣтельству добросовѣстной и компетентной въ вопросѣ прессы оказывается не только несостоятельнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, но и даетъ поводъ предполагать въ немъ цѣли и стремленія, очень родственныя тому отзыву о всемъ сословіи, какой Совѣтъ счелъ нужнымъ дать въ объясненіе этого постановленія.

Какъ? Въ сословіи, поголовно составленномъ изъ лицъ высшаго образованія, свободномъ, независимомъ и самоуправляющемся, осно-

ванномъ въ блестящую освободительную эпоху обновленія всего общественнаго строя, забываются и честь и долгъ и принципы общественнаго служенія, исчезаетъ граница между дозволеннымъ и недозволеннымъ и утрачивается понятіе о порядочности?! Гдѣ же тогда спасеніе общества, если ни высшее умственное и нравственное развитіе, ни свобода дѣятельности, ни независимое самоуправленіе не гарантируютъ ему всѣхъ благъ, безъ которыхъ немыслимо его существованіе; если деморализація проникаетъ въ среду такихъ избранниковъ, и если совокупность всѣхъ этихъ силъ, работавшихъ въ продолженіе четверти вѣка, разрѣшилась такъ безповоротно засвидѣтельствованною деградаціей?!—Долой, значитъ, независимость сословія, долой его самоуправленіе, долой высшее образованіе...

Подобные выводы и заключенія очень возможны въ молодыхъ, склонныхъ къ быстрому обобщенію умахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно на руку тому старческому брюзжанію, какимъ реакціонная печать отражаетъ теперь извѣстное общественное настроеніе данной эпохи въ развитіи нашего самосознанія и такъ или иначе достигаетъ иногда весьма конкретныхъ результатовъ. Но этимъ дѣло не ограничится: и тѣ, которые способны воздержаться отъ подобныхъ выводовъ и заключеній, въ тяжеломъ раздумьѣ остановятся передъ открывшейся перспективой. Въ самомъ дѣлѣ: высшее образованіе, корпоративная организація, высота ея задачи, независимость и самоуправленіе—это такіе факторы общественнаго преуспѣянія, въ могуществѣ которыхъ никому, мало-мальски знакомому съ исторіей культурнаго развитія человѣчества, и въ голову не придетъ сомнѣваться, а въ данномъ случаѣ эти несомнѣнно могучіе факторы посвящены служенію, рыцарское благородство котораго также стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; и *въ такомъ-то* служеніи, *въ такихъ-то* факторахъ «забываются долгъ и честь, понижается уровень знаній и мельчаетъ сословіе». Что же ждать далѣе, на что опереться, гдѣ спастись?...

Поэтому, вопросъ—вслѣдствіе какихъ же именно причинъ «честь и долгъ» стали въ сословіи тѣми «забытыми словами», о которыхъ думалъ предъ своею смертью нашъ великій сатирикъ, *превращается изъ частнаго въ общій, принципіальный, получаетъ чрезвычайно широкое и чрезвычайно серьезное значеніе*, приковываетъ къ себѣ вниманіе и жадно ждетъ отвѣта.

2.

Первое десятилѣтіе адвокатской дѣятельности, несмотря на всю новизну почина, очень скоро выдвинуло среди корпораціи нѣсколько

блестящихъ именъ, фигурировавшихъ очень эффектно въ нѣсколькихъ громкихъ современныхъ процессахъ. Явленіе, безспорно, очень отрадное: въ немъ оправдывались надежды законодателей, имъ доказывалась способность новоявленныхъ адвокатовъ сразу стать на уровнѣ своей задачи и дать смѣлый и изящный отвѣтъ назрѣвшимъ потребностямъ общества; но, разсматриваемое въ исключительно корпоративныхъ цѣляхъ сословія, явленіе такой скороспѣлости оказалось неблагопріятнымъ: около этихъ нѣсколькихъ именъ, кромѣ публичныхъ симпатій и восторговъ спасаемой кліентелы, сгруппировалось наибольшее количество такъ называемыхъ «выигрышныхъ дѣлъ», создались очень скоро цѣлыя состоянія, и такимъ образомъ успѣхъ и его, замѣтимъ, совершенно законные плоды распредѣлились въ корпораціи чрезвычайно неравномѣрно; все, что стояло въ ней за этими нѣсколькими именами, не получило на свою долю ни такого успѣха, ни такихъ плодовъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ не могло въ силу многихъ бытовыхъ условій не увлечься примѣромъ, и для достиженія желаемаго, за отсутствіемъ собственнаго блеска или иногда и просто «счастія», стало открывать себѣ дорогу иными средствами. На такой почвѣ возросъ внутренній антагонизмъ, развилось нехорошаго сорта соревнованіе; корпоративная мощь, не успѣвши еще достаточно выработаться, стала по немногу расшатываться, а къ концу своего перваго десятилѣтія этой, уже разрозненной и частью избалованной адвокатурѣ пришлось встрѣтить тѣ «новыя вѣянія», тотъ крутой поворотъ отъ недавняго прошлаго къ давнопрошедшему, которые, заставъ сословіе «врасплохъ», стали незамѣтно, понемногу тянуть его въ тотъ общій омутъ, гдѣ такъ преждевременно суждено было потонуть свѣтлымъ надеждамъ законодателя. Не будь этой роковой втрѣчи, болѣзненный, но неизбѣжный процессъ «прорѣзыванія зубовъ» миновалъ бы самъ собою, благодаря здоровому тѣлосложенію новорожденнаго. Но родился онъ не для того, чтобы сидѣть взаперти и потому не могъ изолироваться въ окружающей атмосферѣ.

То горькое и унизительное положеніе нашей современной адвокатуры, какое констатируетъ своею запискою совѣтъ, сложилось, такимъ образомъ, не съ ея учрежденія; оно пришло гораздо позже, подготовлялось исподволь, подхватилось общимъ теченіемъ и всплыло на поверхность, выброшенное, точно девятымъ валомъ взбаломученнаго моря, бурливымъ вопросомъ о помощникахъ.

Начало втораго десятилѣтія адвокатской дѣятельности, приведшаго теперь къ такому полному нравственному дефициту, совпадаетъ съ

тою поворотною эпохою, когда общественные идеалы и стремленія, вызванныя къ жизни рядомъ послѣдовательныхъ великихъ соціальныхъ реформъ, стали подвергаться сокрушенію и осмѣянію, когда «руководящая» пресса выдвинула изъ себя столь мало ожиданныхъ ратоборцевъ, изъ всѣхъ силъ добивавшихся контрреформъ, возврата къ прежнимъ судебнымъ порядкамъ; когда требовалось «дѣло» и выкликались «дѣльцы», когда Глумовъ принялъ рѣшеніе «годить», а на поляхъ еле-распаханной адвокатской нови процвѣлъ Балалайкинъ. Съ этой поры начинаютъ пустовать университетскія каѳедры, а студенты дѣлаются похожими на бравыхъ кирасиръ; съ этой поры молодежь вмѣсто этическихъ поученій начинаетъ руководиться теоріей борьбы за существованіе, и разнузданный, до цинизма откровенный эгоизмъ вытѣсняетъ послѣдніе альтруистическіе задатки недавняго прошлаго; съ этой поры, очень кстати, является проповѣдь о непротивленіи злу, а спириты и мистики собираютъ вокругъ себя многочисленныя аудиторіи. Все это въ пестрой амальгамѣ складывается въ одну общую кучу, которая подъ фирмою «новаго міровоззрѣнія» и идетъ на потребу «новыхъ людей». Съ этой же поры наблюдается эмиграція адвокатуры изъ бѣлаго зданія на сенатской площади подъ тѣнистую сѣнь конкурсовъ и аукціоновъ, предпринимаются хожденія не по однимъ судебнымъ, но уже и по всякимъ прочимъ дѣламъ, ретиво обѣляются Колупаевы и Разуваевы, а бѣлозерскимъ карасямъ предоставляется умирать на судѣ въ одиночку, и на пустующемъ мѣстѣ упраздняемыхъ идеаловъ появляются гешефты, рысаки, резиновыя шины, обстановка и пирушки. Молодежь, созерцая подвиги своихъ патроновъ, начинаетъ льнуть къ этимъ же идеаламъ (упразднять ей было уже нечего); переутомленный мозгъ и пересохшее сердце безсильны сдержать эти аппетиты, хотя бы «въ границахъ понятія порядочности», деморализація ростетъ и доростаетъ до уличнаго буйства и тѣлеснаго наказанія въ полицейскомъ участкѣ...

Печальная и правдивая эволюція. Въ ней затерялась «разница между дозволеннымъ и недозволеннымъ», въ ней позабылись «честь и долгъ» и рухнули «принципы общественнаго служенія». Но напрасно полагаютъ тѣ, которые сочли и удостовѣрили эти забвенія и потери, что дѣло поправится, если будетъ ограниченъ доступъ въ сословіе, если послѣдуетъ гоненіе изъ «земли обѣтованной», если вмѣсто коллективнаго учредится личный патронатъ и если у присяжнаго повѣреннаго вмѣсто нѣсколькихъ будетъ только по одному помощнику. Быть можетъ, это было бы и такъ, если бы грѣхи сословія были своими домашними, корпоративными только грѣхами; но мы только что ука-

зали, что грѣхи эти — *грѣхи общіе.* Не въ одной адвокатурѣ, *а и во всѣхъ прочихъ сферахъ общественной дѣятельности* наблюдаются *тѣ же* грѣхопаденія, какія констатировалъ совѣтъ въ своей объяснительной запискѣ, но въ другихъ сферахъ они таятся подъ спудомъ, если и проявляются когда наружу, то случайно и не на такихъ яркихъ фонахъ и оттого не бросаются въ глаза такъ рѣзко, такъ безнадежно, не заявляютъ о себѣ такъ крикливо, какъ въ сословіи, дѣйствующемъ гласно и независимо, вѣдающемъ высшіе интересы, самоуправляющемся и потому самобичующемся: такъ болѣе чувствительный термометръ точнѣе показываетъ окружающую температуру, и хорошо вывѣренное зеркало отчетливѣе отражаетъ въ себѣ окружающіе предметы.

Вышеизображенныя «тѣневыя картины» изъ волшебнаго фонаря эпохи новыхъ вѣяній съ особенною рѣзкостью отразились на ярко-освѣщенномъ идейно - профессіональномъ фонѣ адвокатуры, кромѣ того, еще и потому, что наша адвокатура по отношенію ко всякимъ отъ общества исходящимъ вѣяніямъ поставлена въ самыя неблагопріятныя бытовыя условія; она почти беззащитна въ этомъ случаѣ, если не прошла хорошую школу учебнаго и общественнаго воспитанія и недостаточно закалилась въ ихъ обеззараживающихъ принципахъ. Нашъ адвокатъ поставленъ въ необходимость слишкомъ часто выходить на улицу, вступать съ нею въ непосредственныя сношенія и постоянно якшаться между зачумленными. Тогда какъ французскій адвокатъ, не спускаясь съ своего традиціоннаго пьедестала, работаетъ въ кабинетѣ и появляется въ судѣ лишь для того, чтобы въ день публичнаго засѣданія произнести свою рѣчь, оставляя всю подготовительную черновую (у насъ очень часто и *черную* работу) на обязанности стряпчаго (avoué), — нашъ присяжный повѣренный обязанности эти несетъ самъ, и по прискорбнымъ свойствамъ такой миссіи (о чемъ будетъ сказано дальше) она оказывается въ извѣстной цѣли до того заманчивою, что оттѣсняетъ собою цѣломудренный, но мало прибыльный кабинетный трудъ и не для всякаго удобныя судоговоренія.

Благодаря этому нашъ адвокатъ работаетъ, такъ сказать, подъ давленіемъ двухъ атмосферъ — общей, внѣшней и профессіональной, внутренней.

Вліяніе первой, полагаемъ, достаточно выяснено и мы можемъ обратиться къ характеристикѣ второй.

3.

Если нерѣдко адвокатъ «обработываетъ» своего кліента, то еще чаще обрабатывается имъ самъ. Послѣдній процессъ совершается уже стихійно, безсознательно для обоихъ сторонъ, путемъ ассимиляціи и внушеній. Сочетаніе наивысшей степени талантливости съ наивысшею степенью недобросовѣстности всегда содѣйствуетъ «успѣху» адвоката. Къ такому адвокату крѣпко и отовсюду льнетъ «чумазый» кліентъ, нуждающійся въ «обѣленіи». Этого сорта кліентъ (а теперь имя ему — легіонъ) — одинъ изъ главныхъ фактическихъ виновниковъ адвокатской деморализаціи. Онъ очень щедро платитъ за свое обѣленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно легко и просто обработывается: на него, напримѣръ, весьма сильно дѣйствуетъ обстановка адвокатской квартиры, внушительнаго вида швейцаръ и т. п. аксессуары; отъ всего этого въ немъ ростетъ довѣріе, а съ нимъ и щедроты; онъ, этотъ кліентъ, зачастую глупъ, зачастую хитеръ, но во всѣхъ своихъ разновидностяхъ до того юридически несвѣдущъ, что способенъ робѣть предъ всякими «жупелами», извлекаемыми изъ подходящихъ, а то и изъ вовсе неподходящихъ статей уложенія о наказаніяхъ. Но, въ свою очередь, и адвокатъ, постоянно работая на такого кліента, незамѣтно заимствуетъ его качества, усвоиваетъ его моральныя воззрѣнія, его манеры, его жаргонъ даже, учится его изворотамъ и заражается его нравственнымъ цинизмомъ. Къ адвокату «безъ имени», безъ «барской квартиры» и внушительнаго швейцара, будь этотъ адвокатъ само знаніе, сама честность, сама опытность, такой кліентъ никогда не пойдетъ, хотя бы потому, что ему вовсе не того нужно.

Благодаря такому запросу «общества», знающій и честный адвокатъ сидитъ безъ работы до тѣхъ поръ, пока крѣпится и не уступитъ, чтобы затѣмъ «поплыть по теченію». Но, — «apparent rari nantes in gurgite vasto»,—и глубоко ошибется тотъ, кто придастъ совѣтскимъ самообвиненіемъ черезчуръ огульное значеніе: не много, пожалуй, а существуютъ еще уцѣлѣвшіе и противоборствующіе этому теченію пловцы. Въ нихъ покоится надежда на лучшіе дни адвокатуры. Это— тѣ, которые не порвали своей родственной связи съ наукой и литературой, тѣ которые не продали своего таланта толпѣ, тѣ, наконецъ, которые, не блистая особенною даровитостью, путемъ самообразованія и трудолюбія заручились хорошимъ запасомъ общихъ и профессіональныхъ знаній и выработали въ себѣ способность матеріальнаго самоограниченія; они «малымъ довольны», не гоняются за кліентами,

одинаково служатъ и богатому и бѣдному, если только право дѣло ихъ. Они держатся пока особнякомъ, избѣгаютъ центровъ дѣятельности, но за то чумазый кліентъ боится ихъ, какъ огня, и ни одна ябеда не внесется ихъ чистыми руками въ судъ; они—тѣ немногіе пока свѣточи, которые разгорятся со временемъ широкимъ свѣтомъ и дадутъ странѣ ту адвокатуру, которая задумана ея первыми учредителями. Ихъ рѣчамъ не внимаетъ праздная разфранченная толпа, и рѣчи ихъ не печатаются въ газетахъ; они познаются только случайно, но блаженъ познавшій ихъ: онъ увѣруетъ въ будущность нашей адвокатуры, въ возможность ея возрожденія и изумится массѣ незримо творимаго ими добра.

Ихъ мало, но они существуютъ, точно свѣжіе стебельки на прогнившемъ пнѣ, и, какъ мы увидимъ, исчерпавъ всѣ условія адвокатскаго существованія,—даже удивительно, что существуютъ.

Помимо разлагающаго вліянія, вносимаго въ адвокатуру кліентомъ—Немезидой свирѣпствующаго теперь типа, профессія ея преисполнена такими подводными камнями, такими искушеніями, какихъ не знаетъ никакая иная въ той своей области, которая преимущественно стимулируется совѣстью; ни въ одной нѣтъ такихъ легко усвояемыхъ компромиссовъ, ни въ одной не распознается съ такимъ трудомъ «граница между дозволеннымъ и недозволеннымъ», хотя бы искало ее не подслѣповатое и алчное око, и хотя бы демаркаціонная линія наблюдалась не въ потемкахъ, а при электрическомъ освѣщеніи. Одного—слава, другаго—нажива, третьяго себялюбивый азартъ то и дѣло сталкиваютъ съ прямой дороги и незамѣтно, мало по малу, ведутъ сверху внизъ. Вѣроятно, въ виду этихъ опасныхъ профессіональныхъ особенностей адвокатуры французское барро еще съ конца прошлаго столѣтія выработало и усвоило нравственный кодексъ, отличающійся суровымъ аскетизмомъ, самою скрупулезною осмотрительностью и возводящій адвокатуру на степень служенія, пожалуй даже, культа, высшимъ, благороднѣйшимъ интересамъ человѣчества, далеко гоня прочь все личное, мелочное, продажное, или хотя бы готовое только идти на тотъ или иной наружно-удобопріемлемый компромиссъ [1]).

Какъ устоять во всѣхъ этихъ искусахъ, какъ благополучно лавировать между всѣми этими подводными камнями тому юному и пестрому философу, какимъ комплектуются кадры нашей адвокатуры,

---

[1]) Подробно объ этомъ—въ статьѣ того же автора «Уголовное правосудіе и адвокатура во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія» (Русская Мысль, октябрь и ноябрь 1889 г.).

и въ умственномъ арсеналѣ котораго такъ много «усовершенствованныхъ» аппаратовъ для выработки всевозможныхъ компромиссовъ, самооправданій и софизмовъ; какъ оберечься ему отъ чумазаго кліента, осаждающаго его и въ уголовной и въ гражданской сферахъ его судебной дѣятельности, а паче того въ сферахъ несудебныхъ—конкурсной, нотаріальной, аукціонной и ресторанной? И вотъ, предпринимая ходатайство по *выгодному* дѣлу, нашъ адвокатъ старается убѣдить себя и доказать другимъ, что дѣло это, кромѣ того, и *правое*; гдѣ нѣтъ выгоды, тамъ страсть къ «красному словцу» заставляетъ поступиться истиною; вмѣсто аргументаціи по существу, требующей трудолюбиваго и всесторонняго изученія дѣла, онъ обѣляетъ кліента «аффектомъ», «атавизмомъ», «разъѣдающей средой» и т. п. «фортелями», при помощи которыхъ можно такъ легко и такъ эффектно маскировать свою лѣнь, свое юридическое невѣжество, или свою неспособность умѣло и толково распорядиться матеріаломъ защиты.

4.

На лонѣ незаконнаго сожительства этихъ двухъ факторовъ-производителей, наружнаго и домашняго, зачатъ и рожденъ тотъ «новый человѣкъ», который заполняетъ теперь ряды нашей адвокатуры.

Дореформенную его прародительницу мы знаемъ въ двухъ типахъ—«ходатая по дѣламъ» и просто «ходока». Первый завѣдомо служилъ ябедѣ, очень хорошо сознавалъ, что̀ дѣлаетъ, но дѣло свое оправдывалъ нуждою—ябеда кормила и его и семью; къ другому какому либо менѣе зазорному дѣлу приспособиться онъ рѣшительно не могъ. Второй искалъ «божескую правду», исхаживалъ за нею тысячи верстъ, но дальше «параднаго подъѣзда» по обыкновенію не доходилъ, что, однако, не мѣшало ему беззавѣтно вѣрить въ нее, такъ какъ идеалъ ея жилъ въ глубинѣ чистой и непосредственной души его.

Теперешній преемникъ этихъ обоихъ исчезнувшихъ типовъ совершенно иной формаціи: ни ябеды, ни божеской правды онъ не признаетъ, различія между тою и другою не находитъ; оправдываетъ первую не нуждою только, а цѣлымъ философскимъ міросозерцаніемъ, и вовсе не вѣритъ во вторую. Это всеразрѣшающее «философское міросозерцаніе» представляетъ дикую смѣсь гегельянской «разумности дѣйствительнаго», единственнымъ регуляторомъ котораго оказывается дарвиновская «самобытно»—перетолкованная теорія «борьбы за существованіе», мотивированнаго отрицанія всего, что не относится къ собственному благополучію, яснополянской проповѣди о непротивленіи

злу и апостольскихъ поученій со Страстнаго бульвара, — міросозерцаніе очень пестрое, очень покладистое, очень «практичное» и общедоступное.

Завѣдомыхъ ябедниковъ дореформенной эпохи было сравнительно не много, а современными философами хоть прудъ пруди; они плодятся и множатся съ комариною быстротою и переполняютъ ядомъ изъ своихъ тоненькихъ жалъ всѣ свободныя и несвободныя профессіи; въ послѣднихъ они, естественно, затушованы для наблюденія, за то въ первыхъ наблюдаемы a giorno. Дореформенная ябеда дѣйствовала съ опаскою: въ ней еще не могъ совершенно упраздниться «стыдъ», если не передъ собою, то хотя передъ другими. То, о чемъ дореформенный ходатай бесѣдовалъ съ уха на ухо, пугливо озираясь по сторонамъ, современный адвокатъ передаетъ съ невозмутимымъ апломбомъ съ публичной трибуны и только поигрываетъ своимъ золотымъ pince-nez. Если то, что прежде дѣлалось изподтишка, дѣлается теперь открыто, то происходитъ это потому, что современный адвокатъ обладаетъ тѣмъ, чего не зналъ и не вѣдалъ прежній — философіей для собственнаго успокоенія и ловкимъ софизмомъ—для публики. Барьера, который прежде задерживалъ многихъ, болѣе не существуетъ; онъ разобранъ, а самое мѣсто его заросло такимъ сплошнымъ бурьяномъ, что никто даже не знаетъ, гдѣ оно прежде и находилось. Дореформенный адвокатъ любилъ надуть, былъ не прочь выпить и погулять въ веселой компаніи, но не хвастался этимъ, не выставлялъ этого на показъ. Современный, принципіально освободившись даже отъ дореформеннаго стыда (или «позабывъ понятіе о порядочности», какъ выражается совѣтская записка), не находитъ въ этомъ ничего кромѣ ловкости, «практическаго смысла» и жизни въ свое удовольствіе, а если порою и закрадывается вопросъ — во что все сіе обходится ближнему?—то тотчасъ же безслѣдно исчезаетъ въ отвѣтахъ, услужливо даваемыхъ «теоріей борьбы за существованіе». При «ловкости» и представительствѣ, да жизни на широкую ногу и практики больше—зачѣмъ же хорониться отъ добрыхъ людей?

Если, ко всему этому, мы вспомнимъ, что дореформенный адвокатъ не получалъ университетскаго образованія и орудовалъ по судамъ, при одномъ воспоминаніи о которыхъ, по выраженію Аксакова, «волосъ становится дыбомъ», и поставимъ этого адвоката рядомъ съ теперешнимъ борцомъ за существованіе, то первый долженъ будетъ показаться намъ агнцемъ невиннымъ.

Наконецъ, дореформенный адвокатъ, благодаря господствовавшей въ тѣ времена «судебной волокитѣ», пользовался извѣстнымъ досу-

гомъ, кое-что даже почитывалъ, чтобы обладать «витіеватымъ перомъ» при «составленіи просьбъ», любилъ вести душеспасительные разговоры, по субботамъ ходилъ въ баню, а по праздникамъ пѣвалъ на клиросѣ; онъ имѣлъ, затѣмъ, хотя кое-какой, но свой собственный «семейный очагъ», гдѣ и проводилъ свободные отъ хожденія часы. Ради всего этого отъ него не вѣяло цеховою черствостью, порою онъ могъ быть даже живымъ человѣкомъ. Современный замѣститель его лишенъ даже и этого. Онъ не знаетъ досуга; съ утра выслушивается и обработывается кліентъ; потомъ—на судоговореніе, въ конкурсъ, или на аукціонъ—кто во что гораздъ,—потомъ обѣдъ въ ресторанѣ, скачки, бѣга, оперетка, балетъ, или винтъ съ веселымъ ужиномъ и т. д. Преуспѣвающій такимъ порядкомъ адвокатъ, разумѣется, не имѣетъ времени ни на то, чтобы прочесть что нибудь, кромѣ разнаго рода объявленій да биржевыхъ курсовъ, ни на то, чтобы поговорить о чемъ нибудь, кромѣ тѣхъ же конкурсовъ, скачекъ, винта, ужина и т. п.; о пребываніи у семейнаго очага (заводимаго иногда изъ разсчета) и говорить нечего — въ немъ совершается только перемѣна фрака на жакетку, жакетки на сюртукъ, коляски на пролетку и т. п. другія необходимыя, въ торопяхъ совершаемыя функціи. Въ этой повседневной, безпробудной сутолокѣ *человѣку* некогда и опомниться—онъ можетъ только *«позабывать»*.

Такимъ своимъ «времяпровожденіемъ» адвокатъ, конечно, и на этотъ разъ мало отличается отъ прочихъ «дѣльцовъ», на иныхъ поприщахъ благополучно подвизающихся, но такъ какъ первый продѣлываетъ все это корпоративно и въ присвоенныхъ «званію» «павлиньихъ перьяхъ», а прочіе—въ одиночку и безъ особенныхъ украшеній, то понятно, что результаты времяпровожденія выходятъ въ первомъ случаѣ гораздо осязательнѣе, нагляднѣе и зазорнѣе.

Здѣсь, уклоняясь немного въ сторону, мы позволимъ себѣ сдѣлать по этому поводу одно общее замѣчаніе.

Наша общественная жизнь складывается какъ-то такъ, что *читаютъ* только тѣ, которымъ по тому или иному случаю *дѣлать* нечего; а тѣмъ, которые дѣлаютъ дѣло, читать некогда. Между тѣмъ для первыхъ, уже вволю начитавшихся, чтеніе составляетъ не болѣе, какъ объективно-безплодное и субъективно-пріѣвшееся занятіе, а вторые, вовсе не читающіе, вмѣсто кажущагося дѣла, въ лучшихъ случаяхъ, толкутъ лишь воду. Отъ этого печатное слово и творимое дѣло фатально расходятся, разминовываются и другъ съ другомъ почти не встрѣчаются; отъ этого зачастую мы съ изумленіемъ видимъ, что какой нибудь давно и цѣликомъ порѣшенный своею литературою во-

просъ на практикѣ рѣшается совсѣмъ иначе; отъ этого воздѣйствіе литературы на жизнь, воздѣйствіе внѣ всякаго сомнѣнія, тысячи разъ доказанное и отечественной и, еще чаще, всеобщей исторіей цивилизаціи, улетучивается теперь, какъ паръ, обладающій силой двигать длиннѣйшіе поѣзда, но выпускаемый куда-то въ пространство, гдѣ никакого движенія и быть не можетъ, отчего теряющій его локомотивъ собственною тяжестью поѣзда катится подъ уклонъ. Какъ утилизировать этотъ паръ, чтобы локомотивъ не пятился, а шелъ, какъ ему слѣдуетъ, впередъ — вопросъ, о которомъ пора бы хорошенько поразмыслить.

Это общее явленіе, отраженное и въ адвокатурѣ, играетъ въ ряду разсмотрѣнныхъ и нижеслѣдующихъ причинъ ея теперешней деморализаціи очень важную роль, значеніе которой, полагаемъ, въ подробныхъ комментаріяхъ не нуждается.

Вышеизложенное времяпровожденіе обнаруживаетъ какую-то скопческую невозможность сохранить въ «дѣльцѣ» «человѣка», выгородиться изъ обыденной сутолоки, чтобы уйти хоть не надолго въ себя, или оглянуться вокругъ, и эта невозможность, пожалуй, наслѣдственна. Предпринимая свою «recherche de la paternité», наши современные «борцы» не смогли бы, конечно, довести своего родословнаго древа до того «лишняго человѣка», который, «заѣдаясь рефлексіей», не имѣлъ съ «дѣломъ» ничего общаго, занимался лишь собственнымъ анализомъ и самоуглублялся, но за то имъ очень нетрудно было бы доказать, что достопочтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ осуществилъ свою завѣтную мечту, обзавелся «бабенкой», наплодилъ «чиченковъ» и тѣмъ «исполнилъ долгъ гражданина». Разумѣется, «рука временъ» и здѣсь наложила свою неизгладимую печать: новыя вѣянія нѣсколько измѣнили прародительскій типъ, но подъ этимъ наноснымъ «культурнымъ слоемъ» не мудрено разглядѣть давно знакомыя черты: то же самодовольное, округленное и выхоленное рыльце, ту же чарующую «ловкость почти военнаго человѣка», тотъ же щегольской фракъ наваринскаго дыма съ пламенемъ, ту же свободу отъ какихъ бы то ни было «задерживающихъ центровъ», ту же приверженность къ осязаемымъ сокровищамъ и то же равнодушіе къ тѣмъ, которыхъ «ни ржа не ѣстъ, ни червь не точитъ». Если вмѣстѣ съ этимъ наслѣдіемъ не получилось за отмѣною крѣпостнаго права по нѣскольку сотъ мертвыхъ душъ, то за то каждому изъ наслѣдниковъ досталось хотя по одной, но своей собственной, благонадежно застрахованной отъ всякой «эмансипаціи». «Прогрессъ» сдѣлалъ свое дѣло: потомки уже не бросаются подобно праотцу въ рискованную аферу

скупки мертвыхъ ревизскихъ душъ, такъ какъ тщательно избѣгаютъ несомнѣнно наказуемой области, но тамъ, гдѣ по ея окраинамъ мирно и безпошлинно учиняются такъ называемыя «гражданскія правонарушенія» и «ненаказуемые обманы», въ искусномъ судоговореніи теряющіе всякіе криминальные задатки,—тамъ они ютятся охотно и работаютъ съ успѣхомъ.

5.

Когда *адвокаты* «забываютъ честь, долгъ и принципы общественнаго служенія», когда они перестаютъ «различать дозволенное отъ недозволеннаго», когда «понижается уровень ихъ знаній и опытности»,—они перестаютъ быть адвокатами и распознаются лишь по серебрянному значку въ петлицѣ фрака. Какъ, спрашивается, можетъ дѣйствовать адвокатъ, если онъ не вѣритъ въ правду, не ищетъ и не обороняетъ ее всюду, гдѣ она затемняется или подвергается нападенію; какъ можетъ обходиться онъ безъ знаній и опытности, безъ понятія о порядочности, о чести и долгѣ?—Пестрая философія отрицаетъ все это и изо всѣхъ адвокатскихъ функцій признаетъ только одну—полученіе гонорара съ кліента—и только съ нею сообразуетъ свои дѣйствія и нормируетъ свое поведеніе.

Великія, неповинныя въ этой выродившейся деградаціи, институціонныя гарантіи корпораціи остаются таковыми только по имени, если гимназіи и университеты, не развивая самодѣятельности ума, будутъ истомлять и обезсиливать его, если, не формируя нравственный обликъ будущаго дѣятеля, они, подавляя волю его, предоставятъ тѣмъ не менѣе ему самому разбираться въ окружающемъ хаосѣ; если члены самоуправляющагося сословія утратятъ идеалы и «принципы общественнаго служенія», и если независимость корпораціи выродится въ средство безпрепятственной погони за собственнымъ благополучіемъ, въ предательское устраненіе мѣшающей тому конкурренціи и въ узурпацію законодательной власти. И вотъ своя домашняя распря, разгорѣвшаяся внутри самоуправляющейся корпораціи, выносится членами ея наружу и предоставляется стороннему рѣшенію: «пріидите княжить и владѣть нами»... О томъ, какимъ желательно получить это рѣшеніе—мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а пока отмѣтимъ, что въ этомъ финальномъ аккордѣ откликнулась наша общая бытовая черта, наша традиціонная неспособность уладить дѣло своими домашними средствами и найти бѣдѣ свое самостоятельное противудѣйствующее рѣшеніе. Всюду, гдѣ бы, въ какой бы то ни было

общественной группѣ ни загорѣлась внутренняя распря, вмѣсто того, чтобы погасить пожаръ «домашними средствами» въ его началѣ, мы опрометью кидаемся къ набатному колоколу: прилетаетъ бравая пожарная команда, огонь прекращается, но вмѣстѣ съ тѣмъ зря, безъ всякой надобности калѣчится, мокнетъ, а подъ часъ и расхищается нетронутое огнемъ имущество, вышибаются стекла и вышвыривается вонъ хозяйское, честными трудами скопленное добро... Такого добра много въ томъ монументальномъ, но еще незастрахованномъ зданіи, которое четверть вѣка назадъ славными зодчими возведено для нашей адвокатуры, и вотъ за это-то добро и страшно теперь.

Эти великія институціонныя гарантіи корпораціи, взятыя внѣ воплотившей ихъ сферы, по отношенію къ современной общественной средѣ занимаютъ въ ряду всѣхъ прочихъ учрежденій положеніе, какое, напримѣръ, оазисъ занимаетъ по отношенію къ окружающей его пустынѣ: въ немъ преслѣдуемый всякими лишеніями путникъ находитъ защиту подъ тѣнью свѣжей зелени и утоляетъ жажду свою изъ чистаго ручья; но если въ оазисѣ мало спасительной тѣни, если загрязнилась его чистая вода, то изсушающіе вѣтры пустыни заносятъ оазисъ пескомъ и вмѣсто усталаго путника по немъ бродятъ хищники разныхъ породъ; чѣмъ больше такихъ хищниковъ наплодила окружающая пустыня, чѣмъ глубже ея сыпучіе пески, чѣмъ суше и упорнѣе ея вѣтры, тѣмъ скорѣе и легче гибнетъ оазисъ. Что такое адвокатура, взятая въ ея идейной концепціи?...—Это свободная ассоціація людей, сплотившихся во имя той *«правды и милости»*, которыя по волѣ законодателя должны «царствовать въ судахъ», чтобы служить этому царству своими высшими познаніями и своею высшею нравственностью,—ассоціація, одаренная способностью самосовершенствованія путемъ собственнаго контроля и обладающая широкими полномочіями въ цѣляхъ самоочищенія. Съ этой точки зрѣнія, въ этомъ идеальномъ опредѣленіи адвокатура можетъ въ фактической дѣятельности своей выдѣляться въ двѣ потенціи, въ два противуположныхъ направленія: она можетъ защищать неправо или ошибочно преслѣдуемаго, она можетъ возстановить нарушенное гражданское право, разоблачить судебную ошибку, смягчить виновному участь, совершенствовать законодательство, указывая его анахронизмы и т. д., но точно также она можетъ обѣлять мошенника, служить своимъ талантомъ завѣдомой ябедѣ, раззорять человѣка на почвѣ формальнаго права и пользоваться завѣдомыми несовершенствами закона для достиженія всѣхъ подобныхъ цѣлей. Направленіе въ ту или другую сторону зависитъ *не отъ институціонныхъ условій корпораціи*, *а*

отъ личныхъ свойствъ ея состава и отъ господствующаго въ окружающемъ обществѣ настроенія, при чемъ чѣмъ скуднѣе содержаніе первой потенціи, чѣмъ сильнѣе спросъ на вторую, тѣмъ быстрѣе совершается тотъ губительный процессъ разложенія и ассимиляціи, который наблюдается нами теперь, и на который такъ справедливо жалуется Совѣтъ въ своей объяснительной запискѣ.

«Новыя вѣянія», упразднившія идеалы недавняго прошлаго, высокими словами раззадоривающія самыя низменныя вожделѣнія, охватывая всѣ сферы общественной дѣятельности, не могли, конечно, обойти и адвокатуру, и если отразились въ ней съ особенною наглядностью, то потому, что она сущностью своей профессіи поставлена въ непосредственное отношеніе къ окружающей средѣ, не имѣетъ пока надежнаго карантина и потому скорѣе подвергается всякимъ эпидемическимъ нашествіямъ,—нежели другія, болѣе отдаленныя или болѣе изолированныя области общественной дѣятельности.

И вотъ, когда мы видимъ, что нашъ адвокатскій, такъ красивообособленный оазисъ, предназначенный природою своею возстановлять усталыхъ путниковъ, заносится песками пустыни и даетъ пріютъ лишь бродящимъ въ ней хищникамъ, то наша мысль невольно переносится въ иное столѣтіе, въ иную страну, гдѣ при тождественныхъ условіяхъ мы наблюдаемъ, однако, совсѣмъ иную картину.

Въ концѣ XVIII-го вѣка, въ послѣдніе дни доживавшаго во Франціи режима, наканунѣ первой революціи, развратъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ охватилъ все французское общество, но остановился у порога адвокатской корпораціи и не пошелъ дальше. Адвокатура мужественно выступила на борьбу съ нимъ и до нашихъ временъ незапятнанною сохранила свою традицію. Отчего же, невольно возникаетъ вопросъ, мы не встрѣчаемся съ такимъ явленіемъ теперь, несмотря на тождественность условій? Не указываетъ ли этотъ историческій примѣръ на то, что пониженіемъ общаго культурнаго уровня нельзя объяснять и тѣмъ менѣе оправдывать наблюдаемую въ нашей адвокатурѣ деморализацію? Но не слѣдуетъ забывать, что весь нравственный строй тогдашней французской адвокатуры выросъ и окрѣпъ на лонѣ тѣхъ просвѣтительныхъ и освободительныхъ идей, той энергической и смѣлой защиты «правъ человѣка», того блестящаго ума и того горячаго сердца, какими такъ богата была тогдашняя литература; въ ней великія мысли вырабатывались великими людьми, изъ ея сокровищницы широкимъ благодатнымъ потокомъ разливался свѣтъ и прежде всего проникъ въ то сословіе «законниковъ», какъ называли себя тогдашніе адвокаты, которому приходи-

лось всего чаще сталкиваться съ пороками и слабостями общества съ одной стороны, и съ варварскими тогда законоположеніями — съ другой. Литература эта ничего и никого не боялась, не знала ни раскола, ни шаткости, въ которыхъ средній читатель не могъ бы разобраться при помощи доступнаго каждому и твердаго критерія. Она, эта всесильная въ ту пору литература, въ особенности дружила съ адвокатской средой, многіе адвокаты были литераторами, и многіе литераторы были адвокатами; нѣкоторые изъ нихъ, не состоя даже членами барро, принимали, какъ напримѣръ Вольтеръ, живѣйшее участіе въ судьбѣ современныхъ уголовныхъ процессовъ, добровольно отдавая свое мощное вліяніе на служеніе гуманнѣйшимъ цѣлямъ правосудія.

Вотъ что спасло французскую адвокатуру и чего главнымъ образомъ не достаетъ нашей.

Не слѣдуетъ, затѣмъ, въ этомъ сопоставленіи забывать и того, что французская адвокатура, какъ дѣтище романской цивилизаціи, уже имѣла готовый прецедентъ въ адвокатурѣ временъ римской имперіи, гдѣ званіе адвоката признавалось высшею почестью, за которою гонялись самыя выдающіяся и высокопоставленныя лица, тогда какъ наша адвокатура въ этомъ отношеніи, кромѣ постылаго дореформеннаго ходатая, не имѣла раньше себя ничего, чѣмъ можно было бы импонировать обществу. Не слѣдуетъ въ этомъ сопоставленіи забывать и того, что деморализація тогдашняго французскаго общества главнымъ образомъ лютовала въ верхнихъ его слояхъ, которые держались относительно адвокатуры особнякомъ, замыкались въ своихъ кружкахъ, тогда какъ наша деморализація—болѣе демократическаго характера—охватила преимущественно средніе слои, разлилась, слѣдовательно, несравненно шире и поразила какъ разъ тотъ контингентъ, который всего ближе стоитъ къ нашей адвокатурѣ. Наконецъ, и сама тогдашняя деморализація сравнительно съ нашею отличалась болѣе поверхностнымъ характеромъ: если и она отправлялась частью отъ философскихъ ученій, то слѣдовала, и опять таки въ высшихъ слояхъ общества, лже-эпикуреизму, тогда какъ наша выразилась уже въ гораздо болѣе опасномъ, шире воздѣйствующемъ типѣ сознательнаго или безсознательнаго, культурнаго или чумазаго struggle-for-lifer'-ства, — типѣ, если не совершающемъ у насъ явныхъ преступленій, то только потому, что всякому риску онъ предпочитаетъ вѣрно разсчитанные ходы.

Подъ тѣмъ же вліяніемъ просвѣтительныхъ идей вѣка сложилась и окрѣпла корпоративная честь французскаго адвокатскаго сословія;

ясные слѣды такого генезиса находимъ мы какъ въ томъ кодексѣ принципіальной этики, о которомъ упомянуто было выше, такъ и въ рѣчахъ, произносимыхъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, когда рѣчами этими затрогивались подобныя темы. Нашей корпораціи не только не достаетъ этой корпоративной чести, но, какъ удостовѣряетъ Совѣтъ, она скудна и личною.

Такимъ образомъ, сопоставляя двѣ такія корпораціи, мы въ первомъ случаѣ видимъ крѣпость, не только защищенную твердынями института, но и хорошо снабженную внутреннимъ провіантомъ, а во второмъ, за отсутствіемъ послѣдняго, мы наблюдаемъ лишь прискорбную капитуляцію.

Откуда же заручиться этимъ внутреннимъ провіантомъ? «Знанія» можетъ дать школа, «опытность» — пятилѣтній стажъ; но откуда прояснится утрачиваемое различіе «между дозволеннымъ и недозволеннымъ»; откуда возьмутся «забытыя чувства чести и долга», откуда народятся «принципы общественнаго служенія?» Откуда вернетъ сдающаяся армія эти свои знамена?

Наше воспитаніе не можетъ пока отвѣтить этимъ запросамъ сословія, а патронатъ его, самъ утратившій это различіе, эти чувства—не можетъ конечно вооружить ими своихъ помощниковъ. Между тѣмъ, какова будетъ школьная подготовка кадровъ сословія, каковы будутъ нравственные устои его патроновъ-руководителей, таковыми окажутся и шансы возвратить утраченное и вспомнить позабытое.

И опять въ этихъ скорбныхъ думахъ наши упованія влечетъ къ себѣ та же освѣщающая параллель, но наблюдаемая теперь не въ исторической, а въ современной Франціи,—Франціи послѣднихъ дней, когда, умиротворивши свою внутреннюю смуту, она обращается къ двумъ величайшимъ факторамъ общественнаго благосостоянія — народному образованію и заботѣ объ экономическихъ интересахъ рабочихъ массъ.

Одновременно, и тамъ и у насъ, ведутся теперь дебаты о реформѣ средняго и высшаго образованія, но тогда какъ у насъ главнымъ образомъ вращаются вокругъ вопроса — какому изъ двухъ «мертвыхъ языковъ», греческому или латинскому, подобаетъ отвести наибольшее количество учебныхъ часовъ, — французскіе педагоги заботятся о томъ живомъ «глаголѣ», который «жжетъ сердца людей»: не только во всѣхъ программахъ преподаванія они на первомъ планѣ ставятъ «*нравственное* воспитаніе юношества», но даже и въ гимнастическихъ играхъ они «рекомендуютъ уважать *иниціативу и свободу* воспитанниковъ, побуждая ихъ *сплачиваться* между собою въ

маленькія *автономныя* общества» (докладъ Маневріе въ коммиссіи, учрежд. мин. нар. просв.). «Изученіе грамматики, говоритъ въ своемъ докладѣ по классическимъ языкамъ Робье, должно быть сведено къ крайнему минимуму, при чтеніяхъ должно быть обращено главное вниманіе на *идейную нравственную* сторону произведеній». «Въ исторіи (докладъ Лависса) *особенное* вниманіе должно быть удѣляемо *исторіи цивилизаціи*, такъ какъ задача исторіи заключается *въ привычкѣ оцѣнивать факты, судить о личностяхъ, идеяхъ, эпохахъ, усматривать* умственныя проявленія въ ихъ *настощей* средѣ, не заставляя ученика теряться въ массѣ фактовъ и подробностей». При недавнемъ обсужденіи законопроекта о реформѣ средняго образованія въ сенатѣ Ж. Симонъ основною цѣлью его ставилъ такое преподаваніе, которое способно было бы «*запасомъ прочныхъ идей, истинно-гуманныхъ чувствъ*, усвоенныхъ молодежью и распространяющихся черезъ нее во французскомъ обществѣ, укрѣпить *духовныя и нравственныя силы и возвысить душу*, потому что, если необходимо изучать полезныя науки, то существуетъ наука, которая полезнѣе всѣхъ наукъ—*наука гуманитарная*».

Вотъ какая именно школа нужна адвокатской профессіи, немыслимой, какъ полезный общественный факторъ, безъ прочнаго и разумнаго усвоенія нравственныхъ воспитательныхъ началъ, безъ развитія самодѣятельности мозга и автономическаго навыка. «Важны не знанія, скопленныя въ мозгу, говоритъ Спенсеръ, а знанія, обращенныя въ *мускулатуру* ума». *Такая* самодѣятельность и *такія* знанія составляютъ и ту душу всякаго самоуправленія, которой недостаетъ нашей адвокатской корпораціи, которая въ нашей школѣ парализуется системою обученія, а въ послѣдующей практикѣ—кассаціоннымъ руководительствомъ, при чемъ поиски въ послѣднемъ случаѣ предпринимаются отнюдь не для выясненія истиннаго смысла закона, а ради подбора тезисовъ, благопріятно толкующихъ дѣло кліента.

Смѣшно было бы надѣяться, что, не имѣя за душой ничего кромѣ латинскаго синтаксиса да выроіценнаго на удобренной нигилизмомъ почвѣ «дѣловитыми» глашатаями и славы-ради юродивыми презрѣнія къ наукѣ, цивилизаціи и общечеловѣческимъ идеаламъ, можно съ успѣхомъ противостоять тѣмъ внѣшнимъ и профессіональнымъ искушеніямъ окружающей среды, о которыхъ говорилось въ предшествующихъ главахъ нашего очерка, которыя въ настоящую эру нашей адвокатуры способны сокрушать и не однихъ только пестрыхъ «философовъ» и расторопныхъ «дѣльцовъ», и которыя, какъ гово-

ритъ Гюйо, до того могучи надъ человѣкомъ, что перерабатываютъ даже *наслѣдственные* задатки; что же слѣдуетъ сказать о прививаемыхъ воспитаніемъ и *такимъ* воспитаніемъ! — Оно можетъ лишь прочищать путь этимъ искушеніемъ.

Смѣшно было бы, поэтому, и думать, что въ наблюдаемой теперь деморализаціи сословія присяжныхъ повѣренныхъ, обусловленной *исключительно* воспитательными задатками, внѣшними болѣзнетворными симптомами окружающей среды и тѣми профессіональными свойствами, которыя неразлучны съ природой учрежденія,—смѣшно было бы думать, что въ такой деморализаціи играютъ какую либо роль великія незыблемыя начала, положенныя Судебными Уставами въ институтъ присяжной адвокатуры.

6.

Эпоха, въ которую эта адвокатура созидалась и узаконялись эти начала, очень не похожа на нашу, конечно. Тогда общество было совсѣмъ не то, что теперь. Оно имѣло идеалы, въ которые вѣрило, имѣло и дѣло, прямодушно стремившееся къ ихъ воплощенію. Оно еще не знало «самобытно»—переработанной «теоріи борьбы за существованіе», не знало ни Разуваева, ни Балалайкина, а о «пришествіи чумазаго» нельзя было и догадываться [2]); все и всѣ, горячо и искренно привѣтствовали реформу, проповѣдникъ обскурантизма и «непротивленія злу» дарилъ общество своими высоко художественными произведеніями, въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ общественныхъ и въ литературѣ объявились люди, которые теперь трактуются чуть не героями... Судебные Уставы писались для *такого* общества и для *такихъ* людей. Отсюда возможно заключеніе, что если теперь, четверть вѣка спустя, общество совсѣмъ иное и людей такихъ нигдѣ не видать, то, значитъ, и Уставы должны быть иные, потому что всякое учрежденіе должно согласоваться съ общественнымъ уровнемъ данной эпохи и отвѣчать его потребностямъ. Такой выводъ на первый взглядъ можетъ показаться, пожалуй, и вѣрнымъ, такъ какъ учрежденія служатъ обществу, а не наоборотъ; но въ немъ кроется глубокое и опасное заблужденіе, и онъ вѣренъ только отчасти: въ учрежденіяхъ страны въ какую бы то ни было эпоху ея развитія слѣдуетъ различать тѣ, которыя служатъ времен-

---

[2]) Вопреки извѣстному мнѣнію, нашему брату, юристу, часто приходится ссылаться на творенія великаго сатирика, и ихъ глубокое и широкое *юридическое* значеніе стоитъ для насъ внѣ всякаго сомнѣнія.

нымъ, переходнымъ потребностямъ общества, отъ тѣхъ, которыя природою своею предназначены служить тѣмъ требованіямъ, которыя неизмѣняются во времени и составляютъ вѣчный удѣлъ всего человѣчества. Вотъ эти именно, такъ сказать, *прирожденныя* потребности человѣчества и имѣли въ виду составители Судебныхъ Уставовъ, учреждая адвокатуру на тѣхъ началахъ, на которыхъ зиждется она теперь, *безъ которыхъ она невозможна*, и которыя останутся неизмѣнными до тѣхъ поръ, пока человѣчество перестанетъ нуждаться въ правосудіи, въ защитѣ своихъ правъ и въ милосердіи къ своимъ невольнымъ прегрѣшеніямъ. Если *такія* учрежденія мы будемъ приноравливать къ тому или иному *преходящему* общественному уровню данной эпохи и съ паденіемъ его понижать и вложенныя въ нихъ начала, тогда этотъ уровень перестанетъ быть преходящимъ, и общество будетъ обречено или на вѣчный застой, или на смуту и насилія. Учрежденія втораго порядка должны, понятно, измѣняться соразмѣрно съ общественнымъ уровнемъ, но въ одномъ лишь случаѣ, когда уровень этотъ не понижается, а повышается и переростаетъ тѣ начала, которыя составляютъ сущность этихъ, въ такомъ случаѣ, отживающихъ свой вѣкъ учрежденій: отмѣна крѣпостнаго права, отмѣна пытки и тѣлеснаго наказанія, предварительной цензуры и т. п. мыслимы и возможны, но не мыслимы и невозможны—отмѣна правосудія, отмѣна необходимаго его фактора—свободной адвокатуры, отмѣна права каждаго искать въ судѣ защиту и находить ее. Незыблемость подобныхъ началъ до того насущна каждому живому общественному организму, что малѣйшее измѣненіе, малѣйшая уступка вѣяніямъ времени могутъ совершенно исказить природу этихъ началъ, если хотя въ чемъ либо эти поправки окажутся въ противорѣчіи съ духомъ, вызвавшимъ ихъ къ жизни.

Примѣняя эти общія положенія къ интересующему насъ вопросу, отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать *институціонной* организаціи адвокатуры съ ея *профессіональными* особенностями.

Первая можетъ оставаться непогрѣшимою и тогда, когда вторыя въ одно и то же время могутъ вызывать явленія, возмущающія даже и не слишкомъ щекотливую совѣсть. Выше мы имѣли случай упомянуть, что существу адвокатской профессіи *органически свойственны* двѣ противоположныхъ потенціи — положительная и отрицательная; *единственнымъ* между ними регуляторомъ могутъ быть, съ одной стороны, воспитаніе, полученное адвокатомъ, съ другой — среда, въ которой онъ дѣйствуетъ; институціонныя начала, понятно, оказываются здѣсь ни при чемъ. Слѣдовательно, реформировать ихъ, даже

совершенствовать, если это нужно, и полагать, что этимъ возможно морализировать *профессію* — будемъ дѣломъ глубочайшей ошибки,— празднымъ тамъ, гдѣ эти начала въ совершенствованіи нуждаются, и положительно вреднымъ тамъ, гдѣ, какъ у насъ, они въ этомъ не нуждаются.

Отсюда, и съ этой точки зрѣнія въ высшей степени невѣрнымъ,— совершеннѣйшимъ оптическимъ обманомъ,—окажется мнѣніе о томъ, что деморализація адвокатскаго сословія обязана своимъ появленіемъ тѣмъ принципіальнымъ условіямъ, которыя положены въ основу его учрежденія судебными уставами 20 ноября 1864 года и вмѣстѣ съ прочими узаконенными ими началами составляютъ больное мѣсто реформъ минувшаго царствованія, дисгармонируя, якобы, съ нашими историческими преданіями, съ нашимъ бытовымъ строемъ и съ прочими установленіями государства. Независимость корпораціи, свобода ея дѣятельности, ея самоуправленіе, ея узаконенный интеллигентный составъ—въ данномъ случаѣ не болѣе, какъ тѣ рѣдкостныя «павлиньи перья», въ которыя вырядилась наша заурядная ворона: гоните, бейте эту повсюдную ворону,—она «залетѣла не въ свои хоромы», но не трогайте ни въ чемъ тутъ неповиннаго павлина, не ломайте ни въ чемъ тутъ неповинныхъ хоромъ. Долго продержаться эта залетная птица не можетъ—она уже намѣчена теперь; придетъ время, и она пропадетъ; пропадетъ, какъ пропадаетъ блекнущая въ ненастную осень листва древесная; но ради этой блеклой листвы нельзя же рубить все дерево, обладающее жизненными соками и ожидающее только новой весны, чтобы покрыться пышною зеленью; охраняйте это дерево, защищайте его отъ бурь и непогодъ зимою, и оно дастъ эту новую листву,—дастъ несомнѣнно, потому что весна придетъ и не придти не можетъ.

7.

Газеты уже возвѣстили предстоящій въ ноябрѣ текущаго года пересмотръ постановленій судебныхъ уставовъ о присяжныхъ повѣренныхъ. Назначенный этими вѣстями срокъ намъ кажется чрезвычайно поспѣшнымъ: къ такому дѣлу, какъ пересмотръ *судебныхъ уставовъ* Императора Александра II, надо «приступать не иначе, какъ *«со страхомъ и вѣрою»*, со страхомъ — передъ возможностью, исправляя и реформируя частныя постановленія, поколебать съ ними и основныя начала великаго законодательнаго памятника, «славы и гордости минувшаго царствованія» (Высочайшій манифестъ 1881 г.), и съ вѣ-

рою — въ неизсякаемую живую мощь этихъ основныхъ началъ, которыми цѣликомъ проникнутъ немногословный, но *многообъемлющій* текстъ института нашей адвокатуры.

Но, кромѣ этого, такая поспѣшность не желательна и въ виду того, что прежде, чѣмъ приступить къ «мѣропріятіямъ», необходимо *тщательно и спокойно* ознакомиться съ коренною причиною непорядка, глубоко скрытою и заслоненною страстнымъ пока отношеніемъ къ вопросу. Для этого нужно изслѣдованіе, а стало быть, и время. Безъ этого, «мѣропріятія» легко могутъ оказаться тѣмъ пластыремъ, который закрываетъ, но не вылѣчиваетъ гдѣ либо вызванную порочными соками цѣлаго организма рану. Нельзя, затѣмъ, оправдывать подобныя мѣропріятія и тѣми, напримѣръ, временными общественными броженіями, ради которыхъ нѣкоторыя пораженныя ими мѣстности объявляются «въ осадномъ положеніи» съ тѣмъ, чтобы снять его по минованіи надобности: *къ адвокатурѣ* всякія подобныя мѣры, «съ пользою для дѣла» и «впредь до указанія опыта» предпринимаемыя и почти всегда характеризуемыя цѣлью «подтянуть», «сократить», «ограничить» и т. п. осадными стремленіями, не приложимы: здѣсь онѣ легко могутъ создать почву будущаго,—почву, совершенно иную, нежели та, которая существуетъ нынѣ и узаконена судебными уставами, и которая *одна способна, не тормозя развитія корпораціи, пережить тяжелое время и создать ей лучшее будущее;* «указанія опыта» приведутъ здѣсь къ пути, какъ разъ противуположному тому, какой однажды и разъ навсегда уже указанъ вѣрующими и прозорливыми творцами судебныхъ уставовъ, такъ какъ «опытъ» этотъ еще долго долженъ будетъ производиться *при тѣхъ же* общественно-воспитательныхъ внѣшнихъ условіяхъ, а условія эти крайне благопріятны тому, чтобы *подобныя* «временныя» мѣры превращать въ постоянныя.

Вѣдь, только благодаря этимъ условіямъ, не могли привиться къ правамъ нашей адвокатуры тѣ, несравненно болѣе дѣйствительныя начинанія, какими совѣтъ 1878 г. думалъ предотвратить начинающееся тогда ихъ паденіе. «Молодые люди, — писалъ совѣтъ,— хотя и получившіе университетское образованіе, но живущіе уединенно отъ своихъ товарищей, легко могутъ попасть въ дурное общество и мало по малу утратить тѣ хорошія привычки, которыя сообщаются имъ университетомъ. Сознавая свою принадлежность къ кружку, въ которомъ всегда существуетъ общественное мнѣніе, каждый воздерживается отъ проступковъ, нарушающихъ адвокатское и человѣческое достоинство». Съ этими цѣлями совѣтъ бралъ на себя руководство заня-

тіями помощниковъ какъ практическими, такъ и *научными*, теоретическими, чтобы помощники могли «узнавать, что согласно и что не согласно съ достоинствомъ адвоката». Если въ удушливой атмосферѣ этихъ внѣшнихъ общественно-воспитательныхъ условій и такія живыя начинанія обратились въ «мертвую букву» и, замѣнившись новыми «правилами» 3 марта, удержали значеніе лишь какъ pia desiderata неизвѣстнаго будущаго, то что же можно сказать о мѣропріятіяхъ вышеуказаннаго пошиба?...

Наибольшему риску въ предстоящемъ пересмотрѣ подвергается, по всѣмъ вѣроятіямъ, независимость сословія. Объ этомъ возникала уже рѣчь и при составленіи судебныхъ уставовъ: было, именно, заявлено мнѣніе о необходимости учредить особое коллективное присутствіе подъ предсѣдательствомъ губернатора для надзора за присяжными повѣренными, но это мнѣніе было тотчасъ же отклонено ссылкою на проектированное уже ранѣе того учрежденіе внутренняго корпоративнаго надзора, снабженнаго широкими полномочіями и въ своей компетенціи не стѣсненнаго даже областью тѣхъ нарушеній, которыя воспрещены общими законами. Составители судебныхъ уставовъ до того ревниво оберегали эту независиность сословія, что воспретили членамъ его какія бы то ни было стороннія обязанности по государственной службѣ, «такъ какъ отъ такихъ адвокатовъ, какъ подчиненныхъ по роду ихъ службы различнымъ начальствамъ, *нельзя ожидать той независимости, которая признается необходимою для присяжнаго повѣреннаго*» (журн. 2 октября 1864 г., стр. 4—5 и журн. 1861 г., стр. 5—7); а составъ совѣта признали полезнымъ возобновлять ежегодно, дабы члены его «не сдѣлались *произвольными* распорядителями въ дѣлахъ сословія» (Об. зап. 1863 г., стр. 243).

И дѣйствительно: независимость—это до такой степени естественная сфера адвокатскаго служенія, что безъ нея оно обойтись не можетъ, какъ рыба безъ воды. Всякое въ этомъ отношеніи посягательство посягаетъ не только на достоинство адвоката, но, что еще опаснѣе, оно посягаетъ и на первѣйшіе интересы его довѣрителя, а, слѣдовательно, и всего общества. Кто же рѣшится поручить свое дѣло такому адвокату, который можетъ подъ тѣмъ или инымъ враждебнымъ по чему либо этимъ интересамъ давленіемъ измѣнить имъ, огласить довѣренную ему тайну, или просто вести дѣло кліента по извнѣ полученнымъ инструкціямъ? Одного подобнаго подозрѣнія будетъ достаточно, чтобы лишить практики даже и адвоката, ни на что подобное неспособнаго. Кліентъ идетъ къ адвокату съ тою же вѣрою, съ какою обращается онъ къ врачу, къ духовнику, къ душеприка-

щику. Что бы сказали, если бы кому либо вздумалось подорвать эту вѣру? А у насъ, гдѣ громадное большинство имѣющихъ дѣло къ суду шагу не можетъ ступить безъ адвоката, подобное посягательство было бы равносильно отказу въ правосудіи.

Надъ нашей адвокатурой кромѣ собственнаго контроля, очень широко поставленнаго въ законѣ и далеко не бездѣйствовавшаго, какъ это видно по ежегоднымъ отчетамъ, имѣются еще прокурорскій протестъ и апелляція въ палату — чего же больше? Если и этотъ тройственный контроль не смогъ гарантировать благонравіе сословія, то потому, что всякій контроль способенъ лишь устранять злоупотребленія, блюсти за исполненіемъ предписаннаго и т. п., но онъ не можетъ заставить уснувшую душу содрагаться святымъ негодованіемъ при всякой встрѣчѣ съ неправдою, не можетъ зажечь въ ней отеческой любви къ каждому, отъ того страдающему, не можетъ вернуть ей утраченные идеалы правды и добра... Контроль не можетъ сдѣлать этого, сдѣлать это можетъ только воспитаніе въ широкомъ значеніи слова, т. е. воспитаніе не только школьное, но и общественное: совершеннѣйшій инструментъ не можетъ замѣнить человѣческаго голоса, а прекраснѣйшая картина — изображенной на ней природы. Душа русскаго человѣка вообще очень туго поддается контролю, понимаемому въ смыслѣ «властной руки»; скорѣе склонна она обмануть его и сдѣлать это тѣмъ охотнѣе, чѣмъ контроль этотъ суровѣе и бдительнѣе; но за то она чрезвычайно податлива и отзывчива къ воздѣйствіямъ, опирающимся на вѣрѣ въ достоинство человѣка. Возьмемъ, напр., самую морально испорченную среду—арестантскую: какъ часты въ ней побѣги, совершаемые при строжайшемъ тюремномъ надзорѣ, побѣги, поражающіе своею чуть не сверхъестественною ловкостью и смѣлостью; но никто изъ конвоируемой партіи, раскованной этапнымъ начальникомъ «*на честное слово*», не рѣшится бѣжать съ пути, не взирая на полную къ тому возможность! Это свойство человѣческой природы прекрасно отмѣчено у Гюйо (Guyau, «Education et hérédité»): «открыто выраженное уваженіе къ личности есть одна изъ могущественнѣйшихъ формъ нравственнаго на нее воздѣйствія», и этимъ свойствомъ надо только умѣло пользоваться.

Существуетъ, затѣмъ, такъ называемый «контроль общественнаго мнѣнія»; но онъ дѣйствителенъ въ этическихъ цѣляхъ лишь при такомъ общественномъ уровнѣ, который съ нашимъ настоящимъ ничего общаго не имѣетъ; подмѣнять же этотъ необходимый, но намъ пока недостающій, естественный контроль контролемъ искусственнымъ, будетъ по отношенію къ такой нѣжной и сложной организаціи, какова

адвокатская, дѣломъ самой наивной, самой грубой фальсификаціи. Если задачи корпораціи требуютъ лишь того внутренняго и свободнаго контроля, какой установленъ въ дѣйствующемъ законѣ, то такъ же точно и каждый адвокатъ, взятый въ отдѣльности, можетъ управляться лишь тѣмъ внутреннимъ контролемъ, который зовется совѣстью и прививается нравственнымъ воспитаніемъ. Надо быть послѣдовательнымъ и искусственною подмѣною не вносить новаго разлада въ сословіе, до сихъ поръ еще не успѣвшее достаточно сплотиться.

Не будь его независимости, его самоуправленія, его корпоративной организаціи, наблюдаемая теперь деморализація проявилась бы еще глубже, еще безнадежнѣе; лица, составляющія теперь гордость и надежду сословія, давно бы покинули его ряды, чтобы сохранить свободу своихъ убѣжденій и совѣсти; «принципы общественнаго служенія» не только «позабылись» бы, но и замѣстились бы принципами служенія личнаго, которые еще Чацкому помѣшали избрать родъ общественной дѣятельности («служить бы радъ—прислуживаться тошно»), а въ распознаваніи «границы между дозволеннымъ и недозволеннымъ» не предстояло бы и надобности, такъ какъ оставалось бы только «творить волю пославшаго»; не услышали бы мы, наконецъ, и того благороднаго «*сознанія вины*», которое, явившись среди самыхъ несимпатичныхъ «мѣропріятій» совѣта, блеститъ, однако, какъ драгоцѣнный алмазъ въ мѣдной оправѣ, и знаменуетъ собою «*начало исправленія*», здоровый признакъ, залогъ самовозрожденія.

У кого же подымется рука, чтобы вязать тѣхъ, которые несутъ намъ его?..

Работая бокъ-о-бокъ съ защитою въ теченіе всего истекшаго 25-ти лѣтія, хотя и въ различныхъ, формально-противуполагаемыхъ цѣляхъ, мы успѣли сжиться съ адвокатурою, понять и прочувствовать все величіе, всю насущность ея задачъ, радоваться ея успѣхамъ и скорбѣть о ея неудачахъ; въ высшей степени неловко чувствовали мы себя, когда пустовала противъ насъ адвокатская трибуна, или когда противникъ не умѣлъ пользоваться всѣмъ оружіемъ своимъ; въ послѣднемъ случаѣ мы брали дѣло это на себя, объективно пополняя пробѣлы и предоставляя присяжнымъ тотъ или иной конечный выводъ. Говоримъ это для того, чтобы въ заканчиваемомъ изложеніи читатель не заподозрилъ, съ одной стороны, чего либо подобнаго профессіональному антагонизму, отъ котораго не всѣ еще наши прокуроры свободны, а съ другой—чтобы въ томъ, что приводится нами въ защиту

адвокатской корпораціи и существующаго закона, онъ не усмотрѣлъ бы какой либо обратной тенденціи: мы давно и навсегда сложили съ себя служебныя обязанности, не состоимъ ни у какихъ «дѣлъ» и потому съ полною свободою и съ такимъ же безпристрастіемъ можемъ отнестись къ трактуемой темѣ, вспоминая прошлое, скорбя о настоящемъ и вѣря въ будущее.

Выгоды такого изолированнаго положенія, беззавѣтная преданность законодательнымъ идеямъ, осуществленію которыхъ пришлось намъ посвятить всю свою дѣятельность съ самаго начала ея и, наконецъ, животрепещущій интересъ вопроса заставили насъ на этотъ разъ взяться за перо, чтобы наканунѣ возвѣщеннаго пересмотра дѣйствующихъ законоположеній о присяжныхъ повѣренныхъ сказать по этому поводу свое непрошенное, быть можетъ безслѣдное, но во всякомъ случаѣ искреннее и продуманное слово.

П. Н. Обнинскій.

БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ ВЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

> «Quamquam innumerae pestes sunt quibus regna, principatus et respublicae dolent, haec tamen quatuor (meo judicio) potissimae sunt: discordia, mortalitas, terrae sterilitas et monetae vilitas». *Copernicus*, Monetae Cudendae Ratio (трактатъ, адресованный польскому королю въ началѣ XVI столѣтія).

Въ первое время колонизаціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ функціи мѣновыхъ знаковъ исполняли нѣкоторые предметы первой необходимости, каковы, напримѣръ, рожь, скотъ, рисъ, табакъ и проч. Очень незначительныя суммы металла появлялись благодаря торговлѣ съ Вестъ-Индіею и эмигрантамъ. Чтобы удержать этотъ металлъ въ странѣ, его сдѣлали законнымъ платежнымъ средствомъ и присвоили ему цѣнность выше той, которою онъ пользовался на мѣстѣ чеканки. Металлъ, благодаря этимъ мѣрамъ, дѣйствительно не уходилъ изъ страны, но фиксированіе его цѣнности выше дѣйствительной совершенно изолировало денежное обращеніе колоній отъ другихъ странъ. Вслѣдствіе недостатка въ мѣновыхъ знакахъ и войны съ Канадой штатъ Массачуссетъ ввелъ у себя въ 1690 году бумажныя деньги. Этому примѣру послѣдовали и другіе штаты. Разъ вступивши на этотъ путь, колоніи продолжали дѣлать выпуски за выпусками. Замѣчательно, говоритъ Уокеръ [1]), что бумажныя деньги обезцѣнивались не столько вслѣдствіе увеличившихся выпусковъ, сколько благодаря несоблюденію мѣръ, долженствовавшихъ обезпечить ихъ стоимость, именно: оставленію ихъ въ обращеніи больше опредѣленнаго времени, невзиманію тѣхъ налоговъ, которые должны

были дать средства къ ихъ изъятію, и выпуску въ обращеніе билетовъ, предъявленныхъ къ уничтоженію. Курсъ на Лондонъ, бывшій въ 1713 году $1,_{35}$—въ 1749 году дошелъ до 1100. Полученное военное вознагражденіе въ 138,649 фунтовъ дало возможность Массачуссету возстановить валюту на металлическомъ базисѣ (серебро и мѣдь). Историкъ денежнаго обращенія Соединенныхъ Штатовъ, профессоръ Сомнеръ, свидѣтельствуетъ, что торговля и промышленность Массачуссета не пострадали отъ такого чрезвычайнаго прыжка въ цѣнности мѣновой единицы: цѣны быстро приноровились къ новой единицѣ. Но за то сосѣдніе штаты, сохранившіе сильно обезцѣненную валюту, значительно пострадали отъ возстановленія валюты въ Массачуссетѣ: торговля перешла отъ нихъ къ «серебряному штату», и ихъ валюта еще болѣе обезцѣнилась [2]).

Интересный экспериментъ съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ былъ сдѣланъ въ 1723 г. штатомъ Пенсильванія. Экспериментъ этотъ покоился на такихъ же принципахъ, какъ и французскія ассигнаціи. Подъ залогъ земель выдавались бумажными деньгами ссуды въ размѣрѣ 50% стоимости земель на 16 лѣтъ съ ежегодными уплатами части капитала и 5%. Проценты шли на общественныя нужды. Несмотря на сравнительную незначительность выпущенной суммы — 15,000 фунтовъ—курсъ этихъ бумажныхъ денегъ все же дошелъ до 190 за 100.

Первые шаги борьбы Соединенныхъ Штатовъ за свою самостоятельность сопровождались выпусками бумажныхъ денегъ. Въ подражаніе Европѣ, бумажныя деньги, выпущенныя въ 1775 году, получили названіе «континентальныхъ» (continental currency). Сумма ихъ быстро дошла до 450 милліоновъ долларовъ и также быстро шло ихъ ужасающее обезцѣненіе. Напрасно отдѣльные штаты и конгрессъ объявили принудительный курсъ бумажныхъ денегъ; напрасно правительство объявило ту же безсмыслицу, что и директора англійскаго банка во время Bank-Restriction — что не бумажныя деньги обезцѣнены, а серебро повысилось въ цѣнѣ; напрасно конгрессъ въ 1779 г. торжественно заявилъ, «что невозможно сомнѣваться въ его честности, что врагамъ Америки никогда нельзя будетъ сказать, что вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ самостоятельности Америка перестала платить долги. Всѣ эти заявленія, какъ это всегда и вездѣ бывало въ подобныхъ случаяхъ, остались только пустыми словами: не прошло года, какъ Вашингтонъ уже писалъ, что за возъ бумажныхъ денегъ едва можно купить возъ съѣстныхъ припасовъ и, наконецъ, самъ конгрессъ въ 1782 г. отказался принимать свои бумажныя деньги. Эти деньги, на-

конецъ, совсѣмъ исчезли изъ обращенія и ихъ владѣльцы ровно ничего за нихъ не получили [3]). На общественное благосостояніе и распредѣленіе богатствъ это обезцѣненіе произвело потрясающее вліяніе». «Бумажныя деньги, говоритъ Вебстеръ объ этой эпохѣ, измучили больше людей, нанесли больше вреда самымъ дорогимъ интересамъ нашей страны, чѣмъ это могли сдѣлать войска нашихъ враговъ». Англичане, видя страшное дѣйствіе бумажныхъ денегъ, поддѣлывали ихъ и распространяли на американской территоріи [4]). Бумажныя деньги внушили населенію такой безотчетный страхъ, что въ конституцію Соединенныхъ Штатовъ былъ введенъ спеціальный параграфъ, навсегда воспрещающій выпуски бумажныхъ денегъ. По свидѣтельству современниковъ, когда въ обращеніи вдругъ появился металлъ, переходъ отъ бумажныхъ денегъ къ металлическимъ совершился такъ быстро, что фактъ этотъ возбудилъ всеобщее удивленіе. Постоянное повышеніе цѣнъ, противъ котораго правительство во время господства бумажныхъ денегъ безуспѣшно издавало многочисленныя строжайшія распоряженія, сразу пріостановилось и жалобы населенія прекратились [5]).

Послѣ того какъ независимость Соединенныхъ Штатовъ была признана, конгрессъ занялся организаціей государственнаго управленія. Гамильтонъ, первый секретарь департамента казначейства, нашелъ эту важную часть въ самомъ безпорядочномъ положеніи: состояніе государственнаго долга не приведено было въ извѣстность, для государственныхъ доходовъ не существовало никакой системы; не была даже выработана техническая сторона финансоваго управленія. Доходы состояли изъ пошлинъ на импортъ, акциза съ спиртныхъ напитковъ, конфискацій и, главнымъ образомъ, изъ внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ. Отсутствіе эмиссіоннаго банка дало себя чувствовать сейчасъ же по окончаніи революціи. Торговля и промышленность страдали отъ недостатка мѣновыхъ знаковъ, финансовое управленіе терпѣло затрудненія при помѣщеніи своихъ свободныхъ средствъ и, не имѣя посредника при своихъ разнородныхъ операціяхъ съ государственнымъ долгомъ, принуждено было находиться въ полной зависимости отъ иностранцевъ. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ учрежденъ былъ въ 1791 году первый банкъ Соединенныхъ Штатовъ, которому дарована была привилегія на двадцать лѣтъ. За все свое двадцатилѣтнее существованіе банкъ функціонировалъ превосходно: онъ неоднократно выручалъ правительство изъ очень стѣсненнаго финансоваго положенія, аккуратно завѣдывалъ государственными суммами, далъ странѣ солидное денежное обращеніе и снабжалъ торговлю и промы-

шленность необходимымъ кредитомъ. Къ несчастью, большинство акціонеровъ банка не принадлежало къ партіи президента Джефферсона. Когда былъ внесенъ билль о возобновленіи привилегій банка, то несмотря на всѣмъ извѣстную полезность этого учрежденія для фиска и народнаго хозяйства и на несомнѣнную экономическую опасность, сопряженную съ закрытіемъ банка, такъ какъ это должно было повлечь за собою отливъ металла заграницу для уплаты иностраннымъ акціонерамъ и изъятіе изъ обращенія 22 милліоновъ билетовъ банка при общемъ обращеніи въ 50 милліоновъ,—привилегіи банка все же не были продолжены, правда большинствомъ только одного голоса. Послѣ закрытія банка Соединенныхъ Штатовъ появилась масса эмиссіонныхъ банковъ въ отдѣльныхъ штатахъ (State-Banks), которые наводнили страну своими обезцѣненными билетами и скоро прекратили обмѣнъ. Публика, къ счастью, сравнительно мало пострадала отъ этого обезцѣненія, такъ какъ металлъ, *благодаря тому, что онъ сохранилъ функцію законнаго платежнаго средства*, не ушелъ изъ страны, и весь обмѣнъ покоился на металлѣ. Это обстоятельство спасло страну отъ новой бумажно-денежной пертурбаціи [6]).

Началась агитація за учрежденіе втораго банка, который и былъ учрежденъ въ 1816 году съ привилегіей на 20 лѣтъ и основнымъ капиталомъ въ 35 милліоновъ долларовъ. На одну пятую часть основнаго капитала подписалось правительство, но получило эту сумму обратно въ видѣ займа, за который платило 5%. Капиталъ правительство никогда не уплатило и получало ежегодно очень значительные дивиденды. Правленіе банка состояло изъ 25 директоровъ, изъ которыхъ пять назначались президентомъ республики. Возстановленіе обмѣна на металлъ имѣло мѣсто въ 1817 году. И второй банкъ Соединенныхъ Штатовъ за все время своего существованія былъ на высотѣ своего призванія и оказывалъ громадныя услуги правительству и народному хозяйству; но и второму банку суждено было сдѣлаться жертвой политическихъ соображеній. Банкъ имѣлъ несчастье выказать сильную оппозицію при выборахъ президента Джексона, и такъ какъ послѣдній вообще былъ врагомъ индустріализма и денежнаго капитала, то онъ и рѣшилъ покончить съ банкомъ и не возобновлять его привилегій. На рѣшеніе конгресса продлить привилегію банку президентъ наложилъ свое veto, мотивируя свой отказъ тѣмъ соображеніемъ, что вліяніе, которымъ пользовался банкъ въ странѣ, слишкомъ значительно и противорѣчитъ республиканскимъ принципамъ. Съ этими принципами, по его мнѣнію, согласуется только система полной свободы банковаго дѣла. Съ такими доводами конгрессъ однако же не со-

гласился. Тогда президентъ собственною властью отнялъ у банка депонированные у него государственные капиталы и завѣдываніе государственными доходами. Такимъ образомъ банку поневолѣ пришлось прекратить свое существованіе. Государственные капиталы были размѣщены по разнымъ банкамъ, которые вслѣдствіе этого получили возможность значительно расширить свои операціи и выпуски банковыхъ билетовъ. Это привело къ злоупотребленію кредитомъ и окончилось торгово-промышленнымъ и банковымъ крахомъ 1838—1839 годовъ, при чемъ 180 банковъ прекратили платежи [7]). Послѣдствіемъ этого краха было введеніе въ большинствѣ штатовъ новаго банковаго закона, извѣстнаго подъ названіемъ «Нью-Іоркскаго» и послужившаго впослѣдствіи основаніемъ къ закону о національныхъ банкахъ. Сущность этого закона заключалась въ слѣдующемъ. Основаніе эмиссіоннаго банка поставлено было въ зависимость отъ разрѣшенія властей штата и давалось только тогда, если о дѣйствительно уплаченной суммѣ капитала и о солидности операцій банка имѣлись вѣрныя свѣдѣнія. Выпускаемые банковые билеты печатались государствомъ и выдавались банкамъ подъ обезпеченіе процентныхъ бумагъ, выпущенныхъ отдѣльными штатами или союзомъ въ пропорціи 100 : 90. Банки обязаны были держать металлическій резервъ и за необмѣнъ билетовъ по предъявленію теряли право выпуска, а билеты уплачивались посредствомъ продажи депонированныхъ бумагъ. Въ штатахъ Новой Англіи дѣйствовала другая, болѣе старая система, Суффолкская, заимствованная изъ Шотландіи. Въ каждомъ городѣ этихъ штатовъ существовала разсчетная палата (Clearing-House), гдѣ банки одинъ или два раза въ недѣлю взаимно обмѣнивали билеты, уплачивая остатки наличными деньгами. Банкъ лишался права выпуска, если одинъ разъ не исполнилъ своихъ обязательствъ по обмѣну. Нью-Іоркская система не помѣшала однакожъ банкамъ прекратить обмѣнъ въ 1857 году; многіе изъ нихъ даже прекратили платежи.

Съ избраніемъ въ 1861 году въ призиденты Линкольна начинается періодъ великой междоусобной войны, съ ея грандіозными человѣческими и финансовыми жертвами. Съ этой войной тѣсно связана исторія финансовъ и, въ особенности, бумажно-денежнаго обращенія Соединенныхъ Штатовъ. Съ самаго начала войны помѣщеніе внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ встрѣчало громадныя затрудненія. Неблагопріятныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій и призывъ 500,000 человѣкъ подкрѣпленія понизили курсъ 6% фондовъ до $88\frac{1}{2}$. Только

послѣ большихъ усилій правительству удалось помѣстить разнородныхъ займовъ на 375 милліоновъ долларовъ. Послѣдніе 125 милліоновъ уже пришлось выпускать по $7^2/_{10}\%$ (2 цента въ день). Бюджетный годъ 1861 — 2 года закончился дефицитомъ въ 380 милл. долл. Волей неволей банкамъ пришлось принять очень дѣятельное участіе при негоцированіи государственныхъ займовъ; это обстоятельство возбудило опасенія въ публикѣ, которая съ конца 1861 года начала усиленно предъявлять къ обмѣну банковые билеты и требовать обратно вклады. Банки были принуждены пріостановить обмѣнъ. Одновременно съ займами значительно была расширена и повышена система налоговъ, но послѣднихъ едва хватало на покрытіе увеличившихся обыкновенныхъ расходовъ. Не видя возможности помѣщать новые займы, секретарь казначейства предложилъ обратиться къ послѣднему средству—къ выпуску бумажныхъ денегъ. Первый выпускъ бумажныхъ денегъ состоялся въ февралѣ 1862 года съ первоначальною цѣлью обмѣнять ихъ на выпущенныя прежде безпроцентныя облигаціи казначейства; однако же и послѣднія остались въ обращеніи съ присвоеніемъ имъ принудительнаго курса. Параллельно съ дальнѣйшими выпусками бумажныхъ денегъ правительство обмѣнивало предъявляемыя ему бумажныя деньги на 6% облигаціи, погашаемыя въ 20 лѣтъ. Сумма этихъ облигацій опредѣлена была въ 500 милл. долларовъ Agio въ іюлѣ 1862 г. уже дошло до 20%. Секретарь казначейства различными биржевыми операціями надѣялся препятствовать дальнѣйшему повышенію agio, но всѣ искусственныя манипуляціи только ухудшили дѣло [8]). Agio на бумажныя деньги, получившія въ народѣ, вслѣдствіе ихъ синей оборотной стороны, названіе greenback'овъ, все повышалось и въ декабрѣ 1862 года дошло до 60%. Не смотряна это, секретарь казначейства въ своемъ отчетѣ за 1861—2 годъ выступилъ горячимъ защитникомъ бумажныхъ денегъ, находя, что государственныя бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ представляютъ прогрессъ въ сравненіи съ банковыми билетами частныхъ банковъ безъ принудительнаго курса. По его мнѣнію, причина обезцѣненія бумажныхъ денегъ заключалась не въ нихъ самихъ, такъ какъ за нихъ ручался весь союзъ съ его неисчерпаемыми богатствами, а въ корысти спекулянтовъ и въ дерзости враговъ отечества. Для прекращенія повышенія agio Чезъ предложилъ строжайшія мѣры противъ спекуляціи и переименованіе банковъ Штатовъ въ національные банки, поставивъ послѣдніе подъ строгій контроль государства. Для обезпеченія широкаго сбыта государственнымъ бумажнымъ деньгамъ Чезъ предложилъ обязать банки держать возможно

низкій учетный процентъ. Такъ какъ опредѣленіе стоимости монеты и бумажныхъ денегъ вполнѣ предоставлено правительству (?!), то ему же, по мнѣнію Чеза, должно быть предоставлено назначить цѣну за пользованіе ими [9]. Предложеніе о національныхъ банкахъ было принято конгрессомъ послѣ долгихъ преній. Законъ этотъ представляетъ собственно копію Нью-Іоркской системы съ незначительными добавленіями. Для контроля за выпускомъ національныхъ банковъ и ихъ операціями былъ учрежденъ новый постъ контролера обращенія съ очень широкими полномочіями. Всѣ банковые билеты должны носить подпись контролера обращенія. Билеты національныхъ банковъ должны быть обмѣниваемы на тѣ деньги, которыя правительство признаетъ законною валютою. Всѣ выпуски этихъ банковъ ограничены суммою въ 300 милліоновъ долларовъ и распредѣлены по Штатамъ пропорціонально количеству населенія и величинѣ капитала банковъ. Вмѣстѣ съ принятіемъ законовъ о національныхъ банкахъ сдѣлано было начало къ стѣсненію спекуляціи и торговли металлами. Сдѣлки на срокъ металлами обложены высокимъ гербовымъ сборомъ и налогомъ въ 6% годовыхъ. Несмотря на это, неблагопріятныя извѣстія съ театра войны подняли agio до 99%. Секретарь казначейства опять вздумалъ вліять на биржевую спекуляцію, явившись въ апрѣлѣ 1864 года на Нью-Іоркской биржѣ продавцемъ металлическихъ обязательствъ и векселей на Лондонъ. Благодаря этой мѣрѣ изъяты были изъ обращенія 61 милліонъ гринбековъ. agio упало до 69%; но предложеніе гринбековъ продолжалось и такъ какъ казначейство не могло удержать ихъ у себя и вновь пускало въ обращеніе, то эта мѣра не имѣла никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что къ множеству факторовъ, управляющихъ измѣненіями agio, присоединился еще одинъ — боязнь вмѣшательства секретаря казначейства — и, благодаря этому новому фактору, колебанія agio приняли вполнѣ лихорадочный характеръ [10]. Измѣненія agio въ 10 и 20% въ одинъ день не составляли рѣдкости. Между тѣмъ займы, выпуски бумажныхъ денегъ и обязательствъ казначейства росли безпрестанно. Чезъ наконецъ добился принятія конгрессомъ строгихъ мѣръ противъ спекуляціи. Окончательно воспрещены были покупка и продажа металловъ на сроки или съ отступными вмѣсто пріемки, покупка и продажа иностранныхъ векселей со сдачею позже 10 дней послѣ сдѣлки, покупка, продажа и сдача монеты и слитковъ, если лица контрактующія въ дѣйствительности не владѣли ими. Воспрещено было заключеніе займовъ съ уплатою въ металлѣ, если полученная сумма не была металлическая и наоборотъ. Банки и маклера могли заключать

сдѣлки на металлъ только тогда, если покупатель и продавецъ находились въ одномъ мѣстѣ. За нарушеніе закона установлены штрафы отъ 1,000 до 10,000 долларовъ или тюремное заключеніе не меньше года, а иногда и то и другое. Жалобы на нарушеніе закона принимались отъ всѣхъ и жалобщику принадлежала половина штрафа.— И что же? Даже непосредственно послѣ объявленія законъ не произвелъ никакого вліянія на ослабленіе ажіотажа. Торговля металлами въ разныхъ видахъ концентрировалась только въ немногихъ сильныхъ рукахъ. На другой день послѣ объявленія закона agio поднялось съ 99 до 107%, затѣмъ черезъ нѣкоторое время до 130% и въ тотъ же день упало до 107% [11]). Общественное мнѣніе и пресса рѣзко осуждали законъ. Вліятельнѣйшій финансовый органъ «Merchant Magazin» назвалъ эту «мѣру закономъ, изгоняющимъ каждый долларъ изъ страны, нарушеніемъ правъ собственности». Законъ дѣйствовалъ только десять дней и былъ отмѣненъ конгрессомъ, а Чезъ оставилъ свой постъ.

Между тѣмъ военныя дѣйствія приняли хорошій оборотъ и agio, достигшее 185%, послѣ побѣдъ Шеридана упало до 86%. При этомъ число національныхъ банковъ умножилось и вмѣстѣ съ ними увеличилась сумма бумажно-денежнаго обращенія. Въ апрѣлѣ 1865 года война кончилась и биржа привѣтствовала это событіе паденіемъ agio до 44%. Во время войны находилось подъ ружьемъ слишкомъ 3,600,000 человѣкъ, изъ которыхъ 500,000 пали. Матеріальныя жертвы Сѣверныхъ Штатовъ превысили $2^1/_2$ милліарда долларовъ, потери же Южныхъ Штатовъ, общинъ и частныхъ лицъ были несравненно значительнѣе. По окончаніи войны правительство съ лихорадочною поспѣшностью приступило къ разоруженію и приведенію бюджета въ мирное состояніе. Изъ находившихся къ 1 апрѣля 1865 года подъ ружьемъ одного милліона солдатъ, къ концу мѣсяца распущено было 800,000, а къ 1866 году осталось только 50,000; расходы военнаго министерства понизились съ 516 милл. до 33 милл.; расходы морскаго министерства съ 142 милл.—до 24 милл.

Южные Штаты вели войну исключительно на бумажныя деньги. Обезцѣненіе шло тамъ быстрыми шагами. Ажіо въ 1862 году равнялось 50%, въ сентябрѣ 100%, въ декабрѣ 125%, въ февралѣ 1863 года 180%, въ апрѣлѣ 300%, въ августѣ 800%, и въ декабрѣ—1,900%. За пару башмаковъ платили 15 долларовъ, за сюртукъ 80 долларовъ; за фунтъ кофе—3.20 ц. На банковые билеты— тоже неразмѣнные — въ сравненіи съ государственными бумажными деньгами существовало ажіо въ 90, а на бумажныя деньги Сѣвер-

ныхъ Штатовъ, не смотря на запрещеніе, платили 400% ажіо. Курсъ бумажныхъ денегъ дошелъ въ январѣ 1865 года до 6,000, а когда войска Сѣверныхъ Штатовъ вступили въ Ричмондъ, на улицахъ разбрсоаны были массы бумажныхъ денегъ, не представлявшхъ уже никакой цѣнности.

На постъ секретаря казначейства по окончаніи войны былъ назначенъ бывшій контролеръ обращенія Макъ Куллохъ. На митингѣ въ штатѣ Иллинойсъ и въ своемъ годовомъ отчетѣ онъ, въ отличіе отъ своего предшественника, Чеза, заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ бумажныхъ денегъ. Бумажныя деньги, сказалъ онъ, представляютъ серьезную опасность для страны. Нельзя довѣрять благосостоянію, основанному на бумажныхъ деньгахъ. Особенно опасными М. Куллохъ считаетъ *государственныя бумажныя деньги*, такъ какъ сумма ихъ зависитъ отъ потребностей казначейства и произвола партій; тогда какъ сумма банковыхъ билетовъ, даже необмѣняемыхъ, находится въ зависимости отъ потребностей обращенія. Единственнымъ средствомъ возстановить валюту онъ считалъ сокращеніе бумажно-денежнаго обращенія. Торговыя палаты, пресса и самъ президентъ республики заявили, что они раздѣляютъ взгляды М. Куллоха о необходимости покончить съ бумажными деньгами. Президентъ Линкольнъ въ своемъ посланіи къ конгрессу сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «чтобы дать возможность нашимъ согражданамъ разумно вести свои дѣла, необходимо уменьшить сумму бумажныхъ денегъ. Пять лѣтъ тому назадъ сумма бумажныхъ денегъ не превышала 200 милл., теперь сумма банковыхъ билетовъ вмѣстѣ съ государственными бумажными деньгами превышаетъ 700 милліоновъ. Постепенное уменьшеніе этой суммы — единственное средство, могущее избавить страну отъ серьезныхъ затрудненій. Это можетъ быть исполнено совершенно незамѣтно посредствомъ консолидаціи бумажныхъ денегъ въ государственныя процентныя бумаги съ опредѣленнымъ погашеніемъ».

Намѣреніе правительства сократить сумму бумажно-денежнаго обращенія вызвало много возраженій. На самыя важныя изъ нихъ М. Куллохъ далъ слѣдующіе отвѣты. Недочетъ въ мѣновыхъ знакахъ, по его мнѣнію, будетъ уравновѣшенъ соотвѣтствующимъ паденіемъ цѣнъ товаровъ. Если владѣльцы поземельной собственности и земледѣльцы и потеряютъ отъ паденія цѣнъ, то, съ другой стороны, полученная меньшая сумма денегъ будетъ имѣть бо́льшую покупательную силу. М. Куллохъ признавалъ, что за эти нѣсколько лѣтъ объемъ операцій увеличился, но, по его мнѣнію, не настолько, чтобы оправдать

такое увеличеніе суммы бумажныхъ денегъ. Онъ также не раздѣлялъ опасенія, что сокращеніе обращенія поведетъ къ сокращенію экспорта и увеличенію импорта. Несомнѣнно, говоритъ М. Куллохъ, что ухудшеніе курса на время увеличиваетъ экспортъ и уменьшаетъ импортъ [12]), но это преимущество съ избыткомъ парализуется увеличивающимися, благодаря этому же обстоятельству, расходами казны и всего населенія. Впрочемъ, это воображаемое преимущество по мнѣнію М. Куллоха уже больше не существовало, такъ какъ ухудшеніе курса произвело наконецъ, обратное вліяніе: сильное повышеніе цѣнъ внутри страны сократило экспортъ и увеличило импортъ [13]). Хорошее вліяніе въ данномъ случаѣ только временное, тогда какъ плохое, увеличеніе расходовъ государственнаго и частнаго хозяйствъ—постоянное. И такъ М. Куллохъ настаивалъ на необходимости сокращенія. Сокращеніе должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока курсъ не достигнетъ pari, но М. Куллохъ полагалъ, что для этого придется изъять изъ обращенія сто, но ужъ никакъ не болѣе двухсотъ милліоновъ долларовъ. Несмотря на эти объясненія М. Куллоха, общественное мнѣніе продолжало не сочувствовать предложенному имъ средству. Самая распространенная газета, «Herald», находила, что секретарь не доказалъ вѣрности своихъ мнѣній. «Herald» полагалъ, что объемъ операцій настолько расширился, что необходима была вся сумма бумажныхъ денегъ. Отъ сокращенія она ожидала большія затрудненія и совѣтовала не экспериментировать съ денежнымъ обращеніемъ. Въ теченіе 10—15 лѣтъ, разсуждалъ «Herald», населеніе удвоится, обороты утроятся, сумма бумажныхъ денегъ тогда будетъ соотвѣтствовать потребностямъ и курсъ самъ собою (?!) сдѣлается pari. Въ публичной лекціи, читанной Стиллуэлемъ и изданной потомъ отдѣльной брошюрой [14]), доказывалось, что мнѣніе о зависимости цѣнности бумажныхъ денегъ отъ ихъ количества есть предразсудокъ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ, говоритъ авторъ, доказалъ противное. Ажіо падало только тогда, когда кредитъ государства поднимался вслѣдствіе одержанныхъ побѣдъ, несмотря на то, что въ тоже время сумма бумажныхъ денегъ увеличивалась.

Между приверженцами бумажныхъ денегъ въ Соединенныхъ Штатахъ первое мѣсто занимаетъ H. C. Carey. Послѣ окончанія войны онъ поспѣшилъ адресовать секретарю казначейства письмо, въ которомъ предостерегаетъ его не увлекаться окончаніемъ войны для возстановленія валюты. Высокое ажіо, изобиліе денежныхъ знаковъ, говоритъ онъ, есть гарантія противъ внѣшней конкурренціи. Онъ доказывалъ, что подъемъ промышленности есть продуктъ бумажныхъ

денегъ и что въ Америкѣ меньше денежныхъ знаковъ, чѣмъ во Франціи и въ Англіи. Чтобы доказать послѣднее, онъ прибѣгнулъ къ довольно удобному способу: онъ просто удвоилъ сумму денежнаго обращенія во Франціи и Англіи, а сумму обращенія Соединенныхъ Штатовъ уменьшилъ на половину [15]). Защитники плана М. Куллоха были немногочисленны, и между ними не было единства. Всѣ они только соглашались, что обезцѣненіе бумажныхъ денегъ имѣло мѣсто и повліяло на повышеніе цѣнъ. Они указывали, что предметы американскаго экспорта обходились въ Англіи, на металлическія деньги, дешевле чѣмъ въ Америкѣ, на бумажныя деньги. Изъ сравненія цѣнъ разныхъ товаровъ въ разные періоды оказывалось, что движеніе цѣнъ зависѣло отъ движенія ажіо [16]). Относительно вопроса объ уменьшеніи суммы бумажныхъ денегъ господствовало полное разногласіе. Конгрессъ однакожъ былъ на сторонѣ М. Куллоха и въ декабрѣ 1865 года громаднымъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ приступить къ сокращенію бумажно-денежнаго обращенія. Для этой цѣли комитетъ изысканія средствъ, состоящій при палатѣ депутатовъ, внесъ въ январѣ 1866 года предложеніе уполномочить секретаря казначейства выпускать долгосрочныя обязательства на какую угодно сумму и валюту, внутри страны или заграницей, спеціально для погашенія обязательствъ казначейства и въ особенности бумажныхъ денегъ. По мнѣнію комитета, въ теченіе одного—двухъ лѣтъ можно было изъять такимъ образомъ до 200 милліоновъ долларовъ, а остальные пятьсотъ милліоновъ настолько соотвѣтствовали бы потребностямъ страны, что курсъ самъ собою сдѣлался бы pari. Предложеніе это конгрессъ въ принципѣ принялъ, значительно, однакожъ, ограничивъ секретаря казначейства по отношенію къ суммѣ и времени.

Сокращеніе шло своимъ чередомъ въ 1867 и 1868 годахъ, но въ концѣ послѣдняго года на денежномъ рынкѣ стало чувствоваться сильное стѣсненіе въ деньгахъ. Цѣны понижались и со всѣхъ сторонъ требовали пріостановки сокращенія. За эти два года изъято было изъ обращенія 142½ милліона долларовъ. Палата принуждена была подчиниться требованію общественнаго мнѣнія и секретарь казначейства лишенъ былъ права производить дальнѣйшія сокращенія. М. Куллохъ не избѣгнулъ ошибки своего предшественника—попытки вліять на ажіо продажами металла; онъ, однако, скоро прекратилъ операціи, убѣдившись въ ихъ безполезности и опасаясь остаться безъ металлическаго резерва [17]). Итакъ, планъ сокращенія не только ни къ чему не привелъ, но въ 1870 году банки были уполномочены увеличить свои выпуски на 54 милліона, а разразившійся въ 1874 году

кризисъ привелъ къ новому выпуску бумажныхъ денегъ на 26 милл. и сумма государственныхъ бумажныхъ денегъ окончательно опредѣлена въ 382 милліона. Однако потребность въ окончательномъ регулированіи валюты ощущалась очень сильно. Проектовъ возстановленія валюты представляли десятками, и правительство остановилось на проектѣ, выработанномъ Шерманомъ. Планъ Шермана былъ очень не сложенъ. Онъ предложилъ: изъять изъ обращенія бумажныя деньги мелкихъ наименованій, обмѣнявъ ихъ на серебряную монету въ 10, 25 и 50 центовъ; чеканку серебра освободить отъ всякой платы; сумму гринбековъ низвести до 300 милліоновъ, т. е. уменьшить на 82 милл., но такимъ образомъ, чтобы вмѣсто уничтожаемыхъ 80 долларовъ гринбековъ банки выпускали 100 долларовъ своихъ билетовъ. Такимъ образомъ въ результатѣ обращеніе должно было еще увеличиться на 20 милліоновъ. Обмѣнъ на металлъ начатъ съ 1 января 1879 года, для чего секретарь казначейства долженъ озаботиться усиленіемъ металлическаго резерва, употребивъ для этого запасы казначейства, остатки бюджетовъ и спеціальные займы. Боллесъ совершенно правъ, говоря, что въ этомъ проектѣ собственно очень мало подготовительнаго къ возстановленію валюты [18]), тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ ниже, онъ все же достигъ своей цѣли. Къ проекту Шермана секретарь казначейства Бристоу присоединилъ еще съ своей стороны предложеніе отмѣнить принудительный курсъ съ 1877 года, такъ какъ принудительный курсъ, по его мнѣнію, не только искусственно препятствуетъ доступу металла въ страну, но и содѣйствуетъ его вывозу изъ страны [19] и [20]). Эта мѣра должна была вызвать спросъ на металлъ внутри страны и ввозъ его изъ-за границы, что значительно облегчило бы возстановленіе обмѣна. — Проектъ Шермана былъ принятъ конгрессомъ и приведеніе его въ исполненіе началось съ 1876 года, въ которомъ выпущено было на 22 милліона мелкой серебряной монеты для изъятія мелкихъ бумажныхъ денегъ. Въ мартѣ 1877 года секретаремъ казначейства назначенъ былъ авторъ проекта, Шерманъ. Съ мая мѣсяца начались ежемѣсячные пятимилліонные выпуски $4\frac{1}{2}\%$, а затѣмъ 4% облигацій спеціально для подкрѣпленія металлическаго фонда. Въ апрѣлѣ 1878 года секретарь поручилъ синдикату изъ нью-іорскихъ и лондонскихъ банкировъ реализацію 50-милліоннаго 4% займа. Эти займы вмѣстѣ съ излишками бюджета довели металлическій фондъ ко дню возобновленія обмѣна до $133\frac{1}{2}$ милліоновъ долларовъ. Оставалось только устроиться съ банками, владѣвшими, въ качествѣ своихъ резервовъ, 125 милл. гринбековъ, одновременное предъявленіе которыхъ къ обмѣну поставило бы казначейство въ очень затрудни-

тельное положеніе. Съ этою цѣлью казначейство вошло съ банками въ слѣдующее соглашеніе: казначейство вступило въ составъ членовъ Нью-Іоркской Разсчетной Палаты, при чемъ было постановлено, что платежи между банками и казначействомъ будутъ регулированы въ Разсчетной Палатѣ и остатки выплачиваться гринбеками или свидѣтельствами Разсчетной Палаты. Послѣ возобновленія обмѣна, по чекамъ, выставленнымъ на казначейство, должны были платить гринбеками. Это соглашеніе приняли и другія Разсчетныя Палаты. Далѣе было постановлено: 1) что банки впредь будутъ принимать металлъ, не какъ спеціальные вклады — что они до тѣхъ поръ дѣлали—а будутъ обращаться съ нимъ какъ съ обыкновенными деньгами; 2) спеціальный обмѣнъ чековъ на золото въ Разсчетной Палатѣ прекратить и 3) производить платежи въ разсчетной палатѣ между банками золотомъ и гринбеками. Послѣ объявленія этого соглашенія ажіо стало понижаться и 17 декабря 1878 года курсъ достигъ pari. Обмѣнъ начался мѣсяцемъ раньше опредѣленнаго срока. Хотя одни Нью-Іоркскіе банки могли предъявить къ обмѣну сорокъ милліоновъ долларовъ, однакожъ не было предъявлено ни одного доллара. Съ 1 января по 1 ноября 1879 г. къ уничтоженію было предъявлено 11,256,678 долларовъ, но металла взято было всего на 600 тысячъ долларовъ [21]). Возобновленіе обмѣна дало поразительный толчекъ экономической дѣятельности страны. Многіе отрасли промышленности, находившіяся въ угнетенномъ состояніи съ 1873 года, ожили, и во всѣхъ отрасляхъ торговли и промышленности замѣтно было большое оживленіе. За исключеніемъ эпохи французскихъ ассигнацій, господство бумажныхъ денегъ нигдѣ еще не сопровождалось такими экстравагантными явленіями какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Нигдѣ повышеніе цѣнъ и спекуляція не достигали такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ въ Америкѣ [22]).

Исторія государственнаго долга Соединенныхъ Штатовъ представляетъ единственный примѣръ между цивилизованными государствами. Только одному этому государству удалось остановить ужасающій ростъ государственнаго долга, подъ бременемъ котораго изнываютъ теперь почти всѣ государства Европы. Между тѣмъ финансовая политика Соединенныхъ Штатовъ за столѣтнее существованіе ихъ вовсе не носитъ характера экономности. Хищенія происходили безпримѣрныя, войны поглотили грандіозныя суммы, система налоговъ была совершенно безпорядочна, — и все же государственный долгъ не составляетъ теперь для Соединенныхъ Штатовъ никакой тягости и совсѣмъ

пересталъ бы существовать, еслибъ этому не препятствовали условія погашенія, установленныя при заключеніи займовъ. Чѣмъ же объясняется такой отрадный фактъ? Безпримѣрное экономическое развитіе страны представляетъ главную, но не единственную причину этого факта. Экономическое развитіе европейскихъ государствъ за послѣдніе 25 лѣтъ было тоже очень значительно, однако государственный долгъ отъ этого не уменьшался, а безпрестанно росъ. Блестящее состояніе американскихъ финансовъ объясняется отсутствіемъ вооруженнаго мира и принципомъ, положеннымъ въ основаніе финансовой политики Соединенныхъ Штатовъ первымъ министромъ финансовъ Гамильтономъ, принципъ, отъ котораго государственные дѣятели и парламенты Соединенныхъ Штатовъ никогда не отклонялись. Принципъ этотъ заключается въ томъ, что каждый разъ, какъ миновала надобность въ экстраординарныхъ затратахъ, Соединенные Штаты немедленно приступали къ уменьшенію государственнаго долга. Никакія жертвы не казались для этого слишкомъ тяжелыми. Для этой цѣли налоги послѣ войны долго не понижались и вводились даже спеціальные налоги; излишки бюджетовъ, экономія отъ конверсій [23]), вырученныя суммы отъ продажи государственныхъ имуществъ, спеціальныя ассигнованія—все шло на уменьшеніе долга. Такимъ образомъ были погашены долги по войнамъ: за независимость, съ Англіею, съ Мексикою и др.

По окончаніи междоусобной войны состояніе государственнаго долга было слѣдующее:

Фундированный долгъ.	1,109,568,191
Срочный.	1,503,020
Временный заемъ.	107,148,713
Долговыя обязательства.	85,093,000
5% бумажныя деньги.	33,954,230
Смѣшанно—%-ныя бумажн. деньги. .	217,024,160
2%-ныя бумажныя деньги.	830,000,000
Безпроцен. » »	433,160,569
Мелкія » »	26,344,742
Разныя долги.	2,111,000
	2,845,907,626
Наличность кассы.	88,218,055
Всего . .	2,757,689,571 доллар.

Съ 1 сентября 1865 г. М. Куллохъ приступилъ къ сокращенію долга, а около конца 1867 года онъ сообщилъ конгрессу, что временные долги, долговыя обязательства и почти всѣ 5% бумажныя

деньги уплачены, сумма смѣшанно—% бумажныхъ денегъ уменьшена на 145 мил., $7,_{3}$% бум. д. на 492 милл., обыкновенныя бум. д. на 72 милл., всего за четыре года нефундированный долгъ уменьшился на 915 милл., фундированный увеличился на 687 милл., а наличность кассы съ 88 милл. дошла до 134 милл. Съ 1871 г. началась серія конверсій. До 1875 г. всѣ 6% заемы конвертированы въ 5 и 4½%, въ 1876 въ 4%, въ 1880 г. рѣшено было конвентировать уже разъ конвертированный 6% заемъ въ 3½% срокомъ на 40 лѣтъ, но президентъ наложилъ на это рѣшеніе свое veto, не желая согласиться на такой длинный срокъ. Тогда, наложеніемъ штемпельнаго сбора, уменьшили % съ 5 на 3½. При посредствѣ банкировъ этотъ штемпелеванный заемъ постепенно былъ выкупленъ и замѣненъ 3%. Рука объ руку съ конверсіями шло прямое погашеніе долга. Такимъ образомъ, долгъ Соединенныхъ Штатовъ, равнявшійся въ 1865 году 2,757 милл. долл., къ 1 ноября 1884 г. сократился до 1,408 милл., т. е. почти на половину. Процентовъ приходилось платить ежегодно въ 1865 году 151 милл., при среднемъ размѣрѣ % $6,_{34}$, въ 1884 г. ежегодный платежъ процентовъ равнялся 47,323 т. и средній размѣръ % $3,_{92}$. Въ 1887 году ежегодный платежъ % составлялъ уже только 39 милл., и весь долгъ состоялъ изъ 250 милл. 4½% срочн. въ 1891 г. изъ 733 милл. 4% срочн. 1907 г. Отчетъ за 1884 г. М. Куллохъ заключилъ слѣдующими словами: «Способъ управленія государственнымъ долгомъ Соединенныхъ Штатовъ послужилъ примѣромъ для всего міра. Ничто такъ не удивило государственныхъ людей Европы, какъ тотъ фактъ, что непосредственно послѣ окончанія одной изъ самыхъ разорительныхъ войнъ, какія когда либо бывали, Соединенные Штаты приступили къ уменьшенію своего долга и продолжали это дѣло при всѣхъ обстоятельствахъ, пока не уменьшили его на половину. Въ теченіе 19 лѣтъ долгъ, тяжесть котораго казалась всѣмъ страшной и непреодолимой, сталъ сравнительно незначительнымъ и нечувствительнымъ. Правда, что все это достигнуто тяжелыми налогами, но также вѣрно, что эти налоги не останавливали предпріимчивости и не тормозили развитія страны» [24]).

Американская обрабатывающая промышленность обязана была своими первыми успѣхами въ 1808—1815 очень строгой покровительственной системѣ, войнѣ съ Англіей и тяготѣвшей надъ послѣдней континентальной системѣ. Однако же, вслѣдствіе устраненія конкурренціи, цѣны сильно поднялись, и какъ только заключенъ былъ миръ съ Англіею, то никакое покровительство больше не помогало: импортъ принялъ громадные размѣры, цѣны падали съ ужасающею быстротою

и причинили массу разореній [25]). «Покровительствуемые» возроптали и требовали дальнѣйшаго повышенія пошлинъ. Общественное мнѣніе и пресса не сочувствовали этимъ требованіямъ и обвиняли депутатовъ конгресса въ преслѣдованіи ихъ личныхъ интересовъ въ ущербъ интересамъ націи. У одного изъ писателей того времени мы находимъ слѣдующій упрекъ по адресу фабрикантовъ, не потерявшій своего значенія и въ наше время. «Наживайте на вашихъ товарахъ, говоритъ авторъ, но пусть эти товары будутъ хорошаго качества, тогда только вы можете требовать къ себѣ предпочтеніе противъ иностранцевъ. Если же, несмотря на стоимость перевозки и пошлины, вы не удовлетворяете этому условію и не можете бороться съ иностранной конкурренціею, то вы должны бросить дѣло. Если вы заслуживаете поощренія, то для васъ пошлины могутъ быть сохранены на нѣкоторое время и послѣ войны, но этихъ пошлинъ ни въ какомъ случаѣ нельзя требовать отъ народа только для того, чтобы вы отъ нихъ наживались» [26]). Протекціонисты однако побѣдили. Новый тарифъ былъ почти запретительный и все же импортъ все увеличивался и англійскіе товары продавались по баснословно дешевымъ цѣнамъ. Дѣло въ томъ, что *рѣдкость и дороговизна капиталовъ и отсутствіе опытности у фабрикантовъ дѣлали конкурренцію съ Англіей невозможной*.

Второй важнѣйшій періодъ въ таможенной политикѣ Соединенныхъ Штатовъ совпадаетъ съ періодомъ междоусобной войны. До междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ не было почти никакихъ внутреннихъ налоговъ и расходы покрывались, главнымъ образомъ, таможенными пошлинами, акцизомъ на крѣпкіе напитки, продажей земель и займами. Для войны этого оказалось недостаточнымъ и пришлось прибѣгнуть къ системѣ внутреннихъ налоговъ, введенной въ 1862 г. Кромѣ земли и ея произведеній все было обложено. Въ видахъ скорѣйшаго погашенія государственнаго долга, Соединенные Штаты послѣ войны не спѣшили уменьшать налоги. Сначала снятъ былъ лишь добавочный налогъ съ мануфактурныхъ предпріятій, затѣмъ изъяты были изъ подоходнаго налога доходы до 1,000 долл., а въ 1874 г. и весь налогъ уничтоженъ. Постепенно отмѣнены были и другіе налоги: на капиталы, на грузы, уголь, сахаръ, керосинъ, сырецъ и проч. За время ихъ существованія налоги эти ложились тяжелымъ бременемъ на промышленность, и облегчали конкурренцію иностранцамъ. И вотъ, отчасти для покровительства промышленности, а главнымъ образомъ, для цѣлей бюджетныхъ, таможенный тарифъ былъ за это время повышенъ нѣсколько разъ. Кромѣ повышенной пошлины сильное влія-

ніе на развитіе промышленности оказало обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, и въ особенности громадные заказы правительства для войны. Въ промышленныя предпріятія были помѣщены грандіозныя суммы. Послѣ окончанія войны, прекращеніе правительственныхъ заказовъ, улучшеніе курса и увеличившійся импортъ вызвали кризисъ въ промышленности, и таможенныя пошлины, вслѣдствіе агитаціи фабрикантовъ, опять были значительно увеличены въ 1867 г. Когда внутренніе налоги постепенно были сокращены, ожидали соотвѣтствующаго пониженія таможенныхъ пошлинъ, но надежды не оправдались. Каждую сессію вносились законопроекты въ этомъ духѣ, но большинство, сената и палаты были заинтересованы въ покровительственной системѣ. Въ годичномъ отчетѣ инспектора доходовъ Давида А. Уельса мы находимъ слѣдующій отзывъ о дѣйствовавшей покровительственной системѣ. Благоденствіе страны, говоритъ Уельсъ, только кажущееся и распредѣлено оно крайне неравномѣрно. Произведя въ теченіе четырехъ лѣтъ очень тщательныя наблюденія, онъ констатируетъ, что въ *то время какъ богатые дѣлались богаче, бѣдные дѣлались бѣднѣе* [27]). Въ подтвержденіе своихъ словъ Уельсъ привелъ слѣдующія данныя: въ 1861 году въ одномъ домѣ жило меньше людей, чѣмъ въ 1868 г.; среднее домашнее потребленіе шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ произведеній, обуви и угля уменьшилось; заработная плата хотя и увеличилась, но далеко не въ той пропорціи, какъ повысились цѣны. Въ то же время обороты изумительно увеличились и у единичныхъ личностей богатства росли съ неимовѣрной быстротой. Какъ на причины такого положенія вещей Уельсъ указываетъ на налоги, таможенныя пошлины и бумажныя деньги. Боллесъ не соглашается съ мнѣніями Уельса, и вотъ его возраженія [28]). Большія состоянія, говоритъ Боллесъ, составляли, кромѣ фабрикантовъ, спекулянты и люди случая.—Боллесъ при этомъ упускаетъ изъ вида, что именно бумажныя деньги и покровительственная система въ значительной степени помогаютъ наживаться подобнымъ людямъ въ ущербъ громадному большинству населенія. — Если, говоритъ Боллесъ, протекціонизмъ и повысилъ цѣны вначалѣ, то онъ же до такой степени увеличилъ конкурренцію, что цѣны, наконецъ, сильно понизились. Можно возразить, продолжаетъ онъ, что эти быстрые переходы отъ высокихъ цѣнъ къ низкимъ сами по себѣ вредны, *но то же самое происходило въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, не пользовавшихся покровительствомъ*... Что касается того, что фабриканты сильно наживались благодаря искусственно-высокимъ цѣнамъ, то съ другой стороны эти же *фабриканты отдали большую часть своей наживы*

во время кризисовъ. Не слѣдуетъ же навсегда отрѣшиться отъ мысли обзавестись собственною промышленностью, а безъ покровительства это едва ли возможно. Что покровительство было умѣстно въ Соединенныхъ Штатахъ, доказываетъ умноженіе фабрикъ и паденіе цѣнъ. Говорятъ, что пониженіе цѣнъ происходитъ благодаря новымъ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ; но, говоритъ Боллесъ, именно протекціонизмъ поощряетъ изобрѣтательность и предпріимчивость [29]). Возраженія Боллеса, что переходъ отъ высокихъ цѣнъ къ низкимъ бывали также въ отрасляхъ непротежируемыхъ, и что если протежируемые фабриканты и нажили состоянія, то они же и теряли ихъ во время кризисовъ, говорятъ не за, а противъ протекціонизма. Если пониженіе цѣнъ можетъ быть достигнуто и безъ протекціонизма, то зачѣмъ прибѣгать къ нему и создавать сначала искусственно высокія цѣны! Если протежируемые фабриканты потеряли свои нажитыя при помощи покровительства состоянія, то значитъ, и имъ протекціонизмъ не пошелъ въ прокъ! Что касается утвержденія Боллеса, будто протекціонизмъ поощряетъ изобрѣтательность, то съ этимъ едва ли кто нибудь согласится... Не подлежитъ сомнѣнію, что свобода конкурренціи въ данномъ случаѣ оказывается самымъ сильнымъ двигателемъ. При этомъ достаточно указать на примѣръ Англіи. Впрочемъ, въ концѣ концовъ Боллесъ сознается, что заинтересованные въ покровительствѣ злоупотребляли своимъ могуществомъ и что если бы конгрессъ руководствовался только общественнымъ благомъ, то существующій таможенный тарифъ былъ бы совсѣмъ другой.

До 1882 года агитація фритредеровъ ни къ чему не привела. Въ 1872 году тарифъ былъ пониженъ на 10%, но въ 1875 году онъ, въ интересахъ бюджета, былъ опять повышенъ. Наконецъ, въ 1882 г. правительство, находя неудобнымъ игнорировать интересы фритредеровъ, назначило спеціальную тарифную коммиссію для пересмотра таможеннаго тарифа. Составъ этой коммиссіи былъ очень благопріятенъ для протекціонистовъ, тѣмъ не менѣе результатъ получился для послѣднихъ совсѣмъ неожиданный. Коммиссія, собравъ очень обширный матеріалъ и выслушавъ мнѣнія множества компетентныхъ лицъ pro и contra, пришла, къ тому заключенію, что тарифъ долженъ быть значительно пониженъ. Этого, говорится въ докладѣ, требуетъ не только чувство справедливости по отношенію къ потребителямъ, но и интересы промышленности. Если въ первое время промышленность и будетъ находиться въ затруднительномъ положеніи, то въ послѣдствіи ослабленіе протекціонизма должно будетъ оказать на нее благотворное вліяніе. Коммиссія рѣшила, что въ будущемъ никакія по-

кровительственныя пошлины не должны быть допускаемы, развѣ только для новыхъ отраслей промышленности, и то въ такой только степени, *чтобы сравнить разницу въ условіяхъ капитала и труда съ страной-соперницей, но не больше; иначе въ результатѣ достигается только отвлеченіе капиталовъ отъ солидныхъ предпріятій и поощряются аферисты и охотники до легкой наживы, что въ концѣ концовъ ведетъ къ разоренію предпринимателей и рабочихъ.* Послѣднее сплошь и рядомъ имѣло мѣсто во время войны при двойномъ покровительствѣ тарифа и ажіо. Высокія пошлины, говорится въ докладѣ, ставятъ промышленность въ неизвѣстное положеніе относительно истинныхъ размѣровъ, которыхъ должна держаться эта промышленность. Вмѣстѣ съ промышленностью вводится въ заблужденіе и торговля. Минованіе исключительныхъ условій войны, достаточно долгое пользованіе покровительствомъ, открытія и усовершенствованія послѣднихъ двадцати лѣтъ—все это, по мнѣнію коммиссіи, должно было бы дать возможность промышленности Соединенныхъ Штатовъ выдерживать конкурренцію съ иностранцами и при значительномъ пониженіи тарифа.

Предложенія коммиссіи были большею частью приняты. Изъ 631 предмета, помѣщенныхъ въ докладѣ коммиссіи, 524 были приняты безъ измѣненій.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ фактахъ изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Пагубное вліяніе бумажно-денежнаго хозяйства на экономическую жизнь страны и на государственный кредитъ теперь уже не оспаривается ни однимъ серьезнымъ экономистомъ. Далеко не такое единство господствуетъ въ экономической наукѣ относительно различныхъ детальныхъ вопросовъ бумажно-денежнаго обращенія. Здѣсь мы находимъ полное разногласіе. Одни, напримѣръ, отстаиваютъ безусловную необходимость примѣненія принудительнаго курса къ бумажнымъ деньгамъ до самаго момента возобновленія обмѣна, другіе находятъ необходимымъ отмѣнить принудительный курсъ бумажныхъ денегъ задолго до возстановленія обмѣна. Одни находятъ одновременное обращеніе обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ съ металлическими опаснымъ для народнаго хозяйства, другіе находятъ это крайне желательнымъ; одни отдаютъ предпочтеніе государственнымъ бумажнымъ деньгамъ, другіе—банковымъ; наконецъ, часть экономистовъ объясняетъ варіаціи ажіо бумажныхъ денегъ главнымъ образомъ *количествомъ* вы-

пущенныхъ бумажныхъ денегъ, приписывая другому фактору, *довѣрію*, второстепенное значеніе, и предлагая, поэтому, какъ главный способъ возстановленія валюты, сокращеніе количества бумажныхъ денегъ; другіе экономисты, не отрицая значенія количества бумажныхъ денегъ въ процессѣ ихъ обезцѣненія признаютъ, однако же, главнымъ факторомъ, управляющимъ движеніемъ ажіо, *довѣріе* и находятъ, поэтому, способъ сокращенія недѣйствительнымъ, а иногда, если бумажно-денежное хозяйство господствуетъ долгое время, и потребность въ мѣновыхъ знакахъ успѣла увеличиться — даже опаснымъ. Средства для возстановленія валюты, предлагаемыя этими экономистами, разсчитаны именно на укрѣпленіе довѣрія къ бумажнымъ деньгамъ. Таковыми они считаютъ: полное выдѣленіе эмиссіонной операціи изъ вѣдѣнія государственнаго финансоваго управленія, организацію эмиссіонной операціи на чисто банковскихъ принципахъ, не исключающихъ, однако, достаточнаго правительственнаго контроля, и постепенное увеличеніе металлическаго фонда до размѣровъ, дѣлающихъ возможнымъ возстановленіе обмѣна. Нечего распространяться, что установленіе того или другаго взгляда на всѣ эти вопросы крайне необходимо для успѣшнаго проведенія трудной операціи возстановленія валюты. Пока эти вопросы оставались въ области теоріи, трудно было болѣе или менѣе увѣренно остановиться на томъ или другомъ рѣшеніи; но въ послѣднія двадцать пять лѣтъ бумажно-денежное обращеніе Европы и Америки доставило намъ нѣсколько блестящихъ примѣровъ практическаго рѣшенія вопроса возстановленія валюты, и эти-то примѣры, по нашему мнѣнію, имѣютъ рѣшающее значеніе въ интересующихъ насъ вопросахъ. Въ нашихъ статьяхъ о бумажныхъ деньгахъ въ Италіи и Австріи мы показали, какіе взгляды оправдались тамъ на практикѣ. Обратимся теперь къ Соединеннымъ Штатамъ.

Заканчивая свой капитальный трудъ о финансахъ Соединенныхъ Штатовъ 1867 годомъ, когда уже шла рѣчь о возстановленіи валюты, фонъ-Гокъ высказываетъ слѣдующее о роли принудительнаго курса: «Wir nehmen übrigens an, dass zu jener Zeit der gesetzliche Zwangscours des Papiers aufgehört hat, denn dieser, der Gold für den inneren Verkehr so leicht entbehrlich macht, *würde für sich allein hinreichen, gleich dem Fasse der Danaiden, was von oben eingegossen wird, von unten wieder ausfliessen zu machen*» [30]). Гокъ констатируетъ фактъ, что до 1862 года, несмотря на пріостановленіе обмѣна банками, металлъ продолжалъ притекать въ страну и ажіо было сравнительно невысоко. Только когда былъ объявленъ принудительный курсъ, металлъ сталъ быстро исчезать и ажіо сильно повышаться. Въ 1814 г.

Соединенные Штаты избѣжали опасности разстройства валюты вслѣдствіе прекращенія обмѣна банками только потому, что металлъ остался въ обращеніи на одинаковыхъ основаніяхъ съ бумажными деньгами, (стр. 4). Что касается преимуществъ неразмѣнныхъ банковыхъ би летовъ передъ неразмѣнными государственными бумажными деньгами то въ этомъ отношеніи замѣчательно мнѣніе, высказанное министромъ финансовъ Соединенныхъ Штатовъ, Макъ-Куллохомъ (стр. 9). Самыми опасными бумажными деньгами онъ призналъ государственныя, такъ какъ сумма ихъ зависитъ не отъ потребностей *обращенія*, а отъ потребностей *казначейства*. Краснорѣчивый примѣръ представили также Южные Штаты, гдѣ на неразмѣнные *банковые* билеты платили ажіо въ 90% въ сравненіи съ неразмѣнными *государственными* бумажными деньгами.

Банковое законодательство Соединенныхъ Штатовъ представляетъ примѣры трехъ родовъ: примѣры полной свободы эмиссіонной операціи, примѣры главнаго эмиссіоннаго банка съ умѣреннымъ государственнымъ контролемъ и примѣры множества эмиссіонныхъ банковъ съ сильнымъ государственнымъ контролемъ. Вполнѣ удовлетворительно дѣйствовала только система главнаго эмиссіоннаго банка съ государственнымъ контролемъ, выразившемся въ заинтересованности казны въ дѣлахъ банка и въ участіи въ его управленіи. Очень естественно, что при экстравагантномъ характерѣ экономической дѣятельности Соединенныхъ Штатовъ опасная и безъ того система полной свободы эмиссіонной операціи неоднократно приводила къ прекращенію обмѣна и даже банкротству банковъ; но немного лучше и господствующая теперь система національныхъ банковъ. Обезпеченіе банковыхъ билетовъ государственными бумагами гарантируетъ, конечно, владѣльцевъ этихъ билетовъ отъ полнаго обезцѣненія послѣднихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это-то и лишаетъ эти банковые билеты самыхъ основныхъ, существенныхъ качествъ хорошихъ банковыхъ билетовъ. Существенныя качества банковыхъ билетовъ должны состоять въ слѣдующемъ: они не должны имѣть ничего общаго съ состояніемъ государственнаго кредита и обладать способностью расширяться и сокращаться сообразно съ потребностями экономической дѣятельности страны. Эти качества дѣлаютъ банковый билетъ лучшимъ денежнымъ суррогатомъ, но этихъ, именно, качествъ не можетъ быть у банковыхъ билетовъ американскихъ національныхъ банковъ. Обезпеченіе государственными фондами ставитъ цѣнность этихъ билетовъ въ полную зависимость отъ степени довѣрія къ этимъ фондамъ. Въ то время, когда всего важнѣе, чтобы въ полной обезпеченности банковыхъ би-

летовъ не было никакого сомнѣнія, во время политическихъ пертурбацій—не говоримъ уже о войнѣ—тогда именно цѣнность обезпеченія будетъ подвергаться самымъ сильнымъ колебаніямъ. Вообще это обезпеченіе можетъ въ критическихъ моментахъ оказаться одинаково опаснымъ какъ для банковыхъ билетовъ, такъ и для государственнаго кредита. Неисправность банковъ въ обмѣнѣ билетовъ влечетъ за собою по уставу продажу покрытія для удовлетворенія владѣльцевъ этихъ банковыхъ билетовъ. Можно себѣ представить, какъ должны будутъ страдать интересы этихъ владѣльцевъ, когда на рынкѣ въ такой и безъ того неблагопріятный моментъ брошены будутъ десятки милліоновъ государственныхъ бумагъ! Такъ какъ подобныя событія обыкновенно случаются въ политически тревожныя времена, когда государству приходится прибѣгать къ помощи денежнаго рынка, то правительство найдетъ уже свой кредитъ значительно подорваннымъ сильнымъ предложеніемъ его фондовъ, обезпечивающихъ выпуски банковъ. Что касается эластичности подобнаго денежнаго обращенія, то подобное обезпеченіе не отвѣчаетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ. Эластичность обращенія банковыхъ билетовъ почти совершенна, если покрытіемъ ихъ служатъ главнымъ образомъ хорошіе краткосрочные векселя, при достаточномъ размѣнномъ фондѣ; размѣръ послѣдняго всего лучше опредѣляется опытомъ. Приливъ и отливъ векселей служитъ вѣрнѣйшимъ регуляторомъ сокращенія и расширенія обращенія банковыхъ билетовъ; въ тоже время состояніе металлическаго резерва служитъ указателемъ для политики учетнаго процента, въ свою очередь регулирующаго движеніе векселей. Но какое значеніе можетъ имѣть покрытіе фондами, какъ регуляторъ выпусковъ банковыхъ билетовъ? Въ смыслѣ приноровленія этихъ выпусковъ къ потребностямъ экономической дѣятельности страны — никакого. Кромѣ того, несмотря на обширныя полномочія, предоставленныя контролеру обращенія (Comptroller of the Currency), можно усомниться въ возможности удовлетворительнаго контроля надъ 2909 [31]) эмиссіонными банками. Также трудно предположить, чтобы для такого количества *эмиссіонныхъ* банковъ нашлось достаточно людей, вполнѣ способныхъ управлять ими.

Ученіе о *полной* зависимости ажіо отъ количества бумажныхъ денегъ (Quantitätstheorie) не нашло себѣ подтвержденія въ Соединенныхъ Штатахъ, точно такъ какъ не подтвердилось оно въ Италіи и Австріи. Вотъ таблица, показывающая суммы государственныхъ и банковыхъ бумажныхъ денегъ и движеніе ажіо съ 1865 по 1878 годъ.

Годъ.	Сумма бум. денегъ.	Курсъ въ бум. долл. за металл.
1865	635 милл.	$233^3/_4$
1866	688 »	$167^3/_4$
1867	707 »	$145^5/_8$
1868	687 »	150
1869	690 »	$162^1/_2$
1870	695 »	$123^1/_2$
1871	702 »	$115^3/_8$
1872	726 »	$115^5/_8$
1873	748 »	$119^1/_8$
1874	777 »	$114^3/_8$
1875	782 »	$117^5/_8$
1876	762 »	115
1877	714 »	107
1878	689 »	107

При *увеличеніи* суммы бумажныхъ денегъ между 1865 и 1866 годами ажіо *упало* на 67%, при дальнѣйшемъ *увеличеніи* въ слѣдующемъ году ажіо опять *упало* на 12%. Затѣмъ въ 1868 году произошло *уменьшеніе* на 20 милл. и ажіо *повысилось* на 5%. Съ 1869 года ажіо понижается и еще до возстановленія обмѣна доходитъ до pari, несмотря на то, что сумма бумажныхъ денегъ въ общемъ не уменьшается, а по временамъ—въ 1874 и 1875 годахъ—даже значительно увеличивается. Дѣло въ томъ, что тогда уже не подлежало сомнѣнію, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ обмѣнъ будетъ возстановленъ. Самый талантливый министръ финансовъ Соединенныхъ Штатовъ, Макъ Куллохъ, былъ ревностный приверженецъ «количественной теоріи» и, благодаря своему вліянію, провелъ операцію значительнаго сокращенія суммы бумажныхъ денегъ. Что же оказалось? Чтобы довести курсъ бумажныхъ денегъ до pari, достаточно было, по его мнѣнію, *даже безъ возстановленія обмѣна*, сократить сумму максимумъ на 200 милліоновъ государственныхъ бумажныхъ денегъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ было изъято около 150 милліоновъ, и ажіо не только не понизилось, но даже нѣсколько повысилось. Можетъ быть, однако, слѣдовало продолжать сокращеніе, такъ какъ сумма мѣновыхъ знаковъ все еще превышала потребности страны? Факты доказываютъ противное. Благодаря изъятію 150 милліоновъ, денежный рынокъ очутился въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что разразившійся торгово-промышленный кризисъ потребовалъ не только прекращенія изъятій, но доже новыхъ выпусковъ спеціально для помощи денежному рынку. Самое возстановленіе обмѣна превосходно прошло не только безъ сокращенія, но даже съ увели-

личеніемъ на 20 милліоновъ. Трудно, конечно, сказать, насколько развивавшаяся экономическая дѣятельность Соединенныхъ Штатовъ соотвѣтствовала той или другой суммѣ мѣновыхъ знаковъ, но мы можемъ доказать примѣрами бумажно-денежнаго обращенія другихъ странъ, какъ въ двухъ періодахъ, почти совершенно схожихъ по состоянію народнаго хозяйства, организаціи кредита, количеству народонаселенія и пространству территоріи, сумма мѣновыхъ знаковъ, потребныхъ для страны, выражалась совершенно различными цифрами. Съ другой стороны, мы можемъ привести примѣръ, какъ при несомнѣнномъ очень значительномъ прогрессѣ во всѣхъ отрасляхъ экономической жизни страны курсъ, бумажныхъ денегъ ухудшился при значительномъ уменьшеніи суммы мѣновыхъ знаковъ. Первый примѣръ принадлежитъ исторіи бумажно-денежнаго обращенія въ Австріи и позаимствованъ изъ статьи А. Вагнера «Zur Geschichte und Kritik der österreichischen Bancozettelperiode» [32]). Періоды 1801—1809 и 1810—1818 были почти совершенно схожи между собою во всѣхъ отношеніяхъ, вліяющихъ на потребность въ мѣновыхъ знакахъ. Въ 1811 году Австрія совершила девальвацію, обмѣнивъ 1,060 милліоновъ бумажныхъ денегъ на 212 милл. новыхъ бумажныхъ денегъ. Пропорція одной пятой была принята не случайно, а покоилась на принципахъ Quantitätstheorie. «Статистики того времени доказали, что въ періодъ 1801—1809 годовъ Австрія довольствовалась обращеніемъ въ 250 милліоновъ гульденовъ, слѣдовательно, на основаніи суммовой теоріи, курсъ новыхъ бумажныхъ денегъ даже безъ обмѣна на металлъ долженъ былъ стоять pari при суммѣ въ 250, не говоря уже о 212 милл. Слѣдующая таблица покажетъ, насколько результаты оправдали теорію.

	Средн. сумма б. д.	Средн. курсъ въ году.	Слѣдоват. сумма pari въ обращеніи.
1810	862 милл.	413	208 милл.
1811	212[2] »	232	91 »
1812	212[2] »	215	98 »
1813	233 »	153	152 »
1814	376 »	214	175 »
1815	533 »	333	160 »
1816	641 »	333	192 »
1817	583 »	339	172 »
1818	513 »	265	193 »

Слѣдовательно, еще въ 1810 году потребность въ мѣновыхъ знакахъ равнялась 208 милл., въ 1811 году она уже упала до 91 милл. и въ 1816 году поднялась до 192 милл. Необмѣняемыя деньги, го-

воритъ по этому поводу А. Вагнеръ [33]), *никогда*, въ какомъ бы количествѣ онѣ ни были, не представятъ гарантій для здороваго денежнаго обращенія.

Еще краснорѣчивѣе примѣръ изъ бумажно-денежнаго обращенія Россіи. Въ 1879 году въ обращеніи находилось 1,154 милліона бумажныхъ денегъ. Средній курсъ рубля на Лондонъ былъ $24\frac{1}{4}$ пенса [34]). Въ 1888 году въ обращеніи находилось около 980 милліоновъ, а курсъ на Лондонъ былъ $22\frac{1}{4}$, слѣдовательно при *уменьшеніи* суммы бумажныхъ денегъ на 170 милліоновъ курсъ все же *ухудшился* на 8%. Даже ухудшеніе нашего курса около 40% съ 1861 года до 1888 года (34 и $22\frac{1}{4}$) едва ли возможно оправдать увеличеніемъ суммы бумажныхъ денегъ на 267 милліоновъ, если примемъ во вниманіе колоссальные факторы, радикально измѣнившіе экономическую дѣятельность страны. Освобожденіе многихъ милліоновъ крестьянъ, грандіозные успѣхи внутренней и внѣшней торговли и промышленности, обширная сѣть желѣзныхъ дорогъ, увеличеніе государственнаго бюджета слишкомъ на 100% (1862—416 милл., 1887—881 милл.)— все это съ избыткомъ оправдываетъ увеличеніе въ суммѣ мѣновыхъ знаковъ на 35%, когда почти за то же время сумма мѣновыхъ знаковъ главныхъ европейскихъ государствъ, не принимая во вниманіе развитіе операціи разсчетныхъ палатъ (Clearing-House) Giro-Conto, чековъ, увеличилась:

Въ Англіи . . .	съ 1851	до 1886	г.	почти	на	100%
» Франціи . .	» 1850	» 1886	»	»	»	500%
» Италіи . . .	» 1861	» 1886	»	»	»	1300%
» Пруссіи. . .	» 1851	» 1886	»	»	»	1500% [35]).

Въ несравненно болѣе короткій періодъ времени, между 1853 и 1856 годами, сумма мѣновыхъ знаковъ *увеличилась* въ Россіи почти на 200 милліоновъ (509 и 311), а нашъ курсъ отъ этого почти не измѣнился ($38\frac{1}{4}$ и $38\frac{1}{2}$).

Приведенные нами примѣры во всякомъ случаѣ доказываютъ, что не всегда возможно бороться съ обезцѣненіемъ бумажныхъ денегъ *только* изъятіемъ части ихъ изъ обращенія.

---

1) Francis A. Walker, Money, p. 310.

2) William G. Sumner, A History of American currency, p. 34.

3) Въ Филадельфіи парикмахеры оклеивали ими свои лавки, шутники пускали по улицѣ собакъ, облѣпленныхъ бумажными деньгами. W. G. Sumner, 46.

4) W. G. Sumner, p. 45.

5) Albert S. Bolles. Financial History of the United States of America, I pp. 144—6 и 169.

[6]) Albert S. Bolles, I, 265—6.

[7]) V. Hock: Die Finanzen und die Finanzgeschichte der Vereinigten Staaten, p. 425.

[8]) V. Hock, p. 451.

[9]) V. Hock, p. 457.

[10]) V. Hock, 472—3.

[11]) V. Hock, 480.

[12]) Фаухеръ называетъ усиленный экспортъ, вызываемый господствомъ бумажныхъ денегъ: «Export barbarischer Völker, Handel des Elends». Vierteljahrschrift: 1868, IV, 167.

[13]) Bolles, III, p. 269.

[14]) National finances, a philosophical examination of credit, New-York, 1866.

[15]) V. Hock, p. 566.

[16]) Merch. Magazin, 1863, p. 129.

[17]) Report of the Secret of the Treasury from 19/6, 1866.

[18]) Bolles, p. 292, III.

[19]) Bolles, p. 293.

[20]) См. нашу статью «Бумажныя деньги въ Австріи», Юридич. Вѣстн., 1888, февраль.

[21]) Bolles, III, 301.

[22]) Приводимъ краткія данныя по вопросу о биметаллизмѣ въ С. Штатахъ. Закономъ 12 февраля 1873 года С. Штаты демонетизировали серебряный долларъ и перешли къ золотой валютѣ. Однакожъ проискамъ «серебряныхъ королей» удалось провести 28 февраля 1878 года законъ, извѣстный подъ названіемъ «Bland Bill'a», по которому С. Штаты обязаны чеканить ежемѣсячно не меньше двухъ и не больше четырехъ милліоновъ серебряныхъ долларовъ съ отношеніемъ 1 : 15, 988. Обращеніе крайне тяготится серебряными долларами и навязываетъ ихъ казначейству, которое и владѣетъ 170 милл. изъ 260 милл. всѣхъ чеканенныхъ серебряныхъ долларовъ.

[23]) «Il ne suflit pas de réduire l'intéret, il faut que le bénéfice de la réduction forme un fonds d'amortissement pour payer chaque année une partie des capitaux: opération d'autant plus heureuse que le succés en augmente tous les jours». Montesquieu, De l'esprit des lois, II, livre 22, p. 70.

[24]) Bolles III, 339.

[25]) V. Hock. p, 417.

[26]) «Register» p. 217, Ailes.

[27]) Bolles, III, 453.

[28]) Bolles, III, 456.

[29]) Bolles, III, 466—7.

[30]) V. Hock, p. 626.

[31]) Въ 1887 году.

[32]) Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1863, p. 467.

[33]) Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, 1863, p. 475.

[34]) Les finances de l'Empire de Russie, par P. H. de Clercq, таблица III.

[35]) A Soetbeer, Materialien zur Erläuterung und Beurtheilung der wirthschaftlichen Edelmetallverhältnisse und der Währungsfrage, 1886, отдѣлъ V.

Е. Эпштейнъ.

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

Положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и измѣненія, внесенныя имъ въ уставъ гражданскаго судопроизводства.

Статья вторая *).

I.

Основанія и формы исполнительнаго процесса, дѣйствовавшаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ до судебной реформы, несомнѣнно, должны были во многомъ отличаться отъ таковаго же процесса по уставу гражданскаго судопроизводства, какъ вслѣдствіе различія тѣхъ началъ, которыя лежали въ основѣ гражданскаго процесса по мѣстному процессуальному праву и по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года, такъ и въ виду особенностей мѣстнаго матеріальнаго права, оказывавшаго громадное вліяніе на разрѣшеніе многихъ вопросовъ процессуальнаго права. Не касаясь здѣсь общихъ основаній дѣйствовавшаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ мѣстнаго исполнительнаго процесса, такъ какъ за распространеніемъ на Прибалтійскій край дѣйствія устава гражданскаго судопроизводства, построеннаго на совершенно иныхъ основаніяхъ, должны были они потерять все практическое ихъ значеніе, остановимся здѣсь на способахъ исполненія рѣшеній и способахъ взысканія по мѣстному исполнительному процессу, потому что при разрѣшеніи этихъ вопросовъ при введеніи судебной реформы, какъ во многихъ случаяхъ, тѣсно соприкасающихся съ матеріально-правовыми опредѣленіями мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, необходимо было сообразоваться и съ дѣйствовавшими тамъ правилами мѣстнаго исполнительнаго процесса. Способами исполненія рѣшеній по мѣстному процессуальному праву, какъ извѣстно служили: 1) отобраніе и продажа

---

*) См. Юрид. Вѣстн. 1890 г., № 3.

съ публичнаго торга движимаго имущества (Auction); 2) вводъ во временное пользованіе недвижимымъ имѣніемъ для погашенія долга (Immission); 3) продажа съ публичнаго торга недвижимаго имѣнія (Subhastation); 4) вычетъ изъ жалованья, пенсіи и арендъ и 5) обращеніе взысканія на долговыя требованія должника. Всѣ эти способы исполненія рѣшенія, за исключеніемъ втораго, не представляютъ ничего особеннаго и одинаково присущи и нашему уставу гражданскаго судопроизводства, и только организація втораго способа исполненія рѣшеній представляетъ особенности, на которыхъ мы здѣсь и остановимся. Сущность этого способа заключается въ томъ, что кредиторъ относительно земскихъ имѣній пользуется правомъ просить о вводѣ его во временное пользованіе недвижимымъ имѣніемъ на срочный годъ, то есть—на годъ и шесть недѣль для погашенія присужденной ему суммы долга, причемъ владѣніе и управленіе такимъ имѣніемъ остается попрежнему въ рукахъ должника, а въ рукахъ кредитора сосредоточивается пользованіе доходами его. Въ теченіе срочнаго года должникъ можетъ выплатить долгъ, а иначе имѣніе можетъ быть назначено въ публичную продажу. Хотя этотъ способъ исполненія рѣшенія и ведетъ къ отсрочкѣ дѣйствительнаго взысканія долга, вслѣдствіе чего онъ въ практикѣ судебныхъ мѣстъ Прибалтійскаго края часто обходился сторонами, но тѣмъ не менѣе, когда составлялся проектъ IV части свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ «о тяжебномъ судопроизводствѣ», то и этотъ способъ исполненія рѣшеній былъ введенъ въ законы о судопроизводствѣ рядомъ со всѣми остальными способами исполненія рѣшеній [1]).

Нельзя сказать, чтобы и нашему общему процессуальному праву вовсе не былъ извѣстенъ этотъ способъ исполненія рѣшеній, но только онъ получилъ тамъ совершенно иную организацію; такъ какъ продажа недвижимаго имѣнія за долги почти всегда соединена съ разореніемъ должника и съ невыгодными послѣдствіями для самой недвижимости, то въ исторіи замѣчаемъ цѣлый рядъ мѣръ, служащихъ къ предупрежденію подобной продажи. Съ одной стороны появляются имѣнія, признанныя по закону неотчуждаемыми, а съ другой стороны законодатель принимаетъ тѣ или другія мѣры въ предупрежденіе этой продажи, и въ числѣ этихъ мѣръ—обращеніе взысканія на доходы недвижимаго имѣнія. То и другое извѣстно и нашему праву: въ силу опредѣленій гражданскихъ законовъ [2]) существуютъ у насъ особаго рода заповѣдныя имущества, составляющія собственность цѣлаго рода, и майоратныя имѣнія, признаваемыя по закону неотчуждаемыми, такъ что взысканіе можетъ быть обращено только на доходы этихъ имѣній. Съ этимъ началомъ матеріальнаго права согласованы были и наши прежніе законы о судопроизводствѣ гражданскомъ, указывающіе цѣлый рядъ правилъ объ обращеніи взысканій на такія недвижимыя имущества [3]). Съ другой стороны въ интересахъ хозяйства нѣкоторыхъ населенныхъ имѣній, на которыя не распространялись вышеуказанныя правила неотчуждаемости, установлена была за-

конодателемъ та предупредительная мѣра, что продажа описанныхъ населенныхъ имуществъ не допускается, когда при составленіи описи окажется, что претензія истца можетъ быть погашена доходомъ съ имущества въ продолженіе двухъ лѣтъ. Въ такомъ случаѣ имущество отдается во временную администрацію, и истецъ удовлетворяется получаемымъ съ имѣнія доходомъ [4]). Такимъ образомъ, нашимъ прежнимъ законамъ о судопроизводствѣ гражданскомъ извѣстно было, какъ принудительный способъ исполненія рѣшенія, обращеніе въ извѣстныхъ случаяхъ взысканія на доходы недвижимаго имѣнія. При редактированіи правилъ о взысканіяхъ съ недвижимыхъ имѣній по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года также былъ возбужденъ вопросъ о введеніи означеннаго способа исполненія судебнаго рѣшенія въ уставъ гражданскаго судопроизводства въ ряду другихъ способовъ исполненія. При обсужденіи этого вопроса, какъ видно изъ мотивовъ къ 1208 ст. уст. гражд. суд., было признано, что установленіе особыхъ правилъ о принудительномъ обращеніи взысканія на доходы съ недвижимаго имѣнія «можетъ замедлить окончательное удовлетвореніе кредиторовъ, возбудить новый родъ споровъ и пререканій и затруднить до крайности новыми обязанностями мировыхъ судей», на которыхъ и предполагалось ранѣе возложить надзоръ за администраторами. Поэтому, по словамъ объяснительной записки, «будетъ осторожнѣе принять за общее правило, что истецъ имѣетъ право требовать удовлетворенія продажею недвижимаго имѣнія, а особый способъ удовлетворенія претензіи доходомъ съ недвижимаго имѣнія предоставить свободному соглашенію сторонъ. Практика покажетъ, будутъ ли прибѣгать взыскатели къ этому способу исполненія, и какія они примутъ въ своихъ условіяхъ мѣры для огражденія правъ обѣихъ сторонъ. Тогда можетъ быть и можно будетъ ввести подобныя правила въ наше законодательство, но въ самомъ началѣ судебнаго преобразованія усложнять и безъ того уже сложный вопросъ объ обращеніи взысканій на недвижимыя имѣнія весьма опасно» [5]). Исходя изъ этихъ соображеній, и рѣшено было по уставу гражданскаго судопроизводства обращеніе взысканія на доходы недвижимаго имѣнія, какъ способъ исполненія судебнаго рѣшенія, предоставить взаимному соглашенію кредитора и должника, отъ которыхъ уже и будетъ зависѣть опредѣлить какъ порядокъ приведенія въ извѣстность доходовъ, получаемыхъ съ недвижимаго имѣнія, такъ и условій временнаго управленія имѣніемъ [6]). Такимъ образомъ этотъ способъ исполненія судебныхъ рѣшеній по уставу гражданскаго судопроизводства не получилъ самостоятельнаго характера принудительнаго способа исполненія, и уставъ, давая по этому предмету нѣкоторыя опредѣленія, помѣщаетъ ихъ не въ отдѣлѣ общихъ правилъ исполненія судебныхъ рѣшеній, въ числѣ которыхъ приводятся правила о способахъ исполненія рѣшеній [7]), а среди постановленій, говорящихъ о частныхъ производствахъ и спорахъ.

Разрѣшивъ въ этомъ смыслѣ принципіальный вопросъ о допустимости обращенія взысканія на доходы недвижимаго имѣнія, какъ принудитель-

наго способа исполненія рѣшеній, составители судебныхъ уставовъ нашли необходимымъ допустить изъ этого общаго правила одно исключеніе въ отношеніи земель, оставшихся въ непосредственномъ владѣніи помѣщиковъ за надѣломъ крестьянъ, на основаніи особаго приложенія къ законамъ о состояніяхъ. Относительно этихъ земель должникъ имѣетъ право просить о пріостановленіи публичной продажи, представивъ доказательство, что взыскиваемая съ него сумма можетъ быть покрыта чистымъ двухгодовымъ доходомъ съ этого имѣнія [8]). Вводя означенное исключеніе въ уставъ гражданскаго судопроизводства, законодатель исходилъ изъ той льготы, которая предоставлялась владѣльцамъ населенныхъ имѣній по прежнимъ законамъ о судопроизводствѣ гражданскомъ [9]), причемъ призналъ, что отмѣна этой льготы во время изданія судебныхъ уставовъ, при разстроенности населенныхъ имѣній, вслѣдствіе измѣненія экономическихъ условій ихъ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, была бы мѣрою преждевременною, и что затѣмъ нѣтъ никакого основанія распространять эту мѣру на владѣльцевъ всѣхъ другихъ недвижимыхъ имѣній [10]). Изъ точнаго смысла указанныхъ опредѣленій устава гражданскаго судопроизводства и разсужденій, на коихъ основаны 1208 и 1192 — 1196 ст. уст. гражд. суд., несомнѣнно слѣдуетъ выводъ, что въ отношеніи разрѣшенія даннаго вопроса такъ называемыя неотчуждаемыя по закону имѣнія, какъ-то заповѣдныя, майоратныя и друг., относительно которыхъ по прежнимъ законамъ о судопроизводствѣ гражданскомъ [11]) допускалось обращеніе взысканія на доходы ихъ, въ настоящее время по судебнымъ уставамъ не выдѣляются изъ ряда другихъ недвижимыхъ имѣній, на которыя распространяется дѣйствіе 1208 ст. уст. гражд. суд. Хотя этотъ выводъ и не согласуется съ дѣйствующими постановленіями матеріальныхъ гражданскихъ законовъ [12]), но тѣмъ не менѣе изъ вышеизложенныхъ данныхъ другаго вывода нельзя сдѣлать. Отсюда можно только признать, что уставъ гражданскаго судопроизводства въ этомъ отношеніи страдаетъ существеннымъ пробѣломъ, но никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ проф. Малышева, что правило объ обращеніи взысканія на доходы заповѣдныхъ и майоратныхъ имѣній, помѣщенныя во 2-й части X тома свода законовъ, какъ тѣсно связанныя съ матеріальнымъ правомъ, остаются въ полной силѣ и до сихъ поръ на томъ будто бы основаніи, что институты эти не опредѣлены въ новомъ уставѣ гражданскаго судопроизводства и онъ не имѣлъ въ виду измѣнять ихъ [13]). Помимо того, что изъ правила, изложеннаго въ 1208 ст. уст. гражд. суд., сдѣлано въ уставѣ одно только исключеніе только для земель помѣщиковъ, оставшихся у нихъ за надѣломъ крестьянъ [14]), нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ и потому, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ судебныя установленія по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года, никоимъ образомъ не можетъ быть допущено дѣйствіе отмѣненныхъ уже законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ параллельно съ уставомъ гражданскаго судопроизводства.

Въ такомъ видѣ представляются по уставу гражданскаго судопроизводства правила объ обращеніи взысканій на доходы недвижимаго имѣнія, какъ способѣ исполненія судебныхъ рѣшеній. Едва ли нужно объяснять, что между этими правилами и дѣйствовавшими въ Прибалтійскихъ губерніяхъ постановленіями процессуальнаго права о вводѣ во владѣніе имѣніемъ для пользованія доходами (Immission) существуетъ большое различіе, причемъ тѣ и другія правила разсчитаны на совершенно особыя экономическія условія; между тѣмъ при введеніи судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ, въ виду того, что подобный вводъ во владѣніе имѣніемъ для пользованія доходами служитъ лишь къ отсрочкѣ дѣйствительнаго взысканія долга и на практикѣ часто обходится судомъ и сторонами, признано было нежелательнымъ допускать и на будущее время этотъ вводъ во владѣніе, вслѣдствіе чего на Прибалтійскія губерніи по данному вопросу распространено дѣйствіе правилъ устава гражданскаго судопроизводства. Изъ вышеизложеннаго видно, что не было достаточныхъ основаній къ перенесенію на Прибалтійскій край цѣликомъ постановленій устава гражданскаго судопроизводства по данному предмету, особенно правилъ, изложенныхъ въ 1192—1196 ст. уст. гражд. суд., какъ имѣвшихъ и у насъ временный характеръ, какъ это видно изъ мотивовъ къ 1196 ст. уст. гражд. суд. [15]), и вызванныхъ главнымъ образомъ экономическимъ состояніемъ помѣщичьяго хозяйства въ эпоху освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Когда дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года было распространено на губерніи Варшавскаго судебнаго округа, то тамъ дѣйствіе 1192 и 1194 ст. уст. гражд. суд. было вовсе отмѣнено [16]), и обращеніе взысканія на доходы съ недвижимаго имѣнія должника введено было въ число принудительныхъ способовъ исполненія рѣшеній [17]), причемъ 1208 статья устава гражд. суд. была дополнена [18]) тѣмъ общимъ правиломъ, что должникъ имѣетъ право просить о пріостановленіи публичной продажи имѣнія, если арендными контрактами, совершенными оффиціальнымъ порядкомъ, докажетъ, что чистаго и свободнаго годоваго дохода съ его имѣнія достаточно для платежа долга въ капитальной суммѣ, процентахъ и издержкахъ, и если предложитъ перевести этотъ доходъ на кредитора [19]).

II.

Въ связи съ заботами о недвижимой собственности и интересахъ должника находится существовавшая долгое время, почти во всѣхъ законодательствахъ, начиная еще съ римскаго права [20]), система постепенности способовъ взысканія. Того же начала держались и наши прежніе законы о судопроизводствѣ гражданскомъ, провозглашая, что при обращеніи взысканія на движимое и недвижимое имѣніе должника сперва продается имѣніе движимое и лишь только при недостаткѣ послѣдняго и недвижимое [21]). Эта система постепенности способовъ взысканія въ

новѣйшее время уже не могла ужиться съ требованіями и интересами гражданскаго оборота, нанося существенный вредъ интересамъ кредита и вызывая на практикѣ массу неудобствъ, вслѣдствіе чего она и была отмѣнена почти во всѣхъ новѣйшихъ законодательствахъ. Эти соображенія были приняты во вниманіе и при обсужденіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., и постепенность способовъ взысканія не нашла уже себѣ мѣста въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, который провозгласилъ то начало, что избраніе одного или нѣсколькихъ способовъ приведенія рѣшенія въ исполненіе предоставляется взыскателю [22]), причемъ взысканіе можетъ быть обращено на всѣ имущества должника, между которыми уже не существуетъ прежняго законнаго ранга. Хотя выраженное въ этомъ правилѣ начало и согласно съ основаніями состязательнаго процесса и могло способствовать къ значительному ускоренію самаго исполненія рѣшеній, но въ такой его безусловной формѣ на практикѣ оно могло имѣть весьма вредныя послѣдствія, ставя должника съ его хозяйствомъ въ полную зависимость отъ произвола кредитора. Поэтому вышеупомянутое право взыскателя и было ограничено введеніемъ въ уставъ того правила, что одновременное обращеніе взысканія на нѣсколько имуществъ дозволяется въ такомъ только случаѣ, когда стоимостью одного изъ нихъ не покрывается вполнѣ сумма взысканія [23]), причемъ для предотвращенія, по возможности, всякаго произвольнаго дѣйствія со стороны исполнителей въ назначеніи вещей въ продажу на удовлетвореніе взыскателя и для огражденія отъ напрасныхъ потерь и безпокойствъ самихъ должниковъ, послѣднимъ предоставлено право требовать, чтобы нѣкоторыя изъ ихъ вещей не были подвергаемы аресту, если прочія затѣмъ достаточны для удовлетворенія взысканія [24]); а если описывается такое недвижимое имѣніе, стоимость коего очевидно превышаетъ сумму взысканія, то для публичной продажи описывается только часть имѣнія, соразмѣрная взысканію [25]). Въ такой формѣ уставъ гражданскаго судопроизводства довольно удачно регулируетъ то безусловное право взыскателя избирать способъ взысканія, не причиняя при этомъ никакого вреда интересамъ кредита и самого взыскателя и въ то же время щадя законные интересы должника.

Совсѣмъ иначе это было организовано по дѣйствовавшему въ Прибалтійскихъ губерніяхъ мѣстному исполнительному процессу, который придерживался правила постепенности способовъ взысканія: прежде всего требовалось обратить взысканіе на движимое имущество должника и лишь только при недостаточности таковаго разрѣшалось обратить его на недвижимое имущество, а послѣ всего и на долговыя требованія должника. Въ проектѣ пятой части свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, построенномъ на нормахъ дѣйствовавшаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ процессуальнаго права, предполагалось даже въ этомъ отношеніи установить такой порядокъ: сначала продавалась движимость, потомъ хлѣбъ на корню, далѣе взысканіе у третьихъ лицъ, вводъ во владѣніе не-

движимостью, продажа недвижимаго имущества и наконецъ личный арестъ [26]). Проектъ этотъ, какъ извѣстно, составленный центральною судебною коммиссіею, не получилъ силы закона. При распространеніи устава гражданскаго судопроизводства на Прибалтійскія губерніи, всѣ эти правила о постепенности способовъ взысканія не могли быть оставлены въ силѣ, какъ вносящія напрасное и безполезное стѣсненіе взыскателя и могущія замедлить исполненіе рѣшенія, и замѣнены соотвѣтствующими постановленіями устава гражданскаго судопроизводства, согласованными уже съ основаніями вводимаго тамъ состязательнаго процесса. Къ такой замѣнѣ не встрѣтилось препятствій и потому, что всѣ эти правила о постепенности способовъ взысканія были чисто процессуальнаго свойства и не вытекали изъ системы дѣйствовавшаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ мѣстнаго матеріальнаго права, и разъ мѣстное процессуальное право замѣнялось новымъ, построеннымъ на другихъ основаніяхъ, то были полныя основанія къ уничтоженію и означенныхъ правилъ, какъ не вполнѣ согласованныхъ съ основаніями состязательнаго процесса и вредно отражающихся на интересахъ кредита и скорости исполненія рѣшеній. При распространеніи судебныхъ уставовъ по губерніи Варшавскаго судебнаго округа, тамъ пришлось 935 и 936 ст. уст. гражд. суд. нѣсколько измѣнить [27]), потому что тамъ опредѣленія устава гражд. суд. по данному предмету столкнулись съ постановленіями мѣстнаго матеріальнаго права, устанавливающаго, напримѣръ, такого рода правила, что недвижимости, принадлежащія несовершеннолѣтнему, даже признанному самостоятельнымъ, или лицу, состоящему подъ законнымъ запрещеніемъ, не могутъ быть подвергнуты продажѣ прежде обращенія взысканія на движимость [28]), или напримѣръ, что кредиторъ можетъ требовать продажи недвижимостей, не состоящихъ у него въ ипотекѣ, только въ случаѣ недостаточности имуществъ, въ ипотекѣ у него состоящихъ [29]). Впрочемъ и въ мѣстномъ матеріальномъ правѣ Прибалтійскихъ губерній есть постановленія, близко соприкасающіяся съ опредѣленіями процессуальнаго права о порядкѣ и способахъ взысканія [30]) но, въ виду введенія въ положеніе [31]) общей статьи о неприкосновенности матеріально-правовыхъ опредѣленій свода мѣстныхъ узаконеній, не отмѣненныхъ съ изданіемъ положенія, не представлялось необходимымъ особо объ этомъ указывать. Но съ другой стороны не можемъ не обратить здѣсь вниманія на то обстоятельство, что въ дѣйствовавшихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ мѣстныхъ крестьянскихъ положеніяхъ [32]) введены были нѣкоторыя правила, устанавливающія въ отношеніи взысканій съ крестьянъ постепенность способовъ взысканія; а именно, на основаніи этихъ правилъ прежде всего описи и продажѣ подвергалось движимое имущество и только при недостаткѣ его и недвижимое, причемъ послѣднее поступало сначала подъ судебный присмотръ на цѣлый годъ, по истеченіи каковаго времени, за неудовлетвореніемъ должникомъ кредитора, оно уже подвергалось продажѣ съ публичнаго торга. Нечего говорить, что эти правила, какъ стѣ-

снявшія крестьянъ въ пользованіи наиболѣе выгодными и доступными формами кредита, на практикѣ часто обходились сторонами, причемъ предѣлы примѣненія ихъ судебными мѣстами были ограничены только участками повинностной или арендной крестьянской земли съ подчиненіемъ другихъ участковъ крестьянской земли дѣйствію общаго земскаго права. Поэтому при уничтоженіи съ введеніемъ судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ дѣйствовавшей тамъ ранѣе сего системы постепенности способовъ взысканія, не представилось препятствій къ распространенію и на крестьянъ общаго установляемаго уставомъ гражданскаго судопроизводства порядка о способахъ взысканій, и какъ видно изъ мотивовъ подъ 105 ст. положенія о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ [33]), вопросъ, повидимому, и былъ разрѣшенъ въ этомъ смыслѣ, но почему-то не признано было необходимымъ сдѣлать объ этомъ указаніе въ текстѣ статей положенія, между тѣмъ это было бы крайне необходимо, такъ какъ мѣстныя положенія о крестьянахъ, за исключеніемъ тѣхъ частей, которыя отмѣняются или измѣняются съ изданіемъ положенія, остаются и на будущее время дѣйствующимъ источникомъ права, вслѣдствіе чего неуказаніе въ положеніи, что съ распространеніемъ на Прибалтійскія губерніи общаго опредѣляемаго уставомъ гражданскаго судопроизводства порядка исполненія рѣшеній отмѣняются соотвѣтствующія постановленія мѣстныхъ положеній о крестьянахъ, о постепенности способовъ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ, можетъ повести на практикѣ ко многимъ недоразумѣніямъ, тѣмъ болѣе, что по уставу гражданскаго судопроизводства для крестьянъ въ имперіи по данному предмету допущены нѣкоторыя изъятія въ томъ направленіи, что взысканіе присужденныхъ рѣшеніями судебныхъ мѣстъ частныхъ долговъ съ крестьянъ и съ крестьянскихъ обществъ производится съ соблюденіемъ правилъ, указанныхъ въ особомъ приложеніи къ законамъ о состояніяхъ [34]). Такъ какъ поземельное устройство крестьянъ Прибалтійскихъ губерній совершилось на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ въ имперіи, и опредѣляется своими мѣстными крестьянскими положеніями, то означенное выше постановленіе устава гражданскаго судопроизводства, какъ основанное на общемъ крестьянскомъ положеніи имперіи, при введеніи судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ не могло тамъ получить силы, а отсюда при отсутствіи въ законѣ соотвѣтствующихъ указаній можетъ явиться предположеніе, что для Прибалтійскихъ губерній по данному вопросу сохраняютъ свою силу постановленія мѣстныхъ крестьянскихъ положеній, между тѣмъ это не вызывается какими либо практическими потребностями или цѣлесообразностью самихъ правилъ и не вытекаетъ изъ общаго смысла закона, устанавливающаго для Прибалтійскихъ губерній относительно способовъ взысканія общій порядокъ по правиламъ устава гражданскаго судопроизводства, безъ допущенія какихъ либо изъятій для крестьянъ и крестьянскихъ обществъ.

III.

Высказывая то общее начало, что взысканіе можетъ быть обращено на всякое имущество должника, законъ не могъ оставить его въ столь безусловной формѣ, а, вынуждаемый насущными требованіями дѣйствительной жизни и законными интересами должника и его семьи, долженъ былъ допустить изъ него нѣкоторыя изъятія, признавъ извѣстнаго рода имущества не подлежащими публичной продажѣ ни въ какомъ случаѣ [35]), а другія—подлежащими продажѣ только за неимѣніемъ прочаго имущества [36]) и, наконецъ, третьи—подлежащими продажѣ только вмѣстѣ съ недвижимымъ имѣніемъ, или тогда, когда онѣ могутъ быть отдѣлены отъ него безъ разстройства [37]). Законъ пытается перечислить всѣ эти три категоріи вещей, освобождаемыхъ отъ описи и продажи за долги по соображеніямъ пользы службы и казеннаго интереса съ цѣлью охраненія интересовъ сельскаго хозяйства и «съ цѣлью, какъ говорятъ редакторы судебныхъ уставовъ, отстраненія крайняго для отвѣтчика стѣсненія» [38]), но разумѣется законъ не въ силахъ уложить въ тѣсныя рамки нѣсколькихъ статей все разнообразіе вещей, подлежащихъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ освобожденію отъ описи и продажи за долги.

Поэтому законъ, перечисляя означенныя вещи, принужденъ былъ иногда ограничиться указаніемъ только общихъ признаковъ этихъ статей, и вотъ въ числѣ подобнаго рода вещей уставъ указываетъ, между прочимъ, что не подвергается аресту ни въ какомъ случаѣ «движимость, признаваемая, по законамъ гражданскимъ, принадлежностью недвижимыхъ имуществъ» (ст. 973 п. 9). Такимъ образомъ уставъ въ данномъ случаѣ при разрѣшеніи вопроса, какія же движимыя вещи должны считаться принадлежностью недвижимыхъ имуществъ, прямо отсылаетъ къ гражданскимъ законамъ, то есть, въ данномъ случаѣ къ 1 части X тома свода законовъ, а также, конечно, и къ другимъ томамъ свода законовъ, содержащимъ въ себѣ матеріально-правовыя опредѣленія, относящіяся къ данному вопросу. Къ сожалѣнію, мы напрасно будемъ искать въ нашихъ гражданскихъ законахъ опредѣленія общихъ признаковъ, при которыхъ движимая вещь признается принадлежностью недвижимости, и только въ отдѣльныхъ статьяхъ закона [39]) находимъ въ казуистической формѣ примѣрное перечисленіе тѣхъ вещей, которыя должны быть признаваемы по закону принадлежностью того или другаго рода недвижимостей.

Сравнивая по данному вопросу постановленія нашихъ гражданскихъ законовъ съ опредѣленіями дѣйствующаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ мѣстнаго матеріальнаго права, мы не можемъ не замѣтить, что гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній не только содержатъ въ себѣ нѣкоторыя особенности по данному предмету, но и даютъ общее опредѣленіе того, какая вещь должна считаться принадлежностью другой вещи [40]);—опредѣленіе, основанное на источникахъ римскаго права [41]) и

согласное съ выводами науки [42]). Какъ извѣстно, почти всѣ позднѣйшія законодательства даютъ въ самомъ законѣ опредѣленіе признаковъ и назначенія принадлежности, притомъ опредѣленіе, болѣе или менѣе сходное между собою [43]), но въ дальнѣйшихъ выводахъ они очень часто расходятся, различно разрѣшая нѣкоторые вопросы о принадлежностяхъ, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ обычаевъ и бытовыхъ условій данной мѣстности; напримѣръ, нѣкоторыя законодательства, а именно саксонское [44]), французское [45]), австрійское [46]) и сербское [47]) наличный скотъ и орудія сельско-хозяйственнаго производства относятъ къ числу принадлежностей имѣнія, а потому при разрѣшеніи вопроса объ отчужденіи таковыхъ распространяютъ на нихъ всѣ свойства придаточной вещи—res accessoria rem principalem sequitur; между тѣмъ, напримѣръ, гражданское уложеніе цюрихскаго кантона [48]), а также и гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній [49]), относя къ числу принадлежностей сельско-хозяйственнаго имѣнія солому и сѣно, а также и навозъ,—напротивъ, такъ называемый инвентарь, т. е. земледѣльческія орудія, посѣвы и скотъ не причисляютъ къ принадлежностямъ имѣнія. Въ виду такого различія въ содержаніи гражданскихъ законовъ по предмету о принадлежностяхъ недвижимыхъ имѣній, при распространеніи устава гражданскаго судопроизводства на Прибалтійскія губерніи пришлось измѣнить въ немъ 973, 974 и 975 ст. въ томъ смыслѣ, что при примѣненіи ихъ соблюдаются правила, изложенныя въ сводѣ мѣстныхъ узаконеній [50]). Но при этомъ не можемъ не указать здѣсь на допущенную въ законѣ неточность и неправильность редакціи, а именно въ примѣчаніи къ 105 ст. Положенія о преобраз. суд. части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ по этому поводу сказано, что «при примѣненіи 973—975 статей устава гражданскаго судопроизводства соблюдаются правила, изложенныя въ статьяхъ 565 и 566 ч. III свода мѣстныхъ узаконеній», между тѣмъ это невѣрно въ томъ отношеніи, что въ 9 п. 973 ст. уст. гр. суд., переносимомъ цѣликомъ и на Прибалтійскія губерніи, съ указаннымъ только выше дополненіемъ, говорится, что не подвергается аресту «движимость, признаваемая, по *законамъ гражданскимъ*, принадлежностью недвижимыхъ имуществъ», и такимъ образомъ, уставъ, не опредѣляя ни общихъ признаковъ, ни отдѣльныхъ случаевъ принадлежности, предоставляетъ это сдѣлать гражданскимъ законамъ, т. е. въ данномъ случаѣ мѣстнымъ гражданскимъ законамъ Прибалтійскихъ губерній, постановленія которыхъ относительно общихъ признаковъ и указанія отдѣльныхъ вещей, признаваемыхъ принадлежностями разнаго рода недвижимостей, не ограничиваются опредѣленіями только двухъ статей—565 и 566, а заключаются въ цѣломъ рядѣ статей [51]). Поэтому было бы правильнѣе въ положеніи въ дополненіе къ 973—975 ст. уст. гражд. суд. или перечислить всѣ статьи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, трактующія о принадлежностяхъ, или просто указать, что при примѣненіи къ Прибалтійскимъ губерніямъ 973—975 ст. уст. граж. суд. по вопросу о принадлежностяхъ недвижимыхъ имѣній

соблюдаются правила, изложенныя въ мѣстныхъ гражданскихъ законахъ, какъ это, напримѣръ, и сдѣлано при примѣненіи 973 — 975 ст. уст. гр. суд. къ губерніямъ варшавскаго судебнаго округа (ст. 1551 уст. гр. суд. изд. 1883 г.), а иначе указаніе въ законѣ только на 565 и 566 ст. можетъ повести къ тому невѣрному выводу, что въ данномъ случаѣ за исключеніемъ правилъ, изложенныхъ въ 565 и 566 ст. ч. III свода мѣстныхъ узаконеній, дѣйствуютъ общіе гражданскіе законы Имперіи. Съ другой стороны, по 566 ст. мѣстныхъ гражданскихъ законовъ инвентарь имѣнія—земледѣльческія орудія, посѣвы и скотъ, не причисляется къ принадлежностямъ имѣнія, а по 1 и 2 пп. 974 ст. устава гражд. суд. таковыя могутъ быть подвергнуты аресту за неимѣніемъ у должника другаго имущества; между тѣмъ въ мѣстныхъ крестьянскихъ положеніяхъ [52]) существуютъ особыя правила о такъ называемомъ желѣзномъ инвентарѣ, который составляетъ неотъемлемую принадлежность крестьянскаго участка и не можетъ быть отдѣленъ отъ него, а слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ могъ бы подходить подъ опредѣленіе 9 пункта 973 ст. уст. граж. суд. объ неотчуждаемости принадлежности недвижимаго имущества, и, какъ видно изъ мотивовъ подъ 105 ст. положенія [53]), повидимому, это предполагалось при распространеніи судебныхъ уставовъ на Прибалтійскія губерніи, но при указанной выше редакціи закона едва ли можно неотчуждаемость такъ называемаго желѣзнаго инвентаря, какъ принадлежности крестьянскаго участка, подвести подъ 9 п. 973 ст. устава граж. суд., при примѣненіи каковаго, по смыслу 105 статьи положенія, обязательны только 565 и 566 статьи ч. III свода мѣстныхъ узаконеній, и нѣтъ никакихъ указаній относительно примѣненія въ данномъ случаѣ мѣстныхъ крестьянскихъ положеній. Если и возможно еще придти къ выводу объ неотчуждаемости крестьянскаго желѣзнаго инвентаря, какъ принадлежности участка, то только на основаніи 63 статьи положенія, разрѣшающей судебнымъ мѣстамъ руководствоваться и мѣстными положеніями о крестьянахъ, но, впрочемъ, это—еще спорный вопросъ, и во всякомъ случаѣ неточная и неполная редакція закона можетъ вызвать большія недоразумѣнія на практикѣ, для устраненія каковыхъ слѣдовало бы 973 — 975 статьи устава гражд. суд. дополнить тѣмъ правиломъ, что въ данномъ случаѣ соблюдаются постановленія, изложенныя въ мѣстныхъ крестьянскихъ положеніяхъ.

Далѣе не можемъ здѣсь еще не обратить вниманія на ту особенность мѣстнаго матеріальнаго права Прибалтійскихъ губерній, по которой нѣкоторыя вещи, хотя и не имѣющія характера принадлежности недвижимыхъ имуществъ, признаются неподлежащими аресту или продажѣ по взысканіямъ постороннихъ лицъ: это именно солома, сѣно и навозъ при взысканіяхъ съ арендаторовъ вотчинъ [54]). Хотя солома, сѣно и навозъ по 566 ст. мѣстныхъ гражданскихъ законовъ относятся къ числу принадлежностей недвижимыхъ имѣній и, въ силу этого свойства, не могутъ быть подвергнуты аресту, но данный случай представляетъ ту особен-

ность, что имѣніе принадлежитъ одному, а солома, сѣно и навозъ—другому лицу, вслѣдствіе чего и на основаніи 975 статьи устава гражд. судопр. такіе предметы подлежатъ въ этомъ случаѣ продажѣ отдѣльно отъ недвижимаго имѣнія, потому что таковое, какъ принадлежащее другому лицу, не можетъ быть продано. Поэтому въ положеніи о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (ст. 105) и сдѣлано было соотвѣтствующее указаніе, основанное на 4095 статьѣ ч. III свода мѣстныхъ узаконеній. Хотя это въ законѣ значится дополненіемъ къ 973 статьѣ устава граж. суд., потому что тамъ говорится: «кромѣ предметовъ, исчисленныхъ въ статьѣ 973 устава гр. суд.» и т. д., но правильнѣе его считать также и дополненіемъ къ 975 ст., такъ какъ на основаніи послѣдней всѣ означенные припасы имѣнія могутъ быть подвергнуты продажѣ и отдѣльно отъ недвижимаго имѣнія, если только имѣніе принадлежитъ другому лицу и вслѣдствіе этого не можетъ быть продано.

Въ заключеніе по данному вопросу остается еще указать на то, что 10 п. 973 ст. устава граж. суд., изъемлющій изъ ареста движимость крестьянъ, признаваемую необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ, хотя и основанный на общемъ положеніи о крестьянахъ имперіи, однако, признано было необходимымъ распространить и на Прибалтійскія губерніи въ неизмѣненномъ видѣ, несмотря на то, что крестьянскіе участки въ Прибалтійскихъ губерніяхъ представляются самостоятельными и довольно значительными хозяйственными единицами и поземельное устройство крестьянъ Прибалтійскихъ губерній совершилось на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ въ имперіи, и опредѣляется мѣстными крестьянскими положеніями, вслѣдствіе чего всѣ постановленія устава гражданскаго судопроизводства, основанныя на общемъ крестьянскомъ положеніи имперіи, за исключеніемъ указаннаго случая, при изданіи положенія о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, по отношенію къ послѣднимъ были отмѣнены [55]). Практическое неудобство распространенія 10 п. 973 ст. устава гражданскаго судопроизводства на Прибалтійскія губерніи заключается съ одной стороны въ томъ, что общее положеніе о крестьянахъ, какъ указывающее порядокъ опредѣленія необходимости того или другаго предмета для крестьянскаго хозяйства, а иногда уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ имперіи, перечисляющій предметы, необходимые въ крестьянскомъ хозяйствѣ [56]), должны быть по данному вопросу признаны дѣйствующими источниками права для Прибалтійскихъ губерній, имѣющихъ свои мѣстныя крестьянскія положенія [57]), а съ другой стороны и въ томъ, что самыя правила объ освобожденіи отъ ареста движимаго имущества крестьянъ, признаваемаго необходимымъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, въ виду главнымъ образомъ неуказанія въ нихъ съ точностью количества вещей, не подлежащихъ продажѣ, отличаются такою неопредѣлительностью, что примѣненіе ихъ и въ имперіи связано на практикѣ часто съ большими затрудненіями.

IV.

Установляя рядъ правилъ, опредѣляющихъ порядокъ взысканія и наложенія ареста на движимость, и перечисляя имущества, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ изъятыя отъ ареста, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ проводитъ то общее начало, что движимыя имущества, отчужденныя должникомъ до момента ареста, не могутъ быть подвергнуты аресту. Если эти имущества уже фактически переданы во владѣніе пріобрѣтателя, то вопросъ этотъ на практикѣ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, но таковыя неминуемо появляются, когда имущество это остается во владѣніи должника или въ общемъ владѣніи его съ другимъ лицомъ. Поэтому уже въ самомъ законѣ устанавливаются тѣ или другія правила для разрѣшенія этихъ сомнѣній. Къ числу подобныхъ случаевъ относится также и тотъ, когда взысканіе обращается на имущество, найденное въ общей квартирѣ супруговъ. Хотя правила по этому поводу помѣщаются и въ процессуальныхъ законахъ, но таковыя, какъ тѣсно соприкасающіяся съ опредѣленіями матеріальнаго права, находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ системы дѣйствующихъ въ странѣ гражданскихъ законовъ.

Разсматривая съ этой стороны наши процессуальные законы, мы не можемъ не замѣтить, что наши прежніе законы о судопроизводствѣ гражданскомъ, помѣщенные во 2-й части X тома свода законовъ, въ этомъ отношеніи должны быть признаны неудовлетворительными, какъ совершенно не согласованные съ нормами дѣйствующаго матеріальнаго гражданскаго права. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи прежнихъ законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ [58]), въ случаѣ обращенія взысканія за долги мужа на имущество, находящееся въ общей квартирѣ супруговъ, половина всего этого имущества, по выбору жены, освобождалась отъ ареста и продажи за долги мужа. Несомнѣнно, что такое правило совершенно не соотвѣтствуетъ системѣ имущественныхъ отношеній между супругами по нашимъ общимъ гражданскимъ законамъ, потому что такого рода правило еще было бы понятно, хотя также было бы не вполнѣ правильно, при существованіи системы общности имуществъ между супругами (allgemeine Gütergemeinschaft, communauté des biens universels); между тѣмъ наши гражданскіе законы строятъ имущественныя отношенія между супругами на началѣ раздѣльности, причемъ все имущество составляетъ отдѣльную собственность супруговъ, и ни одинъ изъ нихъ не вправѣ располагать имуществомъ другаго и за долги отвѣчаетъ только собственнымъ своимъ имуществомъ [59]). Въ виду этихъ данныхъ вышеприведенное правило прежнихъ процессуальныхъ законовъ не нашло уже мѣста въ уставѣ гражданскаго судопроизводства и замѣнено новымъ правиломъ (ст. 976), по которому, при взысканіи съ одного изъ супруговъ, подвергается описи и продажѣ вся движимость, находящаяся въ общей ихъ квартирѣ, за исключеніемъ только платья и бѣлья другаго супруга

и вещей, о принадлежности коихъ этому супругу представлены достовѣрныя доказательства. Такое правило разсчитано уже на существующую въ нашихъ гражданскихъ законахъ систему раздѣльности имущественныхъ отношеній между супругами.

Когда судебныя установленія, основанныя на судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 года, вводились въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа, то правило, изложенное въ 976 ст. уст. гражд. суд., какъ основанное на опредѣленіяхъ общихъ гражданскихъ законовъ, не могло быть перенесено туда, а подверглось существеннымъ измѣненіямъ [60]), соотвѣтственно началамъ, регулирующимъ имущественныя отношенія между супругами по мѣстному матеріальному праву [61]). Несомнѣнно, что вопросъ этотъ не могъ быть разрѣшенъ иначе и при введеніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, такъ какъ тамъ также дѣйствуютъ свои мѣстные гражданскіе законы, своеобразно разрѣшающіе вопросъ о семейныхъ имущественныхъ отношеніяхъ. Ранѣе намъ приходилось уже касаться особенностей строя семейныхъ отношеній по мѣстному праву Прибалтійскихъ губерній, а потому здѣсь, не повторяя ранѣе сказаннаго, считаемъ необходимымъ обратить вниманіе только на ту особенность мѣстнаго права по данному предмету, что постановленія, содержащіяся въ сводѣ мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, являются или общими, дѣйствующими во всемъ Прибалтійскомъ краѣ, или особенными, имѣющими обязательную силу лишь въ отдѣльныхъ территоріяхъ (Rechtsgebiete), пространство которыхъ опредѣляется не только географическими границами, но вмѣстѣ и званіемъ ихъ обывателей и обусловливаемою онымъ подсудностью каждаго. Такимъ образомъ, въ отдѣльныхъ территоріяхъ Прибалтійскихъ губерній дѣйствуетъ масса разнообразныхъ земскихъ и городскихъ правъ и особенныхъ постановленій касательно нѣкоторыхъ отношеній лифляндскаго и эстляндскаго духовенства [62]), и кромѣ того, наконецъ, особыя гражданскія права крестьянъ, не вошедшія въ сводъ мѣстныхъ узаконеній, а содержащіяся въ особыхъ крестьянскихъ положеніяхъ [63]). Въ каждой изъ территорій примѣняются прежде всего дѣйствующія въ ней особенныя узаконенія, а потомъ мѣстное земское право, служащее въ видѣ вспомогательнаго, а въ томъ случаѣ, когда ни особенное, ни вспомогательное право не разрѣшаютъ вопроса, то принимаются въ соображеніе общія гражданскія узаконенія. Такъ какъ почти каждое изъ этихъ дѣйствующихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ многочисленныхъ правъ весьма различно строитъ личныя и имущественныя отношенія въ семьѣ, то это должно крайне осложнять разрѣшеніе вопроса о примѣненіи къ Прибалтійскимъ губерніямъ правила, указаннаго въ 976 ст. устава гражд. судопр., причемъ невозможно этого правила замѣнить какимъ либо однимъ правиломъ, которое соотвѣтствовало бы всему разнообразію дѣйствующихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ системъ имущественныхъ отношеній между супругами, а при разрѣшеніи вопроса объ обращеніи взысканія на имущество,

находящееся въ общей квартирѣ супруговъ, необходимо руководствоваться всѣми дѣйствующими въ Прибалтійскихъ губерніяхъ узаконеніями и принимать во вниманіе всѣ особенности ихъ по данному предмету. Вслѣдствіе этого, при распространеніи устава гражданскаго судопроизводства на Прибалтійскія губерніи, 976 статья была измѣнена въ томъ смыслѣ, что при взысканіи съ одного изъ супруговъ, описи и продажа движимости, находящейся въ общей ихъ квартирѣ, производятся съ соблюденіемъ постановленій мѣстныхъ гражданскихъ законовъ объ имущественныхъ отношеніяхъ между супругами, причемъ сдѣланы ссылки на соотвѣтствующія статьи свода мѣстныхъ узаконеній [64]) и положеній о крестьянахъ [65]). Такъ какъ примѣненіе правилъ о взысканіи, описи и продажѣ движимости, находящейся въ общей квартирѣ супруговъ, прежде всего возлагается на исполнителя судебныхъ рѣшеній — судебнаго пристава, то, несомнѣнно, примѣненіе этихъ правилъ на практикѣ вызываетъ громадныя затрудненія, вполнѣ соотвѣтствующія трудности разрѣшенія вопроса о примѣненіи къ данному случаю того или другаго постановленія изъ массы другихъ дѣйствующихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ по данному предмету того же рода постановленій, но принадлежащихъ къ различнымъ системамъ имущественныхъ отношеній между супругами, потому что по законамъ Прибалтійскихъ губерній, тамъ дѣйствуютъ, хотя и не въ вполнѣ чистомъ видѣ и съ нѣкоторыми довольно существенными особенностями, и система соединенія имуществъ (Gütereinheit), и система общности имуществъ въ силу закона и на основаніи предбрачныхъ договоровъ (Gütergemeinschaft, communauté des biens), и римская дотальная система, и наконецъ, нѣчто похожее на систему пользованія (usus fructus maritalis). Хотя во введеніи къ III части свода мѣстн. узак. (ст. XXIX) для устраненія коллизіи законовъ по данному вопросу и установлено правило, что права супруговъ по имуществу подлежатъ тѣмъ узаконеніямъ, которымъ мужъ былъ подчиненъ во время вступленія въ бракъ, по мѣстожительству и званію; но это правило дополнено въ томъ отношеніи, что если впослѣдствіи наступитъ перемѣна въ мѣстожительствѣ или въ званіи мужа, то и права по имуществу супруговъ подлежатъ соотвѣтственной перемѣнѣ, такъ что указанное выше затрудненіе въ примѣненіи закона при исполненіи судебнаго рѣшенія этимъ правиломъ не устраняется. Здѣсь остается еще сказать нѣсколько словъ по поводу неточности редакціи закона. Приведенное въ 976 ст. устава гражд. суд. выраженіе: «въ общей квартирѣ», супруговъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ рѣшеній сената [66]), вызывало на практикѣ недоразумѣнія относительно того, что понимать подъ общей «квартирой», потому что слово «квартира» въ буквальномъ его смыслѣ имѣетъ ограничительное значеніе, не соотвѣтствующее логическому смыслу закона. Правильнѣе въ этомъ отношеніи выражались наши прежніе законы о судопроизводствѣ, находящемся «въ домѣ общаго жительства» супруговъ (ст. 2274, т. X, ч. 2, изд. 1857 г.). Редакторы судебныхъ уставовъ

въ этомъ случаѣ также имѣли въ виду имущества, находящіяся въ «общемъ жительствѣ» супруговъ [67]), а не въ «общей квартирѣ»; тѣмъ не менѣе въ уставъ гражданскаго судопроизводства (ст. 976) было введено почему-то послѣднее выраженіе, не соотвѣтствующее истинному смыслу закона. При замѣнѣ 976 статьи устава гражданскаго судопроизводства 106 статьей положенія о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, выраженіе въ «общей квартирѣ» супруговъ было введено и въ послѣднюю статью, вслѣдствіе чего для уразумѣнія истиннаго ея смысла необходимо обращаться къ историческому ея толкованію, къ предшествовавшимъ ей законамъ и къ мотивамъ, на коихъ послѣдніе были основаны.

V.

Если правила устава гражданскаго судопроизводства объ обращеніи взысканія на движимое имущество при примѣненіи ихъ къ Прибалтійскимъ губерніямъ подверглись тѣмъ или другимъ измѣненіямъ, подъ вліяніемъ дѣйствующей тамъ системы матеріальнаго гражданскаго права, то тѣмъ большему измѣненію должны были подвергнуться правила устава гражданскаго судопроизводства объ обращеніи взысканія на недвижимое имущество, въ виду дѣйствія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ особой ипотечной системы и въ виду многихъ тѣсно соприкасающихся съ даннымъ предметомъ особенностей мѣстныхъ гражданскихъ законовъ. Въ аналогичномъ съ этимъ положеніемъ находился уже законодатель при примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года къ губерніямъ варшавскаго судебнаго округа, когда правила устава гражданскаго судопроизводства объ обращеніи взысканія на недвижимое имущество подверглись существеннымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ факторовъ. Поэтому законодатель имѣлъ уже ранѣе сего опытъ въ этомъ отношеніи, и, дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, многія правила, опредѣляющія порядокъ обращенія взысканія на недвижимое имущество въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, являются повтореніемъ таковыхъ же правилъ, установленныхъ для губерній варшавскаго судебнаго округа, съ тѣми, конечно, измѣненіями, которыя вызваны, съ одной стороны, особенностями мѣстнаго матеріальнаго права, а съ другой—различіемъ самаго порядка производства крѣпостныхъ дѣлъ. Такъ называемые «ипотечныя отдѣленія» въ варшавскомъ судебномъ округѣ находятся въ составѣ окружныхъ судовъ, между тѣмъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ завѣдываніе ипотечною частью сосредоточено въ особыхъ «крѣпостныхъ отдѣленіяхъ» при мировыхъ съѣздахъ. Такая законодательная мѣра въ отступленіе отъ порядка, установленнаго для губерній варшавскаго судебнаго округа, предпринята, главнымъ образомъ, въ интересахъ быстроты оборота цѣнностей, заключающихся въ поземельной собственности [68]), въ видахъ большей близости и доступности для населенія крѣпостныхъ отдѣленій, учреж-

даемыхъ при мировыхъ съѣздахъ, а иногда и при мировыхъ судьяхъ. Опытъ покажетъ, на сколько раціональна такая мѣра, но во всякомъ случаѣ ввѣреніе столь сложныхъ и важныхъ для экономической и юридической жизни функцій не можетъ быть не признано доказательствомъ высокаго довѣрія законодательной власти къ мировымъ судебнымъ установленіямъ, частью уже уничтоженнымъ и подлежащимъ уничтоженію во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Затѣмъ и въ самыхъ правилахъ, опредѣляющихъ порядокъ производства крѣпостныхъ дѣлъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, допущены были многія отступленія отъ порядка, дѣйствующаго въ варшавскомъ судебномъ округѣ, а потому это различіе въ порядкѣ производства крѣпостныхъ дѣлъ не могло не отразиться и на нѣкоторомъ различіи и процессуальныхъ правилъ; тѣмъ не менѣе судебная реформа 1875 года въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа должна была по данному предмету явиться прекраснымъ матеріаломъ для разрѣшенія многихъ вопросовъ относительно установленія порядка обращенія взысканія на недвижимое имущество въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Хотя правила, опредѣляющія способъ и формы продажи недвижимаго имѣнія для удовлетворенія долга, относятся къ области процесса, тѣмъ не менѣе при распространеніи устава гражданскаго судопроизводства на Прибалтійскіе губерніи только немногія изъ этихъ правилъ могли быть примѣнены тамъ цѣликомъ, остальныя же правила, какъ тѣсно соприкасающіяся съ матеріально-правовыми опредѣленіями гражданскихъ законовъ и началами ипотечной системы, должны были подвергнуться болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ. Прежде всего въ силу того общаго начала мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, что продажа заложенной вещи, совершенная залогодержателемъ, прекращаетъ не только собственныя его на ту вещь права, но и права на нее всѣхъ остальныхъ, слѣдующихъ за нимъ кредиторовъ, удерживающихъ только право на вырученную отъ продажи той вещи сумму [69]), а публичною продажею недвижимости, на которую ингроссированы ипотеки, независимо отъ согласія кредиторовъ, прекращаются всѣ ингроссированныя на ней долговыя обязательства, закладныя права и ипотеки, о которыхъ покупщикъ не заявитъ, что принимаетъ ихъ на себя [70]), причемъ, на основаніи 5 статьи правилъ «о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ законоположеніяхъ объ ипотекахъ», отмѣнившей собою 1612 ст. мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, и въ силу выдвинутыхъ новыми правилами началъ публичности и спеціальности ипотечной системы, порядокъ удовлетворенія требованій, внесенныхъ въ публичныя (крѣпостныя) книги, опредѣляется старшинствомъ по времени ихъ внесенія въ таковыя книги,—несомнѣнно, въ силу этого должны были во многомъ измѣниться правила устава гражданскаго судопроизводства, такъ какъ, въ силу приведенныхъ выше началъ мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, лицами, заинтересованными во всемъ ходѣ дѣла о производствѣ взысканія, начиная съ описи недвижимаго имѣнія и кончая вырученной отъ продажи той недвижимости суммой, кромѣ взы-

скателя и должника, являются и ипотечные кредиторы, претензіи коихъ, съ продажею недвижимости, эксгроссируются въ ипотечной книгѣ. Поэтому правила устава гражданскаго судопроизводства относительно описи, оцѣнки и продажи недвижимыхъ имуществъ въ примѣненіи таковыхъ къ Прибалтійскимъ губерніямъ прежде всего измѣнены были въ томъ смыслѣ, что при производствѣ взысканія съ недвижимаго имущества ипотечнымъ кредиторамъ предоставлены всѣ тѣ права [71]), коими по статьямъ 994, 995, 997, 999 и 1037 означеннаго устава пользуются взыскатель и должникъ, а по статьямъ 1029 и 1051 — всѣ кредиторы, обратившіе взысканіе на имущество. Въ этомъ смыслѣ, въ соотвѣтствіе правилу, установленному для губерній Варшавскаго судебнаго округа [72]), и были измѣнены означенныя правила устава гражданскаго судопроизводства, вслѣдствіе чего всѣ ипотечные кредиторы получили право участвовать въ описи, оцѣнкѣ и продажѣ имѣнія наравнѣ съ взыскателемъ и должникомъ и они должны быть поставляемы судебнымъ приставомъ въ извѣстность о всемъ ходѣ производства взысканія, причемъ, напримѣръ, если между взыскателемъ и должникомъ послѣдуетъ соглашеніе относительно цѣнности имѣнія, то такому соглашенію дается дальнѣйшее движеніе не иначе, какъ съ согласія ипотечныхъ кредиторовъ, которымъ, согласно порядку, принятому для губерній Варшавскаго судебнаго округа [73]), предоставляется право въ двухнедѣльный срокъ заявить свое несогласіе съ этой оцѣнкой, и въ случаѣ таковаго оцѣнка имѣнія производится чрезъ свѣдущихъ людей въ порядкѣ 1122 ст. устава гражданскаго судопроизводства. По прежнему дѣйствовавшему въ Прибалтійскихъ губерніяхъ порядку взысканія съ недвижимыхъ имѣній оцѣнка имѣнія не была вовсе обязательной, а имѣла мѣсто лишь по требованію заинтересованныхъ лицъ, и то, главнымъ образомъ, по окончаніи публичной продажи, въ томъ случаѣ если предложенная на торгахъ цѣна окажется невыгодною, и залогодержатель пожелаетъ оставить имѣніе за собою [74]). Хотя это правило и помѣщалось въ матеріальныхъ гражданскихъ законахъ, но оно не вытекало изъ особенностей мѣстнаго матеріальнаго права и являлось правиломъ чисто процессуальнаго свойства, вслѣдствіе чего оно и было замѣнено правилами устава гражданскаго судопроизводства, установившими для публичной продажи обязательность предварительной оцѣнки имѣнія—въ порядкѣ соглашенія заинтересованныхъ сторонъ или чрезъ свѣдущихъ людей.

Совсѣмъ иначе разрѣшенъ былъ вопросъ относительно описи продаваемому имѣнію, каковая по прежде дѣйствовавшему въ Прибалтійскихъ губерніяхъ порядку производства взысканія съ недвижимыхъ имѣній также не производилась, между тѣмъ по уставу гражданскаго судопроизводства (ст. 1101) опись составляетъ безусловно необходимую составную часть обращенія взысканія на недвижимое имущество. Такъ какъ главною цѣлью описи является уясненіе физическаго и юридическаго состава имѣнія, то, обыкновенно, въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ устроенъ кадастръ

имѣній, опись вовсе не производится. Точно также и при существованіи ипотечной системы, хотя таковая не всегда связана съ кадастромъ, опись не является безусловно необходимой, потому что въ ипотечныя книги всякая недвижимость вносится на имя собственника съ обозначеніемъ при этомъ всѣхъ вещныхъ правъ и ограниченій собственности и съ указаніемъ всѣхъ перемѣнъ какъ въ лицѣ собственника, такъ и въ составѣ имѣнія, причемъ въ нерѣдко составляемыхъ при ипотечныхъ дѣлахъ картахъ помѣщаются свѣдѣнія о величинѣ и границахъ имѣнія. Что касается Прибалтійскихъ губерній, то опись имѣнія не представляется тамъ необходимою и потому, что тамъ каждая вотчина, въ силу историческихъ и бытовыхъ условій, вносится въ ипотечныя книги въ опредѣленныхъ границахъ, причемъ относительно многихъ недвижимостей дворянскими и городскими кредитными обществами составлены подробныя описи, а въ Лифляндской губерніи и кадастровыя вѣдомости, въ отношеніи же инвентаря вотчинъ опись также не представляется необходимой, потому что, въ силу 566 ст. мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, инвентарь не считается принадлежностью имѣнія, а потому и не подлежитъ непремѣнной продажѣ вмѣстѣ съ имѣніемъ. При такихъ условіяхъ опись имѣнію не только не представляется необходимою составною частью обращенія взысканія на недвижимое имущество, а иногда является совершенно излишнимъ обремененіемъ сторонъ, потому что производство описи сопряжено съ издержками и замедляетъ продажу имѣнія. Этимъ объясняется, что исполнительному процессу Прибалтійскихъ губерній опись продаваемому имѣнію была вовсе неизвѣстна. Такъ какъ по уставу гражданскаго судопроизводства опись имѣнію въ такихъ случаяхъ представляется необходимою, то для согласованія тѣхъ и другихъ правилъ при судебной реформѣ признано было цѣлесообразнымъ, не дѣлая описи безусловно обязательною во всѣхъ случаяхъ, предоставить это усмотрѣнію заинтересованныхъ лицъ, а значитъ въ томъ числѣ и ипотечныхъ кредиторовъ [75]). Въ этомъ заключается довольно существенное отступленіе отъ порядка, установленнаго для Варшавскаго судебнаго округа, въ которомъ хотя и дѣйствуетъ ипотечная система, но 1101 ст. устава гражданскаго судопроизводства, устанавливающая обязательность описи для продаваемаго имѣнія, осталась безъ измѣненія. Съ другой стороны, уставъ гражданскаго судопроизводства, признавая опись необходимою составною частью обращенія взысканія на недвижимое имѣніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступаетъ отъ этого начала, а именно въ отношеніи земель, находящихся подъ поселеніемъ и въ пользованіи временно-обязанныхъ крестьянъ, когда опись замѣняется уставною грамотою, дополненною свѣдѣніями о перемѣнахъ, происшедшихъ послѣ утвержденія грамоты (ст. 1106); но такое правило, конечно, не могло получить примѣненія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ поземельное устройство крестьянъ совершилось на иныхъ основаніяхъ, почему, вообще, всѣ постановленія устава гражданскаго судопроизводства, основанныя на общемъ крестьянскомъ по-

ложеніи имперіи, не могли получить силы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Разрѣшивъ такимъ образомъ общій вопросъ о необходимости описи продаваемому имѣнію, законодатель долженъ былъ соотвѣтственно измѣнить постановленія устава гражданскаго судопроизводства относительно тѣхъ свѣдѣній, которыя должны быть помѣщаемы въ описи, если только таковая будетъ потребована заинтересованными лицами. Измѣненія эти непосредственно вытекали какъ изъ особенностей мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, такъ и изъ существованія въ Прибалтійскихъ губеріяхъ ипотечной системы. Для этого достаточно припомнить намъ указанное ранѣе различіе во взглядахъ нашихъ гражданскихъ законовъ Имперіи и мѣстнаго матеріальнаго права на значеніе вещей, признаваемыхъ принадлежностями недвижимыхъ имуществъ; напримѣръ, по ст. 1104 устава гр. суд. въ числѣ свѣдѣній, объясняющихъ положеніе и составъ имѣнія, между прочимъ, въ описи показываются: рабочій скотъ, земледѣльческія орудія и машины (п. 4); между тѣмъ, на основаніи 566 ст. ч. III свода мѣстныхъ узаконеній, инвентарь имѣнія, т. е. земледѣльческія орудія, скотъ и посѣвы не причисляются къ принадлежностямъ имѣнія, за исключеніемъ только инвентаря крестьянскихъ участковъ, и наоборотъ, не значащіеся въ 1104 ст. уст. гр. суд. поземные склады, запасы соломы и корма для скота по мѣстному праву считаются принадлежностями недвижимаго имѣнія, а потому свѣдѣнія о нихъ должны быть помѣщены въ описи. Кромѣ этихъ измѣненій, основанныхъ чисто на особенностяхъ мѣстнаго матеріальнаго права, должны были послѣдовать и другія измѣненія по данному предмету, обусловленныя дѣйствіемъ въ Прибалтійскомъ краѣ ипотечной системы: такъ, напримѣръ, опись должна содержать въ себѣ указаніе, на основаніи крѣпостной книги, кому принадлежитъ описываемое имѣніе, не состоитъ ли оно въ общемъ владѣніи съ кѣмъ либо другимъ и на какомъ правѣ, не обременено ли оно долгами и на какую сумму, а также какія лежатъ на имѣніи ограниченія и обремененія [76]), и, однимъ словомъ, указаніе полныхъ свѣдѣній о юридическомъ составѣ имѣнія. Такія данныя необходимы въ Прибалтійскомъ краѣ, главнымъ образомъ, потому, что въ производствѣ о взысканіи съ недвижимаго имущества заинтересованы и могутъ принимать участіе всѣ ипотечные кредиторы. Такъ какъ матеріаломъ для извлеченія означенныхъ выше свѣдѣній объ юридическомъ составѣ имѣнія должна служить крѣпостная (ипотечная) книга, то всегда въ такихъ случаяхъ представляется необходимымъ имѣть копію съ означенной книги, а потому по правиламъ прежде дѣйствовавшаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ исполнительнаго процесса на обязанности взыскателя лежало представить въ судъ, производящій продажу, копію съ ипотечной книги. Такъ какъ возложеніе этой обязанности на взыскателя можетъ замедлить производство, и кромѣ того можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ неполноту помѣщенныхъ въ описи свѣдѣній, потому что въ промежутокъ времени между полученіемъ

взыскателемъ копіи съ означенной книги и внесеніемъ въ нее отмѣтки объ обращеніи взысканія могли быть внесены туда новыя записи и охранительныя отмѣтки, то при судебной реформѣ было признано болѣе цѣлесообразнымъ обязать самыя ипотечныя учрежденія, по требованію судебнаго пристава, доставлять ему копіи съ отдѣла реестра крѣпостной книги на недвижимость, на которую обращено взысканіе, а также и копіи съ плановъ и другихъ документовъ на описываемое имѣніе, хранящихся въ ипотечномъ учрежденіи, въ случаѣ просьбы заинтересованныхъ лицъ объ истребованіи послѣдняго рода документовъ на ихъ собственный счетъ [77]), на подобіе правила, установленнаго для губерній варшавскаго судебнаго округа [78]). Истребованіе копіи съ отдѣла реестра крѣпостной книги представляется еще необходимымъ и потому, что по общему принципу недѣлимости ипотекъ ингроссированное на имѣніе требованіе обезпечивается всѣмъ имѣніемъ [79]), вслѣдствіе чего для публичной продажи имѣніе должно быть описано въ полномъ его составѣ. Въ силу этого при судебной реформѣ, на подобіе правила, установленнаго для губерній варшавскаго судебнаго округа [80]), было признано необходимымъ, въ измѣненіе соотвѣтствующихъ статей устава гражданскаго судопроизводства [81]), для Прибалтійскихъ губерній установить тѣ правила, что имѣніе для публичной продажи описывается въ томъ составѣ, въ которомъ оно значится въ крѣпостной книгѣ, причемъ такъ какъ, въ силу того же начала недѣлимости ипотекъ, каждая изъ заложенныхъ вещей отвѣчаетъ за все требованіе сполна и ипотечный долгъ, обезпеченный нѣсколькими имѣніями, подлежитъ взысканію нераздѣльно со всѣхъ этихъ имѣній, подлежащихъ въ такомъ случаѣ описи и продажѣ въ полномъ ихъ составѣ, т. е. въ видѣ цѣльныхъ ипотечныхъ единицъ, то если требованіе, обезпеченное залогомъ нѣсколькихъ вещей, будетъ удовлетворено только отчасти, то кредиторъ сохраняетъ свое закладное право на всѣ остальныя заложенныя ему вещи, а отсюда, естественно, истекаетъ то правило, что если продажею одного или нѣсколькихъ изъ назначенныхъ одновременно въ продажу имѣній, обезпечивающихъ одни и тѣ же ипотечные долги, будутъ пополнены недоимки, издержки, взысканія и означенные ипотечные долги, то остальныя имѣнія освобождаются отъ продажи [82]). Точно также разрѣшается вопросъ и въ томъ случаѣ, если бы былъ предъявленъ искъ о принадлежности третьему лицу части назначеннаго въ публичную продажу имѣнія, потому что постановленіе устава гражданскаго судопроизводства по этому предмету (ст. 1199 — 1201), что предъявленіе иска о части описаннаго имѣніи не останавливаетъ продажи прочихъ безспорныхъ его частей, какъ разсчитанное на общіе гражданскіе законы Имперіи, не могло имѣть примѣненія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ виду общаго принципа мѣстныхъ гражданскихъ законовъ о недѣлимости ипотеки и объ отвѣтственности имѣній въ цѣломъ составѣ за ипотечные долги [83]), въ качествѣ цѣльныхъ ипотечныхъ единицъ.

VI.

Однимъ изъ главныхъ началъ всякой правильно организованной ипотечной системы является гласность ипотечныхъ книгъ, въ силу коего никто не можетъ защищаться невѣдѣніемъ содержанія этихъ книгъ, и при существованіи котораго первостепенной важности моментомъ является внесеніе права въ ипотечную книгу, причемъ только съ момента внесенія таковаго въ ипотечную книгу оно получаетъ значеніе достовѣрности и дѣлается обязательнымъ для третьихъ лицъ, а до момента внесенія въ книгу сдѣлка даетъ не вещное право, а только основаніе пріобрѣтенія этого права, поставленнаго въ зависимость отъ условія послѣдующаго внесенія ея въ книгу, или, какъ говорится въ дѣйствующемъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ ипотечномъ уставѣ [84]), всякаго рода правооснованія, которыя, по внесеніи ихъ въ ипотечныя книги, установляютъ вещное право (jus reale), до внесенія ихъ въ тѣ книги, суть только права личныя (jus personale). Дѣйствовавшая въ Прибалтійскихъ губерніяхъ ипотечная система въ этомъ отношеніи допускала значительныя отступленія отъ начала гласности, устанавливая, по примѣру римскаго права, такъ называемыя ипотеки генеральныя и на движимости, а кромѣ того ипотеки частныя и безмолвныя (законныя), получавшія силу вещнаго права и безъ внесенія въ ипотечныя книги [85]). Такого рода ипотеки, какъ идущія въ разрѣзъ съ основными началами всякой правильно организованной ипотечной системы—началами гласности и спеціальности, были отмѣнены почти всѣми законодательствами, позаимствовавшими ихъ изъ римскаго права. Поэтому при введеніи судебной реформы означенныя ипотеки были отмѣнены и въ отношеніи Прибалтійскихъ губерній, причемъ по примѣру Западноевропейскихъ законодательствъ, было положительно выражено въ законѣ, что ипотека (ст. 1336, ч. III, св. мѣстн. узак.) установляется только на недвижимое имущество и даетъ кредитору вещное право на заложенную недвижимость лишь по внесеніи въ публичныя (крѣпостныя) книги, причемъ ипотеки въ означенныя книги вносятся не иначе, какъ въ размѣрѣ опредѣленной суммы денегъ и на опредѣленное недвижимое имущество [86]). Установленіе въ такомъ видѣ основныхъ началъ ипотечной системы для Прибалтійскихъ губерній должно было соотвѣтственно измѣнить, какъ постановленія устава гражданскаго судопроизводства, такъ и правила прежде дѣйствовавшаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ исполнительнаго процесса. Какъ извѣстно, въ связи съ правилами объ ипотекахъ на движимости и безмолвныхъ ипотекахъ по мѣстнымъ гражданскимъ законамъ Прибалтійскихъ губерній (ст. 1412 и 1413) существовало то правило, что рѣшеніе, вступившее въ законную силу, о вводѣ кредитора во владѣніе имуществомъ должника устанавливало для кредитора судебное закладное право на движимое и недвижимое имущество должника со времени приведенія въ исполненіе судебнаго

рѣшенія. Такого рода судебное закладное право напоминало римскія missiones и несомнѣнно основывалось на существовавшемъ въ мѣстномъ процессѣ порядкѣ ввода во владѣніе (immissio), какъ особаго способа исполненія рѣшеній. Но такъ какъ послѣдній, какъ мы видѣли ранѣе, былъ отмѣненъ съ введеніемъ судебныхъ уставовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, то и судебное закладное право при судебной реформѣ должно было подвергнуться той же участи, тѣмъ болѣе, что оно положительно идетъ въ разрѣзъ съ принципами публичности и спеціальности ипотекъ. Поэтому въ отмѣну означеннаго закладнаго права и было установлено то вполнѣ соотвѣтствующее основнымъ началамъ ипотечной системы правило, что окончательное судебное рѣшеніе, коимъ съ должника присуждается опредѣленная сумма денегъ или иное удовлетвореніе, подлежащее оцѣнкѣ на деньги, служитъ основаніемъ пріобрѣтенія ипотеки посредствомъ внесенія рѣшенія въ публичныя (крѣпостныя) книги, вслѣдствіе чего истцу, независимо отъ обращенія взысканія на недвижимое имѣніе должника, предоставлено право просить о внесеніи состоявшагося въ его пользу окончательнаго рѣшеніи въ крѣпостную (ипотечную) книгу [87]. Отказавшись отъ такъ называемаго судебнаго закладнаго права и замѣнивъ таковое внесеніемъ окончательнаго судебнаго рѣшенія въ ипотечную книгу, наше законодательство въ отношеніи Прибалтійскихъ губерній стало на вполнѣ вѣрный путь, котораго держится большинство законодательствъ, провозглашающихъ принципы публичности и спеціальности ипотекъ и признающихъ вступившее въ законную силу рѣшеніе законнымъ правооснованіемъ къ пріобрѣтенію ипотеки внесеніемъ таковаго въ ипотечныя книги [88]. Такой путь, устраняя тотъ вредъ для земледѣльческаго хозяйства, который неминуемо связанъ съ вводомъ во временное владѣніе имѣніемъ посторонняго лица, вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ къ дѣйствительному обезпеченію прочности сдѣлокъ, касающихся недвижимаго имущества, и, слѣдуя принципу публичности ипотекъ, служитъ гарантіею общаго довѣрія къ ипотечнымъ книгамъ. Нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства, въ виду отсутствія во внутреннихъ губерніяхъ Россіи ипотечной системы, въ случаѣ взысканія по закладной представляетъ залогодателю право требовать о вводѣ его въ «управленіе» заложеннымъ имуществомъ, съ правомъ пользоваться вмѣсто процентовъ доходами съ имѣнія (ст. 1129—1131). Это постановленіе взято изъ нашихъ прежнихъ законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ [89]. Хотя при обсужденіи означенныхъ правилъ при судебной реформѣ государственный Совѣтъ и высказался, вообще, противъ временнаго владѣнія, какъ прямо и непосредственно разоряющаго земледѣльческое хозяйство [90], однако правило о вводѣ залогодержателя въ управленіе заложеннымъ имуществомъ вошло въ уставъ гражданскаго судопроизводства, только съ измѣненіемъ названія отношенія кредитора къ этому имуществу: вмѣсто «временнаго владѣнія» по прежнимъ законамъ о судопроизводствѣ уставъ говоритъ уже о поступленіи заложеннаго имущества

въ «управленіе» кредитора. При введеніи судебной реформы въ варшавскомъ судебномъ округѣ эти правила не могли получить силы, въ виду дѣйствія тамъ ипотечной системы, исключая только того случая, когда по особому договору о такъ называемомъ заставномъ владѣніи (antichrèse), по мѣстнымъ гражданскимъ законамъ, кредиторъ, получая имѣніе въ заставъ, пріобрѣтаетъ право получать доходы изъ недвижимости, съ обязанностью зачислять ихъ ежегодно въ проценты, если они ему слѣдуютъ, и затѣмъ капитальную сумму своего долговаго требованія [91]). Собственно говоря, эти отношенія между кредиторомъ и должникомъ по заставному владѣнію, по характеру своему отличаются отъ тѣхъ отношеній кредитора къ заложенному имуществу, какія установлены указанными выше правилами устава гражданскаго судопроизводства объ отдачѣ заложеннаго имущества въ «управленіе» кредитора (ст. 1129 — 1130), вслѣдствіе чего ихъ въ строгомъ смыслѣ даже нельзя считать исключеніемъ изъ того общаго положенія, что правила устава гражданскаго судопроизводства объ отдачѣ заложеннаго имущества въ «управленіе» кредитора не могли получить примѣненія въ Варшавскомъ судебномъ округѣ.

Въ такомъ же положеніи находился законодатель при примѣненіи судебныхъ уставовъ къ Прибалтійскимъ губерніямъ, потому что и тамъ, въ виду отмѣны судебнаго закладнаго права (ст. 1412 и 1413 ч. III св. мѣстн. узак.) и въ виду дѣйствія тамъ ипотечной системы, означенныя правила устава гражданскаго судопроизводства не могли также получить силы, какъ несогласныя съ постановленіями мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, по смыслу которыхъ ипотека не можетъ быть сопряжена съ передачею владѣнія недвижимостью (ст. 1336), и только по особымъ договорамъ о закладномъ на плодоприносящія вещи правѣ кредитору представляется право владѣть плодоприносящею вещью, обращая плоды и доходы съ нея въ уплату своего требованія (ст. 1493—1500). Несомнѣнно, что подобнаго рода отношенія между кредиторомъ и должникомъ—совершенно инаго характера, чѣмъ отношенія, основанныя на 1129 — 1130 ст. устава гражданскаго судопроизводства; тѣмъ не менѣе законодатель, отмѣняя означенныя правила устава гражданскаго судопроизводства въ отношеніи Прибалтійскихъ губерній, нашелъ необходимымъ отмѣтить эти отношенія по владѣнію плодоприносящею вещью, какъ исключенія изъ общаго правила [92]).

VII.

Съ обращеніемъ взысканія на недвижимое имущество, какъ извѣстно, повсюду связывается ограниченіе собственника въ распоряженіи имуществомъ, на которое обращено взысканіе, причемъ законодатель опредѣляетъ тотъ моментъ, съ котораго поступаютъ означенныя ограниченія. Тамъ, гдѣ имѣетъ дѣйствіе ипотечная система, этотъ моментъ связывается съ внесеніемъ отмѣтки въ ипотечныя книги. Совершенно иначе

это дѣло организовано по уставу гражданскаго судопроизводства, какъ не разсчитанному на дѣйствіе ипотечной системы: по уставу (ст. 1096, 616 и др.) въ такихъ случаяхъ налагается на имущество запрещеніе и печатается запретительная статья въ сенатскихъ объявленіяхъ, причемъ эта публикація и соотвѣтствуетъ внесенію отмѣтки въ публичныя книги при дѣйствіи ипотечной системы; но странно, что уставъ, вводя въ такихъ случаяхъ систему наложенія запрещеній на недвижимое имущество и устанавливая съ этою цѣлью печатаніе запретительной статьи въ сенатскихъ объявленіяхъ, тѣмъ не менѣе ограниченія должника по отчужденію имѣнія и принадлежностей его, а также по заключенію договоровъ связываетъ не съ моментомъ публикаціи, а съ временемъ полученія должникомъ повѣстки объ исполненіи (ст. 1097, 1099 и 1100), и хотя сенатъ, основываясь главнымъ образомъ на постановленіи 1406 ст. I ч. X тома, по которой недѣйствительной можетъ быть признаваема продажа, совершенная вопреки законныхъ запрещеній, призналъ, что продажа имущества, совершенная должникомъ, хотя бы и послѣ сообщенія ему повѣстки объ исполненіи, но до наложенія запрещенія на это имущество въ установленномъ порядкѣ, не можетъ быть признаваема недѣйствительной (рѣш. гражд. касс. деп. 1879 г., № 101), но это рѣшеніе, какъ противорѣчащее прямому смыслу закона, не можетъ быть признано правильнымъ. Установляя запретительную систему, законодатель, повидимому, не придавалъ большаго практическаго значенія публикаціямъ, связавъ ограниченія въ распоряженіи имуществомъ съ моментомъ полученія должникомъ повѣстки объ исполненіи, вслѣдствіе чего при введеніи судебной реформы въ варшавскомъ судебномъ округѣ, гдѣ статьи 1097—1100 устава гражданскаго судопроизводства получили примѣненіе къ неипотекованнымъ недвижимымъ имѣніямъ, налагаемое на основаніи приведенныхъ статей запрещеніе замѣнено было представленіемъ копіи съ повѣстки объ исполненіи подлежащему суду.

При введеніи судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ эти правила устава гражданскаго судопроизводства должны были подвергнуться коренному измѣненію, въ виду дѣйствія тамъ ипотечной системы. Ограниченіе въ распоряженіи имуществомъ уже не можетъ быть тамъ связано съ моментомъ полученія должникомъ повѣстки объ исполненіи, потому что, на основаніи 959 ст. мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, запрещеніе отчуждать недвижимое имущество лишь тогда дѣйствительно для постороннихъ лицъ, когда оно внесено въ подлежащія публичныя книги. Это постановленіе мѣстныхъ гражданскихъ законовъ должно было получить значеніе особенно съ отмѣною ипотекъ генеральныхъ, на движимости и безмолвныхъ и съ дальнѣйшимъ развитіемъ начала гласности, публичности, которое, помимо сообщенія содержанію ипотечныхъ книгъ силы достовѣрности, оказываетъ еще то дѣйствіе, что лишаетъ права, не внесенныя въ эти книги, обязательнаго значенія для третьихъ лицъ. Поэтому во всѣхъ законодательствахъ, въ которыхъ дѣйствуетъ ипотеч-

ная система, запрещеніе отчуждать имущество въ такихъ случаяхъ связывается съ моментомъ внесенія соотвѣтственной отмѣтки въ публичныя (ипотечныя) книги. То же самое при судебной реформѣ было установлено и для Прибалтійскихъ губерній введеніемъ въ положеніе о преобразованіи тамъ судебной части (ст. 110) того правила, что, одновременно съ посылкою должнику повѣстки объ обращеніи взысканія на недвижимое имѣніе, судебный приставъ долженъ сообщать объ этомъ подлежащему крѣпостному учрежденію для внесенія о томъ отмѣтки въ крѣпостную (ипотечную) книгу, и съ этого момента, по смыслу 954, 955 и 959 ст. мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, всякое отчужденіе такого имѣнія признается уже безусловно недѣйствительнымъ, причемъ, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать недѣйствительности отчужденія съ дѣйствительностью юридической о немъ сдѣлки, потому что если только неотчуждаемость предмета не была извѣстна пріобрѣтателю, то означенная юридическая сдѣлка сохраняетъ всю силу сдѣлки законной, насколько впрочемъ такая сдѣлка можетъ быть совмѣстна съ ничтожностью самого отчужденія. Такое заключеніе вытекаетъ уже изъ самой природы договора купли-продажи, какъ договора bonae fidei, возлагающаго на продавца обязанность «очистки» (evictio) и отвѣтственность за всякій вредъ, который можетъ быть причиненъ покупщику продажей ему имущества, оспариваемаго третьимъ лицомъ или неотчуждаемаго по какой либо причинѣ [93]).

Аналогично съ этимъ долженъ быть разрѣшенъ вопросъ о дѣйствіи заключенныхъ должникомъ договоровъ по имѣнію, на которое обращено взысканіе. Обязательность такихъ договоровъ для третьихъ лицъ можетъ быть поставлена въ зависимость: во первыхъ отъ того, заключены ли они до внесенія въ ипотечныя книги отмѣтки объ обращеніи взысканія на имѣніе или послѣ таковаго внесенія, и во вторыхъ отъ того, были ли означенные договоры внесены въ ипотечныя книги или нѣтъ. Впрочемъ, послѣдняго рода условіе не играетъ никакой роли въ томъ случаѣ, если договоры были заключены уже послѣ наложенія запрещенія, то есть послѣ внесенія въ ипотечныя книги отмѣтки объ обращеніи взысканія на имѣніе, потому что въ такомъ случаѣ, въ силу постановленій 954—956 и 959 статей мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, объявляющихъ недѣйствительными всякое «отчужденіе, вопреки запрещенію», означенные договоры должны быть признаны недѣйствительными, независимо отъ того, были ли они внесены или не были внесены въ ипотечныя книги. Совсѣмъ иное положеніе въ томъ случаѣ, когда договоры заключены до внесенія въ ипотечныя книги отмѣтки объ обращеніи взысканія на имѣнія, потому что здѣсь уже, въ силу начала публичности, гласности ипотечныхъ книгъ, имѣетъ большое значеніе внесеніе договоровъ въ ипотечныя книги, и дѣйствительно въ силу того же начала публичности ипотечныхъ книгъ и неразрывно связаннаго съ нимъ порядка удовлетворенія внесенныхъ въ такія книги требованій по старшинству ипотекъ, договоры, внесенные въ публичные (ипотечныя) книги, дѣлаются обязательными для всѣхъ

третьихъ лицъ, исключая тѣхъ, которыя имѣютъ уже ранѣе того внесенныя въ тѣ книги ипотеки, такъ что для послѣднихъ они обязательны только при томъ условіи, если они были внесены въ книги съ ихъ согласія [94]). Напротивъ, договоры, не внесенные въ ипотечныя книги, не могутъ имѣть обязательной силы для третьихъ лицъ, сохраняя таковую только для договаривающихся сторонъ и давая потерпѣвшему лицу право отыскивать вознагражденія за убытки, происшедшіе отъ неосуществленія заключеннаго между сторонами договора [95]). Исключеніе изъ этого составляютъ арендные договоры на крестьянскіе участки, которые, хотя бы и не были внесены въ ипотечныя книги, сохраняютъ, при продажѣ вотчины, обязательную и для третьихъ лицъ силу до истеченія ихъ сроковъ [96]). Это исключеніе, не вытекающее изъ общаго смысла законовъ, регулирующихъ дѣйствіе договоровъ въ отношеніи третьихъ лицъ, основано спеціально на дѣйствующихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ крестьянскихъ положеніяхъ и въ этомъ смыслѣ занесено и въ сводъ мѣстныхъ узаконеній (ч. III ст. 4127). Въ виду такихъ особенностей мѣстнаго гражданскаго матеріальнаго права и въ виду дѣйствія тамъ ипотечной системы, и надлежало при введеніи судебной реформы соотвѣтственно примѣнить 1099 и 1100 статьи устава гражд. суд., опредѣляющія силу договоровъ по имѣнію, заключенныхъ должникомъ до и послѣ полученія повѣстки объ обращеніи взысканія на недвижимое имѣніе [97]), потому что эти правила устава гражданскаго судопроизводства, какъ основанныя на совершенно иныхъ началахъ и разсчитанныя на общіе гражданскіе законы имперіи, не могли получить примѣненія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Такимъ образомъ при введеніи судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ подверглись измѣненію 1096, 1099 и 1100 статьи устава граж. судопр.; но въ томъ же отдѣленіи есть еще двѣ статьи—1097 и 1098, касающіяся того же предмета. Объ отмѣнѣ или измѣненіи этихъ двухъ статей при судебной реформѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ ни слова въ положеніи не говорится, откуда слѣдуетъ заключить, что онѣ сохраняютъ силу и по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ. Познакомившись съ содержаніемъ этихъ двухъ статей, мы не можемъ не видѣть, что совершенно неосновательно дѣйствіе ихъ распространено и на Прибалтійскія губерніи. 1097 статья устава граж. суд., какъ извѣстно, содержитъ въ себѣ воспрещеніе должнику, со времени полученія повѣстки объ исполненіи: 1) отчуждать это имѣніе, и 2) рубить въ немъ лѣсъ, за исключеніемъ количества, необходимаго для поддержанія хозяйства, и вообще отчуждать или разрушать такіе предметы, которые считаются по закону принадлежностью имѣнія, а въ 1098 статьѣ содержится то исключеніе изъ этого правила, что должнику до дня публичной продажи предоставляется право продать или заложить означенное имѣніе при условіи, если онъ до совершенія купчей или закладной внесетъ въ окружный судъ сумму, достаточную для удовлетворенія предъявленнаго взысканія. Прежде всего правило, изложенное въ 1097 ст. уст. граж. суд., является со-

вершенно ненужнымъ по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ, такъ какъ въ 110, 115 и 116 статьяхъ положенія о преобразованіи тамъ судебной части, замѣнившихъ собою 1096, 1099 и 1100 статьи устава граж. суд., положительно указаны тѣ послѣдствія, какія влечетъ за собою отмѣтка, внесенная въ крѣпостную книгу, объ обращеніи взысканія на недвижимое имѣніе какъ относительно отчужденія имѣнія, а слѣдовательно, и принадлежности его, такъ и относительно дѣйствія договоровъ по имѣнію. Съ другой стороны содержаніе 1097 статьи устава гражд. суд. находится въ противорѣчіи съ указанными выше постановленіями закона, а также и съ другими правилами ипотечной системы и опредѣленіями мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, установляющими моментомъ, съ котораго начинаются ограниченія собственника въ распоряженіи его имѣніемъ какъ по отчужденію, такъ и заключенію по немъ договоровъ, внесеніе отмѣтки въ ипотечныя книги; по 1097 же статьѣ устава граж. суд. такимъ моментомъ является полученіе должникомъ повѣстки объ исполненіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ силу 954, 956 и 959 ст. мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, отчужденіе тогда только признается недѣйствительнымъ, когда оно совершено вопреки законному запрещенію, каковымъ считается запрещеніе, внесенное въ публичныя (ипотечныя) книги, независимо отъ того, опредѣлено ли оно судомъ, завѣщаніемъ или договоромъ, а на основаніи 1617, 3016, 3926, 3933, 4045 и др. статей мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, договоры по имѣнію, заключенные до внесенія означенной выше отмѣтки въ ипотечныя книги и внесенныя въ таковыя книги ранѣе этой отмѣтки, получаютъ обязательную силу и для третьихъ лицъ. Однимъ словомъ, по смыслу всѣхъ приведенныхъ выше законовъ, моментомъ, съ которымъ связывается ограниченіе должника въ распоряженіи его имѣніемъ, для Прибалтійскихъ губерній является внесеніе отмѣтки въ ипотечныя книги объ обращеніи взысканія на недвижимое имѣніе, а не полученіе должникомъ повѣстки объ исполненіи. Затѣмъ по 1097 ст., какъ мы видѣли, воспрещается должнику, между прочимъ, отчуждать предметы, признаваемые «по закону» принадлежностью имѣнія. Подъ «закономъ» здѣсь, конечно, разумѣются общіе гражданскіе законы Имперіи, которые вопросъ о «принадлежностяхъ» имѣнія разрѣшаютъ совершенно не такъ, какъ мѣстные гражданскіе законы, а потому для устраненія недоразумѣній было бы правильнѣе, по примѣру дополненій къ 973—975 ст. устава граж. суд., ссылкой на соотвѣтствующія статьи указать въ самомъ законѣ, что здѣсь разумѣются мѣстные гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній.

Что касается 1098 статьи устава граж. суд., то она является совершенно непримѣнимой къ Прибалтійскимъ губерніямъ, потому что содержаніе ея всецѣло основано на постановленіи 1388 ст. (п. 1) X т. ч. 1 свода законовъ и идетъ въ разрѣзъ съ опредѣленіями мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, по коимъ имѣніе со дня внесенія въ ипотечныя книги отмѣтки объ обращеніи на него взысканія не можетъ быть ни отчуждено,

ни заложено (ст. 954, 959 и 1385), и если допускаются изъ этого правила изъятія, то только въ томъ случаѣ, когда запрещеніе отчуждать недвижимое имѣніе опредѣлено по договору (ст. 958). Поэтому, при судебной реформѣ въ варшавскомъ судебномъ округѣ, правильнѣе было признано, что статьи 1097 и 1098 устава граж. суд. примѣняются только къ неипотекованнымъ недвижимымъ имѣніямъ, въ отношеніи же ипотекованныхъ имѣній, на которыя обращено взысканіе, онѣ замѣняются правилами ипотечныхъ уставовъ и изданныхъ въ развитіе оныхъ постановленій [98]), и въ данномъ случаѣ по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ достаточно было бы ограничиться тѣми постановленіями по этому предмету, которыя уже введены въ положеніе о преобразованіи тамъ судебной части, а потому правильнѣе было бы дѣйствіе 1097 и 1098 статей устава граж. суд. по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ вовсе отмѣнить.

VIII.

Правила о мѣстѣ, времени и порядкѣ производства самой публичной продажи имущества въ Прибалтійскихъ губерніяхъ представляютъ также нѣкоторыя особенности, а потому необходимо на нихъ нѣсколько остановиться. По вопросу о мѣстѣ публичной продажи имущества постановленія устава гражданскаго судопроизводства далеко расходились съ правилами дѣйствовавшаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ исполнительнаго процесса. Дѣло въ томъ, что уставъ гражд. судопроизводства, назначая мѣста для публичной продажи, исходитъ въ этомъ случаѣ изъ оцѣночной стоимости имущества и, смотря по суммѣ оцѣнки, назначаетъ продажу или при мировомъ съѣздѣ (до 500 р.), или при окружномъ судѣ (ст. 1133—1134), допуская, впрочемъ, нѣкоторыя изъятія изъ этого для удобства сторонъ (ст. 1135, 1137—1138); но прежде дѣйствовавшій въ Прибалтійскихъ губерніяхъ порядокъ производства публичной продажи исходилъ изъ совершенно иныхъ основаній, пріурочивая производство публичной продажи къ различнаго рода судебнымъ мѣстамъ, независимо отъ оцѣночной суммы продаваемаго имущества, руководствуясь при этомъ только тѣмъ, чтобы такимъ мѣстомъ для публичной продажи было ближайшее къ жительству заинтересованныхъ лицъ судебное мѣсто, вслѣдствіе чего тамъ не было установлено для того опредѣленнаго мѣста, а продажа, напримѣръ, крестьянскихъ поземельныхъ участковъ производилась: въ Лифляндской губерніи—при уѣздныхъ судахъ, въ Курляндской—при волостныхъ судахъ и въ Эстляндской—въ мірскихъ приходскихъ судахъ [99]). Если бы при судебной реформѣ этотъ порядокъ замѣнить правилами устава гражд. суд., то это крайне вредно отразилось бы на продаваемомъ имуществѣ и причинило бы большія стѣсненія сторонамъ, потому что хотя крестьянскіе и другіе поземельные участки въ большинствѣ случаевъ и не составляютъ цѣлой отдѣльной вотчины, это — такъ называемыя въ мѣстномъ правѣ

Landstellen, Gutsabtheilungen (п. 5 ст. 597 и п. 7 ст. 613 ч. III св. мѣст. узак.), однако стоимость ихъ превышаетъ 500 руб., вслѣдствіе чего продажа ихъ по уставу гражд. суд. должна бы производиться при окружномъ судѣ. Едва ли нужно доказывать, какія изъ этого проистекли бы невыгодныя послѣдствія. Поэтому при судебной реформѣ правила устава гражд. судопроизводства по данному предмету въ отношеніи Прибалтійскихъ губерній измѣнены были въ томъ смыслѣ, что недвижимыя имѣнія, оцѣненныя ниже 1,500 руб., а также крестьянскіе и вообще всѣ отдѣльные, не составляющіе цѣлой вотчины, поземельные участки, независимо отъ цѣны, если между взыскателемъ, должникомъ и ипотечными кредиторами не послѣдуетъ соглашенія о продажѣ при окружномъ судѣ, продаются при мѣстномъ мировомъ съѣздѣ, исключая имѣній, лежащихъ въ округѣ того крѣпостнаго отдѣленія, гдѣ находится окружный судъ, потому что таковыя уже продаются при этомъ судѣ [100]). Несомнѣнно, что большое вліяніе на такую постановку дѣла оказалъ и вновь установленный для Прибалтійскихъ губерній порядокъ производства крѣпостныхъ дѣлъ, сосредоточеннаго въ крѣпостныхъ отдѣленіяхъ при мировыхъ съѣздахъ, потому что, при дѣйствіи ипотечной системы, всѣ свѣдѣнія о недвижимыхъ имѣніяхъ какъ относительно физическаго, такъ и юридическаго изъ состава, сосредоточиваются въ ипотечныхъ книгахъ. Точно также должны были подвергнуться измѣненію и правила устава гражданскаго судопроизводства о срокѣ продажи недвижимыхъ имѣній, потому что таковой тамъ ограничивается только 4 періодами, между тѣмъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ по прежде дѣйствовавшему порядку продажа недвижимыхъ имѣній производилась въ теченіе цѣлаго года, за исключеніемъ дней неприсутственныхъ [101]). Уставъ гражданскаго судопроизводства, устанавливая 4 періода для продажи недвижимыхъ имѣній, имѣлъ въ виду устранить медленность въ производствѣ взысканій, происходившую отъ того, что ранѣе по 2111 ст. т. X ч. 2 законовъ граж. суд. продажа назначалась только два раза въ годъ [102]); а разъ уставъ гражданскаго судопроизводства получалъ примѣненіе къ Прибалтійскимъ губерніямъ, гдѣ для продажи недвижимыхъ имѣній не было опредѣленнаго срока и таковая производилась въ теченіе цѣлаго года, то онъ, въ интересахъ быстроты производства взысканій, долженъ былъ подвергнуться соотвѣтственнымъ измѣненіямъ.

Дѣйствіе въ Прибалтійскомъ краѣ ипотечной системы, оказывавшее вліяніе на весь ходъ производства взысканій, особенно отразилось на установленіи правилъ самаго производства публичной продажи. Торгъ по уставу обыкновенно начинается составленіемъ торговаго листа на все продаваемое имѣніе или на продаваемый участокъ этого имѣнія (ст. 1151); между тѣмъ, въ силу принципа недѣлимости ипотекъ, по которому ингроссированное на имѣніе требованіе обезпечивается всѣмъ имѣніемъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ торговый листъ долженъ быть составленъ на все имѣніе въ цѣломъ его составѣ, а не по участкамъ. Затѣмъ по

уставу гражданскаго судопроизводства первый торгъ начинается всегда съ суммы оцѣнки имѣнія (ст. 1157 и 2 п. 1170), но это правило не всегда удобопримѣнимо для Прибалтійскихъ губерній, въ виду дѣйствія тамъ ипотечной системы, потому что оцѣнка иногда можетъ быть ниже суммы обременяющихъ имѣніе ипотечныхъ долговъ, и въ такомъ случаѣ имѣніе не можетъ быть продано за сумму оцѣнки, такъ какъ, по принципу старшинства ипотечныхъ претензій и въ силу 1434 статьи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, продажа имѣнія можетъ состояться не иначе, какъ за сумму достаточную на удовлетвореніе всѣхъ ипотечныхъ долговъ, пользующихся старшинствомъ предъ всѣми обращенными на имѣніе взысканіями, при этомъ претензіи младшихъ предъ взыскателемъ ипотечныхъ кредиторовъ принимаются во вниманіе только до суммы оцѣнки имѣнія, и если бы этой суммой не покрывались ихъ претензіи, то имъ остается наравнѣ съ другими лицами принять участіе въ самыхъ торгахъ и такимъ образомъ путемъ повышенія цѣны добиваться погашенія своихъ претензій. Такой порядокъ, какъ основанный на принципахъ ипотечной системы, и долженъ былъ вызвать соотвѣтствующее измѣненіе въ правилахъ устава гражданскаго судопроизводства [103].

Такъ какъ, по основному принципу ипотечной системы, всѣ лежащія на имѣніи ипотеки удовлетворяются по старшинству ихъ внесенія въ ипотечныя книги, а въ силу 1602 и 3967 ст. мѣстныхъ гражданскихъ законовъ съ продажею имѣнія прекращаются и всѣ лежащія на имѣніи ипотеки: то вопросъ объ удовлетвореніи ипотечныхъ претензій разрѣшается безъ особыхъ затрудненій, но таковыя появляются въ томъ случаѣ, когда на имѣнія установлены разнаго рода ограниченія права собственности, какъ то: поземельныя повинности, аренды и т. п., которыя, съ публичною продажею, не только не прекращаются, но и переходятъ на новаго собственника (ст. 3967 и 1299). Несомнѣнно, что эти ограниченія права собственности должны при публичной продажѣ вредно отражаться на интересахъ ипотечныхъ кредиторовъ, иногда значительно обезцѣнивая продаваемое имѣніе, и единственное средство для старшихъ кредиторовъ устранить эти ограниченія, если только они установлены безъ ихъ согласія, — предъявленіе иска въ подлежащемъ судѣ. Но не трудно видѣть, что это средство, особенно предъ наступленіемъ срока публичной продажи, связано съ большими неудобствами на практикѣ, вслѣдствіе чего, для избѣжанія необходимости въ такихъ случаяхъ обращаться съ искомъ въ судъ и для устраненія связанныхъ съ лежащими на имѣніи ограниченіями невыгодныхъ послѣдствій, нѣкоторыми западно-европейскими законодательствами установленъ былъ особый порядокъ такъ называемаго двойнаго торга. Такой порядокъ, напримѣръ, существуетъ въ Саксонскомъ законодательствѣ, по которому, какъ извѣстно, въ числѣ поземельныхъ обремененій (Reallasten) предусматриваются такъ называемыя прожиточныя выдачи (Auszug), пожизненная рента (Leibrente) и желѣзные капиталы (eiserne Kapitalien). Свойство этихъ послѣднихъ

заключается въ томъ, что будучи внесены въ ипотечную книгу въ числѣ требованій, они пріобрѣтаютъ свойство поземельнаго обремененія и, за немногими исключеніями, пользуются правами ипотекъ [104]). Поэтому по Саксонскому законодательству, въ случаѣ обращенія взысканія на имѣніе, обремененное такого рода ипотеками, установленъ такой порядокъ, что кредиторы, ипотеки которыхъ въ порядкѣ старшинства предшествуютъ праву на прожиточныя выдачи, пожизненную ренту или желѣзный капиталъ и которые не изъявляли своего согласія на установленіе на недвижимомъ имѣніи этихъ обремененій, имѣютъ право требовать, чтобы судъ производилъ принудительную продажу съ торговъ, принимая «двойныя наддачи»: одну на недвижимое имѣніе съ лежащими на немъ прожиточными выдачами, пожизненною рентою или желѣзнымъ капиталомъ, и другую за имѣніе безъ этихъ обремененій, и если при этомъ окажется, что старшіе ипотечные кредиторы не будутъ сполна удовлетворены при переходѣ этихъ обремененій на покупщика, предложившаго высшую цѣну, то недвижимое имѣніе остается за послѣднимъ безъ означенныхъ обремененій, въ противномъ же случаѣ должны быть продолжены торги на имѣніе вмѣстѣ съ лежащими на немъ обремененіями [105]). При подобныхъ же условіяхъ то же самое право предоставляется ипотечнымъ кредиторамъ и въ случаѣ принудительной продажи съ торговъ имѣнія, обремененнаго такъ называемаго повинностями (Dienstbarkeiten) [106]). Такъ какъ, по справедливому замѣчанію комментатора Саксонскаго гражданскаго уложенія Siebenhaar'а, если въ числѣ правооснованій къ погашенію поземельныхъ обремененій принудительная продажа вовсе не упомянута [107]), то слѣдуетъ заключить, что поземельныя обремененія ею не погашаются [108]), то постановленія Саксонскаго гражданскаго уложенія по данному предмету представляютъ большое сходство съ постановленіями мѣстныхъ гражданскихъ законовъ Прибалтійскихъ губерній. Это сходство, конечно, можетъ быть объяснено тѣмъ, что Саксонское гражданское уложеніе, хотя и находится подъ несомнѣннымъ сильнымъ вліяніемъ римскаго права, но содержитъ въ себѣ и многіе институты чисто германскаго права, а въ томъ числѣ и ученіе о такъ называемыхъ Servitutes juris germanici: Reallasten (поземельныхъ обремененіяхъ), отводя имъ самостоятельное мѣсто подъ особой рубрикой; мѣстные же гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній въ своемъ развитіи также находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ институтовъ германскаго права, вслѣдствіе чего сходство ихъ съ нѣкоторыми германскими законодательствами замѣчается въ нормированіи многихъ институтовъ гражданскаго права. Что касается дѣйствовавшаго въ Прибалтійскихъ губерніяхъ гражданскаго процесса, то, какъ извѣстно, правила его не были кодифицированы, а изъ разсмотрѣнія практики упраздненныхъ нынѣ судебныхъ мѣстъ Прибалтійскаго края можно видѣть, что ими были усвоены многія нормы германскаго общаго процесса. Поэтому немудрено, что установленный Саксонскимъ, а также и Прусскимъ [109]) законодательствами особый порядокъ двойнаго торга

при принудительной продажѣ недвижимыхъ имѣній, обремененныхъ поземельными повинностями, былъ усвоенъ и судебными мѣстами Прибалтійскихъ губерній. Въ виду практичности этого порядка, имѣвшаго весьма существенное значеніе въ практикѣ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ, при судебной реформѣ представилось вполнѣ цѣлесообразнымъ узаконить этотъ порядокъ и на будущее время, распространивъ его не только на Курляндскую губернію и городъ Ригу, гдѣ этотъ порядокъ и ранѣе практиковался, но и на другія губерніи Прибалтійскаго края [110]). Несомнѣнно, что такой двойной торгъ, то есть предложеніе имѣнія къ продажѣ подъ условіемъ сохраненія и уничтоженія лежащаго на имѣніи обремененія, не можетъ быть назначенъ судебнымъ приставомъ ex officio, а долженъ быть допускаемъ каждый разъ не иначе, какъ по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, причемъ въ томъ случаѣ продается имѣніе за долгъ личнаго кредитора или за ипотечное требованіе, внесенное въ ипотечную книгу послѣ записи объ обремененіи, то, въ силу принципа удовлетворенія по старшинству ипотечныхъ претензій, такой просьбы о двойномъ торгѣ и не можетъ быть [111]). Говоря о порядкѣ двойнаго торга, мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ такія лежащія на имѣніи обремененія, которыя съ принудительной продажею имѣнія не только не прекращаются, но и переходятъ на покупщика. Что же касается закладныхъ правъ и ипотекъ, то таковыя, какъ мы видѣли, въ силу 1062 и 3967 ст. мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, съ продажею имѣнія всецѣло прекращаются. Это начало ипотечной системы въ связи съ принципомъ удовлетворенія ипотечныхъ кредиторовъ по старшинству ихъ претензій, имѣло послѣдствіемъ то, что правило устава гражданскаго судопроизводства (ст. 1166—1168) о правѣ покупщика внести въ счетъ покупной суммы всѣ взысканія, обращенныя на имѣнія, не могли получить примѣненія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, такъ какъ въ силу указанныхъ выше началъ ипотечной системы, въ случаѣ недостатка вырученной продажею суммы на удовлетвореніе всѣхъ взысканій и ипотечныхъ долговъ, купившій имѣніе можетъ зачесть въ покупную сумму свои претензіи лишь въ размѣрѣ той суммы, какая, по удовлетвореніи всѣхъ недоимокъ и издержекъ (ст. 1163) и пользующихся предъ нимъ преимуществомъ и старшинствомъ долговъ, приходится ему по разсчету. Что же касается зачета покупщикомъ въ покупную сумму ипотечныхъ долговъ вообще, то таковой по мѣстнымъ гражданскимъ законамъ (ст. 1602 и 3967) допускается, если кредиторы согласятся на оставленіе ихъ на имѣніи съ переводомъ на покупщика. Въ этомъ смыслѣ и подлежало при судебной реформѣ измѣнить 1166—1168 статьи устава гражданскаго судопроизводства [112]).

IX.

Цѣль публичной продажи—выручить за продаваемое имѣніе наибольшую сумму — только тогда вполнѣ достигается, когда на торгахъ уча-

ствуютъ лица, дѣйствительно желающія пріобрѣсти продаваемое имѣніе; между тѣмъ нерѣдко случается, что на торги являются лица не съ намѣреніемъ дѣйствительно купить имѣніе, а изъ совершенно другихъ соображеній, напримѣръ, для того, чтобы за отказъ отъ конкурренціи на торгахъ получить условленную сумму, или же, являясь подставными лицами должника, они стремятся надбавками возвысить цѣну имѣнія. Для устраненія такого ненормальнаго положенія вещей большинство законодательствъ принимаетъ тѣ или другія мѣры: такъ по иностраннымъ законодательствамъ подобный наддатчикъ (foe enchérisseur), отказавшійся уплатить предложенную имъ на торгахъ цѣну, признается отвѣтственнымъ не только за разницу въ цѣнѣ, недополученную на вторыхъ торгахъ, и за проценты на нее, но и за издержки вторичнаго торга [113]. Наше законодательство въ этомъ отношеніи значительно отличается отъ иностранныхъ законодательствъ: прежніе наши законы о судопроизводствѣ гражданскомъ вовсе не знали никакихъ подобныхъ мѣръ, и только Высочайше утвержденнымъ 25 мая 1864 года мнѣніемъ государственнаго совѣта въ дополненіе статей 2126 и 2134, т. X ч. 2, законовъ гражданскаго судопроизводства, въ огражденіе добросовѣстныхъ покупщиковъ отъ соперничества на торгахъ людей неблагонамѣренныхъ, установленъ былъ штрафъ въ 3% съ послѣдне объявленной высшей цѣны за имѣніе съ того покупщика, который, при самомъ окончаніи торговъ, не внесетъ опредѣленнаго закономъ задатка (не менѣе 10 части всей состоявшейся цѣны). При изданіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года указанный выше 3% штрафъ введенъ былъ и въ уставъ гражданскаго судопроизводства (ст. 1177—1179) [114]. Значительно отличаются отъ этого мѣстные гражданскіе законы Прибалтійскихъ губерній, которые въ этомъ отношеніи болѣе примыкаютъ къ иностраннымъ законодательствамъ, устанавливающимъ болѣе строгую отвѣтственность покупщика за невзносъ предложенной имъ на торгахъ цѣны; именно по мѣстнымъ гражданскимъ законамъ, въ случаѣ неисполненія предложившимъ высшую цѣну условій продажи, имѣніе вновь обращается въ публичную продажу «на счетъ и страхъ» этого лица, причемъ до наступленія времени для новыхъ торговъ онъ можетъ устранить ихъ взносомъ слѣдующей съ него суммы и процентовъ, а равно и издержекъ на производство новыхъ торговъ (ст. 3968). При этомъ нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что это постановленіе мѣстныхъ гражданскихъ законовъ имѣетъ характеръ чисто матеріально-правоваго опредѣленія, основаннаго на томъ началѣ мѣстнаго матеріальнаго права объ отвѣтственности покупщика за неисполненіе условій продажи, которое одинаково примѣнимо и къ публичнымъ и къ частнымъ продажамъ (ст. 3886). Въ виду этого правила устава гражданскаго судопроизводства по данному предмету (ст. 1176—1179) при примѣненіи таковыхъ къ Прибалтійскимъ губерніямъ должны были подвергнуться соотвѣтственнымъ измѣненіямъ для согласованія ихъ съ приведеннымъ выше постановленіемъ мѣстныхъ гражданскихъ зако-

новъ, дающимъ болѣе существенныя и надежныя гарантіи для обезпеченія правильнаго производства публичной продажи, чѣмъ правила устава гражданскаго судопроизводства [115]). Вмѣстѣ съ тѣмъ должны были подвергнуться при судебной реформѣ измѣненію и постановленія устава гражданскаго судопроизводства (ст. 1171, 1174 и 1187) о правѣ кредиторовъ и залогодержателя, въ случаѣ несостоявшагося торга, требовать о производствѣ новаго торга или удержать имѣніе за собою [116]), потому что они совершенно не разсчитаны на дѣйствіе ипотечной системы, по началамъ которой удовлетвореніе кредиторовъ производится не соразмѣрно суммѣ претензій, а по старшинству внесенія таковыхъ въ публичныя книги, вслѣдствіе чего не одни только взыскатели получаютъ право требовать о производствѣ новаго торга, но и всѣ ипотечные кредиторы, какъ одинаково заинтересованные въ исходѣ публичнаго торга. Что касается права удержать за собою имѣніе, то при дѣйствіи ипотечной системы вопросъ этотъ разрѣшается нѣсколько иначе, потому что, въ силу принципа удовлетворенія кредиторовъ по старшинству претензій, не всегда возможно предоставлять взыскателю преимущественное право на удержаніе за собою имѣнія, а бываетъ справедливѣе предоставить это младшему ипотечному кредитору, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ принять имѣніе лишь по совершенномъ удовлетвореніи всѣхъ старшихъ предъ нимъ кредиторовъ.

X.

Такъ какъ уничтоженіе публичныхъ продажъ всегда нарушаетъ право третьяго лица и уничтожаетъ довѣріе къ присутственнымъ мѣстамъ, производящимъ продажу, то уставъ гражданскаго судопроизводства точно опредѣляетъ тѣ немногіе случаи, когда торгъ признается недѣйствительнымъ (стт. 1180 — 1182). Къ числу такихъ случаевъ между прочимъ принадлежитъ и тотъ, когда проданное съ публичныхъ торговъ имѣніе оказалось впослѣдствіи, по суду, не принадлежавшимъ должнику, причемъ такое имѣніе возвращается законному его собственнику, а покупщику предоставляется право взыскать заплаченную имъ сумму съ должника или съ кредиторовъ, получившихъ удовлетвореніе изъ вырученной за имѣніе суммы (ст. 1180, п. 1 и 1181). Что касается остальныхъ трехъ случаевъ недѣйствительности торга по уставу гражданскаго судопроизводства, то они связаны съ болѣе или менѣе существенными нарушеніями правилъ о производствѣ публичной продажи, какъ-то продажа имѣнія ранѣе срока, неправильное устраненіе отъ торговъ и покупка имѣнія лицомъ, не имѣвшимъ права принимать участія въ торгѣ. Хотя всѣ эти случаи одинаково направлены къ охраненію матеріальнаго права, однако по характеру своему они рѣзко отличаются другъ отъ друга: въ то время, какъ три послѣдніе случаи—являются чисто процессуальными правилами, первый случай, предусмотрѣнный 1 п. 1180 ст. устава

гражданскаго судопроизводства, представляется съ матеріально-правовымъ характеромъ, какъ тѣсно связанный съ опредѣленіями матеріальнаго права и вытекающій изъ системы дѣйствующихъ у насъ гражданскихъ законовъ. Поэтому, когда возникъ вопросъ о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года къ губерніямъ Варшавскаго судебнаго округа, гдѣ дѣйствуютъ свои мѣстные гражданскіе законы, то къ примѣненію тамъ 2, 3 и 4 пп. 1180 ст. устава гражданскаго судопроизводства не встрѣтилось какихъ либо препятствій, и только 1 п. этой статьи, какъ основанный на началахъ дѣйствующихъ въ Имперіи гражданскихъ законовъ, долженъ былъ при судебной реформѣ подвергнуться соотвѣтственному измѣненію по отношенію къ ипотекованнымъ имѣніямъ, относительно которыхъ тамъ дѣйствуютъ правила ипотечныхъ уставовъ (ст. 1580 устава гражданскаго судопроизводства, по изд. 1883 г.).

Въ такомъ же положеніи находился законодатель при введеніи судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ особая система мѣстнаго матеріальнаго гражданскаго права, по началамъ котораго договоръ купли, утвержденный вслѣдствіе продажи съ публичныхъ торговъ, по своимъ послѣдствіямъ приравнивается къ договору, совершенному домашнимъ порядкомъ, вслѣдствіе чего и уничтожается по причинамъ, одинаковымъ съ послѣднимъ, кромѣ только случая ущерба свыше половины, каковой не даетъ права оспаривать публичную продажу (ст. 3969 и 8 п. 3897). Разсматривая затѣмъ постановленія мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, касающіяся предмета договора вообще и договора купли въ частности, мы можемъ замѣтить, что по общему началу мѣстнаго права, всякій договоръ о чужой вещи, хотя бы заключенный безъ согласія и вѣдома ея собственника, установляетъ дѣйствительное право требованія, кромѣ нѣкоторыхъ указанныхъ въ законѣ случаевъ (ст. 3144, 3838, 4205 и др.). Къ числу послѣднихъ относится и тотъ случай, когда продана чужая вещь безъ вѣдома и согласія ея собственника и обѣ договаривающіяся стороны знали объ этомъ, и въ такомъ случаѣ весь договоръ купли признается ничтожнымъ (ст. 3838); но если, напротивъ, покупщикъ въ этомъ случаѣ не зналъ, что продавецъ не имѣлъ права продать вещь, то онъ можетъ требовать отъ него вознагражденія за убытки, а если зналъ о томъ одинъ покупщикъ, то въ отношеніи его продавецъ ни къ чему не обязывается. Съ другой стороны, по общему началу ипотечной системы, право распоряжаться собственностью недвижимыхъ имуществъ пріобрѣтается внесеніемъ правооснованія ея пріобрѣтенія въ ипотечныя книги, такъ что, при дѣйствіи ипотечной системы, собственникомъ недвижимости признается лишь тотъ, кто значится таковымъ по ипотечнымъ книгамъ, а до внесенія въ таковыя пріобрѣтатель недвижимости не можетъ пользоваться ни однимъ изъ соединенныхъ съ собственностью преимуществъ и, не имѣя въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ никакихъ правъ, долженъ признавать въ своей силѣ всѣ касающіяся той недвижимости дѣйствія лица, значущагося ея собствен-

никомъ по ипотечнымъ книгамъ, и только получаетъ право требовать вознагражденія за тѣ дѣйствія прежняго собственника, которыя совершены послѣднимъ mala fide (ст. 812 и 813 ч. III св. мѣст. узак.). Такимъ образомъ, сопоставляя, съ одной стороны, то, что по началамъ мѣстныхъ гражданскихъ законовъ договоръ купли признается ничтожнымъ только при недобросовѣстности обѣихъ сторонъ, что доказать при публичной продажѣ становится рѣшительно невозможнымъ, а съ другой стороны, то правило мѣстнаго матеріальнаго права, что отчужденіе, совершенное лицомъ, значущимся въ ипотечной книгѣ, не можетъ быть впослѣдствіи уничтожено, хотя бы имѣніе оказалось потомъ принадлежавшимъ другому лицу,—слѣдуетъ придти къ тому несомнѣнному выводу, что если отчужденіе, совершенное домашнимъ порядкомъ, по общимъ правиламъ мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, отличается характеромъ безповоротности, то таковое начало безповоротности тѣмъ болѣе примѣнимо къ публичнымъ продажамъ какъ по основаніямъ, указаннымъ въ 3969 ст. мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, такъ и въ виду необходимости придать публичной продажѣ ту твердость, какую должно имѣть, по своему значенію, продажа, совершенная принудительно, по распоряженію правительственной власти. За установленіе таковаго начала безповоротности публичной продажи говоритъ и то постановленіе закона, что о публичной продажѣ публикуются объявленія, причемъ всѣ лица, имѣющія на продаваемое имѣніе такія права, которыя устраняютъ публичную его продажу, приглашаются предъявить таковыя до дня торга [117]). Поэтому при судебной реформѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ 1 п. 1180 и 1181 ст. уст. гражд. суд. были отмѣнены [118]), причемъ въ отношеніи имѣній, проданныхъ съ публичнаго торга, на подобіе правилъ, введенныхъ уставомъ гражд. суд. въ отношеніи губерній варшавскаго судебнаго округа (ст. 1580), и по примѣру прусскаго законодательства [119]), установлено было начало безповоротности, такъ что въ отношеніи Прибалтійскихъ губерній торгъ не подлежитъ уже уничтоженію по причинѣ, указанной въ п. 1 ст. 1180 уст. гражд. суд., а въ отношеніи третьяго лица, за коимъ судомъ признано будетъ право собственности на проданное имѣніе, вырученная продажею сумма замѣняетъ самое имѣніе, pretium succedit in locum rei. Совершенно иначе былъ разрѣшенъ вопросъ о правѣ выкупа имѣній, проданныхъ съ публичнаго торга. Хотя по законамъ Имперіи и существуетъ для родственниковъ право выкупа въ родовыхъ имѣніяхъ, однако уставъ гражданскаго судопроизводства, основываясь на прежде дѣйствовавшемъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства (ст. 2141 и 2169, т. X, ч. 2, зак. гражд. суд.) и постановленіяхъ матеріальныхъ гражданскихъ законовъ [120]) и желая придать публичной продажѣ надлежащую твердость, не допускаетъ выкупа родовыхъ имѣній, проданныхъ съ публичнаго торга (ст. 1169). Совершенно иначе разрѣшается этотъ вопросъ по гражданскимъ законамъ Прибалтійскихъ губерній, по началамъ которыхъ, основаннымъ на мѣстныхъ источникахъ права и обычаяхъ, право выкупа

имѣній допускается въ довольно широкихъ размѣрахъ даже при условіи публичной продажи имѣнія (ст. 1613 — 1690). Выкупъ (Näherrecht, Retracts oder Beispruchsrecht), по началамъ мѣстнаго права, состоитъ въ правѣ пріобрѣтать отчужденную другимъ недвижимость, съ отстраненіемъ пріобрѣтателя, въ силу преимущественнаго предъ нимъ права, и со вступленіемъ въ его права (ст. 1613), причемъ, будучи вещнымъ правомъ, выкупъ можетъ быть простираемъ не только на перваго пріобрѣтателя подлежащей оному недвижимости, но и на послѣдующихъ (ст. 1614). Право выкупа установляется или закономъ или договоромъ, или завѣщаніемъ (ст. 1615). Право выкупа, установленное закономъ, имѣетъ различныя основанія, изъ которыхъ каждое образуетъ особый видъ сего права и дѣйствуетъ только въ тѣхъ территоріяхъ, въ которыхъ оно именно признано закономъ или обычнымъ правомъ, а право выкупа, основанное на договорѣ или завѣщаніи, дѣлается обязательнымъ для третьихъ лицъ по внесеніи таковаго въ публичныя книги (ст. 1616—1617). Существуя въ такомъ видѣ, право выкупа примѣняется и къ имѣніямъ, проданнымъ съ публичнаго торга, только разница заключается въ томъ, что оно неодинаковое имѣетъ значеніе въ различныхъ территоріяхъ; такъ, напримѣръ, въ Лифляндіи относительно имѣній, проданныхъ съ публичнаго торга, допускаются оба вида выкупа: добровольный и законный, а въ Курляндіи и Эстляндіи—только одинъ добровольный (ст. 1620 и 1660), причемъ предметомъ выкупа въ Лифляндіи и нѣкоторыхъ городахъ Курляндіи могутъ быть не одни наслѣдственныя, родовыя имѣнія, но и благопріобрѣтенныя (ст. 1654, 1658 и 1660), и срокомъ для осуществленія такого права является, по Лифляндскому земскому и Нарвскому городскому правамъ, срочный со дня продажи годъ, а по Лифляндскимъ городскимъ правамъ для заявленій о желаніи осуществить это право, подъ опасеніемъ утраты таковаго, дается шестинедѣльный срокъ со времени ввода во владѣніе (immissio ex secundo decreto, ст. 1651 и 1653). Кромѣ означеннаго права выкупа, мѣстное право допускаетъ еще особое право выкупа, такъ называемаго Einlösungsrecht, состоящее въ правѣ должника и ближайшихъ его наслѣдниковъ представить въ судъ съ цѣлью выкупа предложенную за имѣніе на торгахъ высшую цѣну и издержки (ст. 3965), а также право обратной покупки (Rückkaufrecht), какъ договорное обязательство покупщика продать купленную имъ вещь обратно продавцу, и право преимущественной покупки (Vorkaufsrecht), какъ законное или договорное право продавца пріобрѣсти вещь, въ случаѣ ея перепродажи, предпочтительно предъ другими. Право обратной и преимущественной покупки, если предметомъ его является недвижимость и оно внесено въ публичныя книги, становится вещнымъ правомъ, обязательнымъ для третьихъ лицъ (ст. 3922, 3926, 3927, 3929, 3930, 3933 и 3957).

Изъ этого краткаго содержанія постановленій мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, касающихся права выкупа и обратной и преимущественной покупки, не трудно видѣть, что многія изъ этихъ постановленій позаим-

ствованы изъ германскаго права, которое въ самыхъ широкихъ размѣрахъ допускало подобное право въ пользу членовъ рода, въ пользу общины, въ пользу сосѣдей, въ пользу членовъ дворянскаго сословія и т. п. (такъ наз. retractus gentilitius, retr. ex jure incolatus, retr. ex jure vicinitatis и т. п.). Хотя и римское право, послужившее однимъ изъ главныхъ источниковъ мѣстнаго матеріальнаго права, допускало нѣкоторыя подобныя ограниченія въ нѣсколько аналогическомъ смыслѣ, но они носили тамъ скорѣе личный характеръ, между тѣмъ ограниченія, устанавляемыя въ германскомъ правѣ, являлись съ вещнымъ характеромъ на подобіе существующихъ въ мѣстномъ правѣ Прибалтійскихъ губерній.

Хотя большинство новѣйшихъ законодательствъ и стремится стѣснить означенное право выкупа и право обратной преимущественной покупки, ограничивая его какъ въ объемѣ его примѣненія, такъ и въ срокѣ, назначенномъ для его осуществленія, однако большинство изъ нихъ [121]) и по сіе время допускаетъ это право въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ, причемъ, напримѣръ, французское законодательство создало даже особую форму условной продажи — vente de réméré, по которой продавецъ предоставляетъ себѣ право въ теченіе срока, опредѣляемаго въ законѣ не свыше 5 лѣтъ, получить имѣніе обратно отъ покупщика, уплативъ ему продажную цѣну и расходы и издержки по совершенію продажи [122]).

Въ виду этихъ данныхъ и въ виду того, что всѣ матеріально-правовыя опредѣленія мѣстныхъ гражданскихъ законовъ по вопросу о выкупѣ, обратной и преимущественной покупкѣ съ введеніемъ судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ не потеряли своей силы, пришлось по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ 1169 ст. уст. гражд. суда, воспрещающую выкупъ имѣній, проданныхъ съ публичнаго торга, соотвѣтственно измѣнить въ томъ смыслѣ, что въ Прибалтійскихъ губерніяхъ право выкупа, а также право обратной и преимущественной покупки имѣній, проданныхъ съ публичнаго торга, опредѣляются постановленіями мѣстныхъ гражданскихъ законовъ [123]).

XI.

Стеченіе взыскателей въ исполнительномъ процессѣ, какъ извѣстно, только тогда осложняетъ производство взысканія, когда вырученная отъ продажи имущества должника сумма оказывается недостаточной для полнаго ихъ удовлетворенія, такъ какъ въ этомъ случаѣ интересы взыскателей приходятъ въ коллизію другъ съ другомъ. Вопросъ о судебномъ распредѣленіи между кредиторами вырученной изъ продажи имущества суммы и о преимущественномъ предъ прочими кредиторами правѣ взыскателей на полученія этой суммы законодательствами разрѣшается весьма различно; тѣмъ не менѣе всѣ законодательства, приблизительно, можно раздѣлить въ этомъ отношеніи на двѣ группы, изъ коихъ одни, какъ, напримѣръ французское [124]) и итальянское законодальства [125]), не при-

знаютъ за взыскателями никакого преимущества предъ прочими кредиторами, одинаково допуская всѣхъ кредиторовъ къ участію въ судебномъ распредѣленіи вырученной изъ продажи имущества суммы, другія же законодательства, представителемъ которыхъ можетъ быть признано саксонское законодательство, напротивъ, предоставляютъ взыскателямъ преимущество предъ прочими личными кредиторами, установляя для взыскателей, наложившихъ арестъ на какое либо движимое имущество, право судебнаго заклада (Pfandsrecht durch Hülfsvollstreckung) [126]), или, иначе сказать, право на преимущественное удовлетвореніе изъ этого имущества. Наши судебные уставы въ этомъ отношеніи не усвоили себѣ ни того ни другаго направленія западноевропейскихъ законодательствъ, такъ какъ по нашему уставу гражд. судопроизводства взыскатель, наложившій арестъ по исполнительному листу, не получаетъ никакого преимущества предъ прочими кредиторами, и личные кредиторы, не получившіе исполнительныхъ листовъ, не участвуютъ вовсе въ распредѣленіи взысканной суммы, имѣя только право требовать объ открытіи конкурса, въ случаѣ каковаго раздѣлъ всей конкурсной массы производится уже соразмѣрно суммѣ претензій всѣхъ кредиторовъ.

Если обратимся теперь къ прежде дѣйствовавшему въ прибалтійскихъ губерніяхъ процессу, то мы можемъ убѣдиться, что правила его по вопросу о распредѣленіи взысканной суммы ближе всего подходятъ къ опредѣленіямъ нашего устава гражд. суд., съ тѣми, конечно, особенностями, которыя вытекаютъ изъ дѣйствія тамъ ипотечной системы и обусловливаются особымъ порядкомъ распредѣленія долговъ въ конкурсѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ по мѣстному процессу распредѣленіе взысканной суммы происходило по правиламъ конкурснаго производства, по правиламъ такъ называемаго спеціальнаго конкурса, въ отличіе отъ общаго (general) конкурса, обнимающаго уже все имущество должника. Поэтому многія правила устава гражд. судопроизводства по вопросу о распредѣленіи взысканной суммы между кредиторами (ст. 1214—1222) могли быть перенесены и на Прибалтійскія губерніи, съ соотвѣтственными измѣненіями, вызванными дѣйствіемъ тамъ ипотечной системы и существованіемъ особаго порядка распредѣленія по правиламъ конкурснаго производства, причемъ кромѣ издержекъ по взысканію, подлежащихъ удержанію изъ представленной въ судъ суммы, согласно 1163 ст. уст. граждан. суд., преимущественному тамъ удовлетворенію подлежатъ прежде всего такъ называемыя публичныя поземельныя повинности въ пользу церкви, казны и общинъ, а также и частныхъ лицъ (ст. 1306, 1307, 1320, 1324, 1394 и 3967 ч. III св. мѣстн. узак.), затѣмъ издержки администраціи по охраненію народнаго здравія и безопасности, по проданному съ публичнаго торга имѣнію [127]), и платежи, слѣдующіе лицамъ служившимъ по управленію проданнымъ имѣніемъ или производившимъ въ немъ какія либо работы, за одинъ годъ до публичнаго торга (ст. 4174 ч. III св. мѣст. узак.), а потомъ уже требованія, основанныя на публичныхъ ипотекахъ [128]), и въ такомъ случаѣ по общему

началу ипотечной системы удовлетвореніе такихъ кредиторовъ происходитъ по старшинству внесенія ихъ претензій въ ипотечныя книги. Ранѣе порядокъ этотъ значительно нарушался и интересы ипотечныхъ кредиторовъ страдали, благодаря существованію многихъ частныхъ, безмолвныхъ и генеральныхъ ипотекъ, изъ коихъ многія преимущественно удовлетворялись предъ ипотечными претензіями, внесенными въ публичныя (ипотечныя) книги, но, съ уничтоженіемъ въ настоящее время всѣхъ частныхъ безмолвныхъ и генеральныхъ ипотекъ [129]), интересы ипотечныхъ кредиторовъ значительно обезпечиваются тѣмъ постановленіемъ, что удовлетвореніе ихъ производится по старшинству внесенія ихъ претензій въ ипотечныя книги [130]), и даже требованія лицъ, состоящихъ подъ опекою или попечительствомъ должника, а также несовершеннолѣтнихъ его дѣтей и, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не существуетъ общности имущества супруговъ, требованія жены должника, когда они проистекаютъ изъ управленія должникомъ имуществомъ означенныхъ лицъ, каковыя требованія ранѣе пользовались тайною ипотекою и удовлетворялись преимущественно предъ публичными ипотеками, въ настоящее время съ уничтоженіемъ безмолвныхъ ипотекъ не могутъ уже вредить интересамъ ипотечныхъ кредиторовъ и въ порядкѣ удовлетворенія стоятъ ниже требованій, основанныхъ на публичныхъ ипотекахъ, причемъ, въ случаѣ недостатка вырученной отъ продажи суммы для полнаго ихъ удовлетворенія, удовлетворяются уже по соразмѣрности. Это послѣднее правило, впрочемъ едва ли можетъ быть признано вполнѣ правильнымъ, потому что съ уничтоженіетъ безмолвныхъ ипотекъ и съ предоставленіемъ сиротскимъ судамъ права требовать внесенія въ публичныя (крѣпостныя) книги отмѣтки на недвижимое имущество опекуновъ и родителей, въ качествѣ опекуновъ своихъ дѣтей (ст. 216 и 275 ч. III св. мѣст. узак.), въ обезпеченіе требованій, могущихъ возникнуть изъ управленія имуществомъ опекаемыхъ [131]), и съ предоставленіемъ также и супругамъ, посредствомъ особаго брачнаго или другаго договора, установлять закладное право жены на недвижимость мужа,—всѣ эти требованія, въ силу началъ публичности ипотекъ вносимыя въ ипотечныя книги, въ порядкѣ удовлетворенія ихъ должны бы подчиняться общему началу старшинства ипотекъ по времени внесенія ихъ въ публичныя книги, порядокъ же удовлетворенія по соразмѣрности могъ быть примѣненъ, по общему правилу, только къ претензіямъ личныхъ кредиторовъ, не внесеннымъ въ ипотечныя книги. Несмотря на это, то же начало удовлетворенія этихъ требованій по соразмѣрности примѣнено и къ производству дѣлъ о несостоятельности, въ случаѣ открытія общаго конкурса [132]). При этомъ мы не можемъ здѣсь не обратить вниманія на то противорѣчіе, которое замѣчается по данному предмету между отдѣльными постановленіями закона: опредѣляя порядокъ удовлетворенія требованій при распредѣленіи вырученной отъ продажи имѣнія суммы, законъ требованія лицъ, состоящихъ подъ опекою или попечительствомъ должника, а также несовершеннолѣтнихъ его дѣтей

и жены, въ порядкѣ удовлетворенія ставитъ ниже другихъ требованій, основанныхъ на публичныхъ ипотекахъ [133]), между тѣмъ по «правиламъ о производствѣ дѣлъ о несостоятельности» (ст. 36 и др.) означенныя требованія, наоборотъ, по очереди удовлетворенія стоятъ выше и причисляются къ долгамъ перваго разряда, хотя въ томъ и другомъ случаѣ основанія для удовлетворенія различнаго рода требованій являются одни и тѣ же, почему по прежде дѣйствовавшему въ Прибалтійскихъ губерніяхъ процессу и распредѣленіе взысканной суммы между кредиторами производилось по правиламъ конкурснаго производства и носило названіе спеціальнаго конкурса.

Что касается личныхъ кредиторовъ, не обезпечившихъ своихъ претензій внесеніемъ таковыхъ въ ипотечныя книги, то къ примѣненію по этому предмету къ Прибалтійскимъ губерніямъ правилъ устава гражданскаго судопроизводства не встрѣтилось какихъ либо препятствій, причемъ только 1222 статья, предоставляющая, между прочимъ, личнымъ кредиторамъ, не получившимъ вовсе удовлетворенія или получившимъ неполное удовлетвореніе, право просить о признаніи должника несостоятельнымъ или искать удовлетворенія изъ прочаго имущества должника, было дополнено въ томъ отношеніи, что это право предоставляется не только личнымъ, но и всѣмъ остальнымъ кредиторамъ, не получившимъ удовлетворенія [134]), потому что правило объ исключительномъ удовлетвореніи залогодержателя изъ заложеннаго имущества не можетъ быть примѣнимо къ Прибалтійскимъ губерніямъ, по гражданскимъ законамъ которыхъ (ст. 1456) залогодержатель, не получившій вовсе удовлетворенія изъ заложенной недвижимости или получившій неполное удовлетвореніе, вправѣ обратить свое взысканіе и на всякое другое имущество должника.

Въ заключеніе по данному вопросу остается еще обратить вниманіе на то обстоятельство, что при дѣйствіи ипотечной системы, усложняющей раздѣлъ вырученной отъ продажи имѣнія суммы установленіемъ порядка удовлетворенія по старшинству ипотечныхъ претензій, пришлось 1214 статью устава гражданскаго судопроизводства измѣнить въ томъ смыслѣ, что сумма, вырученная отъ продажи недвижимаго имѣнія, во всякомъ случаѣ представляется въ мѣстный окружный судъ, а не тогда только, когда она недостаточна для полнаго удовлетворенія кредиторовъ [135]), потому что невозможно же судебному приставу предоставить право разрѣшенія вопросовъ о старшинствѣ и преимуществѣ различнаго рода ипотечныхъ долговъ.

XII.

Къ числу дѣлъ, которыя, слѣдуя общему порядку гражданскаго судопроизводства, вызываютъ изъ него нѣкоторыя изъятія, относятся между прочимъ дѣла о законности рожденія. Хотя правила о вчинаніи и по-

рядкѣ производства этихъ дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ, образованныхъ на основаніи судебныхъ уставовъ, изложены въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, но нѣтъ сомнѣнія, что правила эти должны находиться подъ непосредственнымъ и ближайшимъ вліяніемъ матеріально-правовыхъ опредѣленій гражданскихъ законовъ. И, дѣйствительно, сравнивая правила устава гражданскаго судопроизводства по данному предмету (ст. 1347 — 1356) съ постановленіями гражданскихъ законовъ (ст. 119 — 131, ч. 1, т. X), мы можемъ видѣть, что эти послѣднія постановленія приняты главнѣйшимъ основаніемъ при составленіи правилъ о судебномъ производствѣ дѣлъ о законности рожденія, и, какъ видно изъ объяснительной записки къ уставу гражданскаго судопроизводства (объяснительная записка 1864 г., стр. 56), въ этихъ постановленіяхъ сдѣланы были только такія измѣненія, которыя вызываются сущностью состязательнаго процесса. При такой тѣсной зависимости процессуальныхъ правилъ о производствѣ дѣлъ о законности рожденія отъ матеріально-правовыхъ опредѣленій, является несомнѣннымъ, что правила эти не могутъ быть одинаковы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ различныя системы матеріальнаго права, и если, въ виду особаго характера этихъ дѣлъ, всѣми новѣйшими законодательствами заимствовано изъ римскаго права такъ называемое законное предположеніе (praesumptio juris), что мужъ матери считается отцомъ ребенка, пока не будетъ доказано противнаго (pater est quem justae nuptiae demonstrant), но и это предположеніе получило не одинаковое значеніе въ различныхъ законодательствахъ. Какъ извѣстно, римское право, высказывая означенное предположеніе (praesumptio juris), исходнымъ пунктомъ своимъ принимало *зачатіе*, а не рожденіе ребенка въ законномъ бракѣ. Такого рода начало уже не могло получить столь безусловной силы въ новѣйшихъ законодательствахъ, и даже законодательство французское («Code Civil»—art. 312—315) и наши польскіе гражданскіе законы (ст. 272—279 гражданскаго уложенія 1825 г.), наиболѣе усвоившіе это начало, допускаютъ его съ нѣкоторыми ограниченіями, а другія законодательства, напримѣръ, австрійское («общее гражданское уложеніе» 1811 г.—ст. 138, 155 — 159) и саксонское («гражданское уложеніе» ст. 1772 — 1779), придерживаясь тѣхъ же законныхъ предположеній (praesumptiones juris), для признанія законности рожденія не исходятъ единственно изъ зачатія ребенка, а придаютъ большое значеніе и рожденію ребенка въ законномъ бракѣ. Наши гражданскіе законы Имперіи (ст. 119 и др.) идутъ еще дальше въ этомъ отношеніи, объявляя всѣхъ дѣтей, рожденныхъ въ законномъ бракѣ, законными, хотя бы по естественному порядку слишкомъ рано родились отъ совершенія брака, если только отецъ не отрицалъ законности ихъ рожденія. Этимъ различіемъ матеріальныхъ гражданскихъ законовъ объясняется то обстоятельство, что при распространеніи судебныхъ уставовъ на губерніи Царства Польскаго, правила устава гражданскаго судопроизводства о вчинаніи и по-

рядкѣ производства дѣлъ о законности рожденія могли быть примѣнены тамъ только съ изъятіями, установленными въ статьяхъ 272—278 и 279—290 дѣйствующаго тамъ гражданскаго уложенія 1825 года.

Въ нѣсколько аналогичномъ положеніи находился законодатель, распространяя правила устава гражданскаго судопроизводства по данному предмету на Прибалтійскія губерніи, потому что дѣйствующіе тамъ мѣстные гражданскіе законы, подъ вліяніемъ началъ римскаго права, содержатъ по этому предмету нѣкоторыя довольно существенныя особенности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно заимствованныя изъ римскаго права. Прежде всего, по законамъ Прибалтійскихъ губерній, законными признаются дѣти, которыя *зачаты* или *родились* въ законномъ бракѣ, причемъ если кто родился не ранѣе 182 дней по совершеніи брака, то предполагается зачатымъ въ бракѣ, а родившійся не позже 10 мѣсяцевъ по прекращеніи брака предполагается рожденнымъ въ бракѣ (ст. 134 и 135, ч. III свода мѣстныхъ узаконеній). Далѣе въ числѣ особенностей мѣстнаго права по данному предмету являются слѣдующія постановленія мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, на которыя мы не можемъ здѣсь не обратить вниманія. Если жена, говорится въ 140 ст., ч. III свода мѣстныхъ узаконеній, послѣ развода, почувствуетъ себя беременною и формально заявитъ о томъ бывшему своему мужу въ теченіе 30 дней со времени совершенія бракоразводнаго акта, то мужъ вправѣ требовать, чтобы подлежащая свѣтская власть подвергла бывшую жену его, на его счетъ, освидѣтельствованію и надзору, а если мужъ не воспользуется этимъ правомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по полученному отъ жены увѣдомленію, не объявитъ ей, что она забеременѣла не отъ него, то младенца, которымъ она разрѣшится въ надлежащій отъ времени его зачатія срокъ, мужъ обязанъ признавать своимъ законнымъ, пока не докажетъ, что этотъ младенецъ рожденъ не отъ него, и, наоборотъ, если жена не заявитъ о своей беременности въ установленный закономъ срокъ, или уклонится отъ освидѣтельствованія и надзора, то мужъ не обязанъ признавать младенца своимъ. Впрочемъ, судъ, въ случаѣ уважительныхъ причинъ, можетъ снова возстановить для жены упущенное ею такимъ образомъ право, а что же касается рожденнаго отъ нея лица, то оно сохраняетъ право требовать во всякое время, само или чрезъ своего опекуна, признанія законности своего рожденія, причемъ упущеніе матери ни въ какомъ случаѣ не можетъ ему вредить (ст. 141—143). Эти правила имѣютъ силу и для вдовы, которая, почувствовавъ себя беременною послѣ смерти мужа, должна заявить объ этомъ тѣмъ изъ ближайшихъ родственниковъ умершаго ея мужа, на которыхъ переходятъ его въ этомъ отношеніи права и обязанности (ст. 144) [136]). Такія особенности мѣстнаго права, конечно, не могли соотвѣтственно не измѣнить правилъ устава гражданскаго судопроизводства, опредѣляющихъ порядокъ производства дѣлъ о законности рожденія [137]). При этомъ только не можемъ не обратить вниманія на то различное положеніе, въ которомъ на-

ходился законодатель при распространеніи правилъ устава гражданскаго судопроизводства по данному предмету на губерніи Царства Польскаго и на Прибалтійскія губерніи. Какъ извѣстно, дѣйствующіе въ Привислянскихъ губерніяхъ мѣстные гражданскіе законы даютъ подробныя правила по данному предмету, опредѣляющія какъ срокъ вчинанія дѣлъ о законности рожденія, такъ и тѣхъ лицъ, которымъ предоставляется это право, а отчасти даже и силу и значеніе нѣкоторыхъ доказательствъ, представляемыхъ по означеннымъ дѣламъ. Поэтому при распространеніи судебныхъ уставовъ на Привислянскія губерніи, представилось вполнѣ возможнымъ дѣйствіе статей 1346—1353 уст. гражд. суд., опредѣляющихъ изъятія въ производствѣ дѣлъ о законности рожденія изъ общаго порядка производства, вовсе отмѣнить и замѣнить ихъ соотвѣтствующими правилами, изложенными въ 272—278 ст. гражданскаго уложенія 1825 г., а статью 1354 уст. гражд. суд., говорящую о значеніи и силѣ доказательствъ по дѣламъ о законности рожденія, дополнить правилами, установленными въ 279—290 статьяхъ того же гражданскаго уложенія [138]). Къ принятію этихъ правилъ не встрѣтилось препятствій и потому, что мѣстные гражданскіе законы Привислянскихъ губерній въ этомъ отношеніи не только удовлетворяютъ тѣмъ задачамъ, которыя преслѣдовалъ законодатель, установляя въ уставѣ гражданскаго судопроизводства изъятія изъ общаго порядка производства для дѣлъ о законности рожденія, но даже идутъ еще далѣе въ этомъ отношеніи. Желая оградить чистоту и святость семейнаго союза и охранить неприкосновенность семейныхъ отношеній и въ то же время устранить неосновательные иски о незаконности рожденія, редакторы судебныхъ уставовъ право вчинанія этихъ исковъ ограничили болѣе или менѣе краткимъ срокомъ: для отца—годовымъ со дня рожденія младенца (двухгодовымъ, если онъ находился заграницей) (ст. 1350) и трехмѣсячнымъ для наслѣдниковъ (ст. 1352—1353) и обставили вчинаніе этихъ исковъ для наслѣдниковъ болѣе или менѣе стѣснительными условіями [139]). Мѣстные гражданскіе законы Привислянскихъ губерній идутъ въ этомъ отношеніи еще далѣе, сокращая срокъ для предъявленія иска о незаконности рожденія дитяти — для отца—до одного мѣсяца (въ случаѣ отсутствія его—до двухъ мѣсяцевъ, по возвращеніи) (ст. 276) и для наслѣдниковъ его до двухъ мѣсяцевъ, считая съ того времени, когда это дитя вступило во владѣніе имуществомъ мужа матери или когда оно стало нарушать владѣніе его наслѣдниковъ (ст. 277). Такого рода гарантіи для охраненія неприкосновенности семейныхъ отношеній и обезпеченія состоянія дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ, признаются многими новѣйшими западно-европейскими законодательствами, напр., Саксонскимъ, Австрійскимъ, Французскимъ и др. [140]). Нѣсколько иное было положеніе законодателя при примѣненіи судебныхъ уставовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, потому что дѣйствующіе тамъ мѣстные гражданскіе законы не опредѣляютъ точно ни срока, въ который должны быть вчинаемы дѣла о незаконности рожденія, ни

тѣхъ лицъ, которымъ предоставляется такое право, откуда можно заключить, что право на вчинаніе подобныхъ исковъ подчиняется тамъ общимъ правиламъ о давности и пользованіе таковымъ не ограничивается тѣми опредѣленными лицами, которыя указаны въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Поэтому, въ видахъ установленія гарантій, признаваемыхъ въ этомъ случаѣ нашими общими законами Имперіи и многими новѣйшими законодательствами, правила устава гражданскаго судопроизводства по данному предмету (ст. 1346—1356) были распространены и на Прибалтійскія губерніи съ измѣненіемъ только 1348 и 1349 ст., согласно особенностямъ мѣстнаго матеріальнаго права (ст. 132, 144 и 147).

Оканчивая разсмотрѣніе правилъ, опредѣляющихъ порядокъ производства дѣлъ о законности рожденія, я не могу не обратить вниманія на нѣкоторыя неясности новаго закона. Во первыхъ, въ положеніи о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (ст. 159) говорится только объ измѣненіи 1348 и 1349 статьи устава гражданскаго судопроизводства въ примѣненіи таковаго къ Прибалтійскимъ губерніямъ, объ измѣненіи же 1354 ст. ничего не говорится, между тѣмъ она несомнѣнно подвергается измѣненію, въ виду дѣйствія 138 ст. ч. III свода мѣстныхъ узак., говорящей о томъ, что совершеннымъ доказательствомъ законности рожденія лица, помимо метрическихъ свѣдѣтельствъ, о которыхъ говоритъ 1354 ст. уст. гр. суд., считается и прямо высказанное или засвидѣтельствованное несомнѣнными дѣйствіями признаніе этого лица со стороны отца своимъ. Во вторыхъ, редакція 159 статьи положенія, измѣняющей 1348 и 1349 ст. уст. гр. суд., положительно неудовлетворительна и можетъ вслѣдствіе этого вести къ неправильному ея толкованію. Дѣло въ томъ, что 1348 ст. уст. гр. суд. говоритъ объ обязанности мужа, въ случаѣ оспариванія имъ законности рожденія отъ его жены младенца, доказать, что онъ находился *въ разлукѣ* съ своею женою въ теченіе всего того времени, къ которому можно отнести зачатіе младенца, и при этомъ сдѣланы ссылки на 119 и 125 ст. общихъ гражданскихъ законовъ Имперіи (т. X ч. 1), въ которыхъ требуется, для законности рожденія, чтобы оно послѣдовало не прежде 180 дней послѣ совершенія бракосочетанія и не позже 306 дней по прекращеніи или расторженіи брака, между тѣмъ по мѣстнымъ гражданскимъ законамъ Прибалтійскихъ губерній такими сроками соотвѣтственно считаются 182 дня и 10 мѣсяцевъ (ст. 134 и 135), и кромѣ того въ опроверженіе предположеній (praesumptiones juris), истекающихъ изъ сихъ сроковъ, о законности рожденія доказательствами допускаются не одна только *разлука*, о которой говоритъ 1348 ст. уст. гр. суд., а всякаго рода другія данныя, могущія служить доказательствами въ гражданскомъ процессѣ (ст. 134—136 и 141, а также см. рѣшеніе рижскаго ландфохт. суда отъ 10 марта 1869—въ Сборникѣ Цвингмана—т. I, № 13). Такимъ образомъ 1348 ст. уст. гр. суд. въ примѣненіи къ Прибалтійскимъ губерніямъ подвергается коренному измѣненію, между тѣмъ 159 статья положенія, измѣ-

няющая эту статью, говоритъ слѣдующее: «*при примѣненіи* статей 1348 и 1349 устава гражданскаго судопроизводства *соблюдаются также* правила, изложенныя въ статьяхъ 132—144 и 147 свода мѣстныхъ узаконеній». Буквальный смыслъ редакціи этой статьи приводитъ къ тому выводу, что какъ будто 1348 статья сохраняетъ свою силу и по отношенію къ Прибалтійскимъ губерніямъ и только дополняется нѣкоторыми правилами, вытекающими изъ особенностей мѣстнаго матеріальнаго права, между тѣмъ такой выводъ, очевидно, будетъ неправильный по существу и происходитъ оттого, что буквальный смыслъ 159 статьи положенія противорѣчитъ логическому ея смыслу.

XIII.

Такъ какъ судебное рѣшеніе не является единственнымъ способомъ окончанія процесса, а существуютъ еще другіе способы, къ числу которыхъ относятся и мировыя сдѣлки, то уставъ гражданскаго судопроизводства даетъ рядъ правилъ, касающихся примирительнаго разбирательства (ст. 1357—1366); правила эти въ большинствѣ заимствованы изъ прежнихъ нашихъ законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ съ согласованіемъ ихъ съ нормами новаго процесса по судебнымъ уставамъ. Хотя правила по этому предмету помѣщаются и въ процессуальныхъ законахъ, но нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно носятъ на себѣ характеръ матеріально-правовыхъ опредѣленій, почему они во многихъ западноевропейскихъ законодательствахъ [141]), а также и въ мѣстныхъ законодательствахъ Царства Польскаго [142]) и Прибалтійскихъ губерній [143]) помѣщаются въ матеріальныхъ гражданскихъ законахъ, опредѣляющихъ основанія, форму и послѣдствія мировой сдѣлки, тѣ юридическія отношенія, которыя ею объемлются и, наконецъ, основанія, по которымъ мировая сдѣлка можетъ быть оспорена. Разумѣется, всѣ эти матеріально-правовыя опредѣленія должны оказывать существенное вліяніе на опредѣляющія порядокъ примирительнаго разбирательства процессуальныя правила. Поэтому, при введеніи судебной реформы въ Привислянскихъ губерніяхъ, правила устава гражданскаго судопроизводства по этому предмету, подъ вліяніемъ матеріально-правовыхъ опредѣленій гражданскаго кодекса (ст. 2053—2258), подверглись соотвѣтственнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ (уст. гр. суд. ст. 1626 — 1627). То же самое должно было произойти и при введеніи судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, потому что опредѣленія дѣйствующихъ тамъ мѣстныхъ законовъ по данному предмету значительно дополняютъ и измѣняютъ постановленія устава гражданскаго судопроизводства. Прежде всего по 1357 ст. уст. гр. суд. совершеніе мировыхъ сдѣлокъ допускается *во всякомъ положеніи* дѣла, но это выраженное въ столь безусловной формѣ правило приходитъ въ столкновеніе съ дѣйствующими въ Прибалтійскомъ краѣ матеріально-правовыми опредѣленіями, по силѣ которыхъ

(ст. 3593) мировая сдѣлка предметомъ своимъ можетъ имѣть юридическія отношенія спорнаго характера, вслѣдствіе чего дѣло, оконченное вошедшимъ въ законную силу судебнымъ рѣшеніемъ, не можетъ быть предметомъ мировой сдѣлки (ст. 3597), хотя таковая, конечно, не можетъ быть запрещена относительно самаго образа исполненія рѣшенія. Поэтому и необходимо было въ 1357 ст. уст. гражд. суд., при примѣненіи таковой къ Прибалтійскимъ губерніямъ, сдѣлать соотвѣтственное дополненіе (ст. 160 положенія).

Что касается формы мировыхъ сдѣлокъ, то хотя мѣстное матеріальное право, вообще, относится безразлично къ внѣшней формѣ юридическихъ сдѣлокъ, предоставляя таковую усмотрѣнію сторонъ, вслѣдствіе чего и мировыя сдѣлки могутъ быть совершаемы также во всякой формѣ, причемъ для дѣйствительности ихъ достаточно одного взаимнаго соглашенія сторонъ (ст. 3605), но однако и мѣстное право (ст. 3598) выдѣляетъ изъ мировыхъ сдѣлокъ тѣ изъ нихъ, которыя совершаются по дѣламъ, находящимся въ производствѣ суда, а потому правила устава гражданскаго судопроизводства по данному предмету могли быть безъ всякаго измѣненія примѣнены и къ Прибалтійскимъ губерніямъ. Но за то въ отношеніи опредѣленія послѣдствій мировой сдѣлки (ст. 1364 и 1366 уст. гр. суд.), правила устава гражданскаго судопроизводства должны были подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ (ст. 161 положенія), потому что хотя мѣстное право по этому вопросу проводитъ также начало безповоротности мировой сдѣлки, приравниваемой по своему дѣйствію къ вошедшему въ законную силу судебному рѣшенію (ст. 3606—3608), но допускаетъ и возможность отмѣны ея при наличности извѣстныхъ условій, какъ-то обмана, принужденія или ошибки, имѣвшихъ вліяніе на заключеніе сдѣлки, а по Эстляндскому и Пильзенскому земскимъ правамъ—и при наличности ущерба свыше половины стоимости предмета мировой сдѣлки (ст. 3614 — 3616), а также мѣстное право опредѣляетъ дѣйствіе мировой сдѣлки относительно третьихъ лицъ и тѣ юридическія отношенія, которыя объемлются мировою сдѣлкою (ст. 3610 — 3611). Хотя нѣкоторыя изъ этихъ положеній мѣстнаго права, какъ, напримѣръ, объ отмѣнѣ мировой сдѣлки при наличности только ущерба свыше половины стоимости ея, являются съ научной стороны крайне шаткими, вслѣдствіе чего они и не встрѣчаются въ новѣйшихъ законодательствахъ, и если нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Австрійское (ст. 1386 общаго гражд. уложенія Австрійской имперіи) и Сербское (ст. 859 Сербскаго уложенія), говорятъ объ отмѣнѣ мировой сдѣлки, въ случаѣ ущерба болѣе, чѣмъ на половину, то только при наличности общихъ условій отмѣны ея вслѣдствіе обмана или принужденія и при отсутствіи добросовѣстности со стороны контрагента,—но тѣмъ не менѣе всѣ эти положенія мѣстнаго матеріальнаго права съ введеніемъ судебной реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ остались не отмѣненными, а потому необходимо было съ ними считаться при распростране-

ніи на Прибалтійскія губерніи правилъ устава гражданскаго судопроизводства, опредѣляющихъ порядокъ и послѣдствія прекращенія процесса мировою сдѣлкою.

Этимъ мы оканчиваемъ первый отдѣлъ измѣненій, внесенныхъ положеніемъ о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, и намъ остается теперь перейти къ разсмотрѣнію правилъ объ «особыхъ производствахъ», замѣнившихъ собою постановленія о судопроизводствѣ охранительномъ (ст. 1401—1460 уст. гр. суд.), но, въ виду разнообразія и крайне своеобразнаго характера этихъ «особыхъ производствъ», я считаю болѣе удобнымъ посвятить разсмотрѣнію ихъ отдѣльную — третью статью — моего очерка, предназначеннаго къ выясненію особенностей гражданскаго судопроизводства въ Прибалтійскомъ краѣ.

---

1) Проектъ IV части Свода мѣстныхъ узаконеній губ. Остзейскихъ, книга шестая, §§ 2876, 3055 и 3024.

2) Сводъ Законовъ, т. X, ч. 1, ст. 485, 492, 510 и др.

3) Сводъ Законовъ, т. X, ч. 2, ст. 2251—2256 (изд. 1857 г.), и ст. 1466—1471 (изд. 1876 г.).

4) Ibid. Ст. 2045 (изд. 1857 г.) и ст. 1259 (изд. 1876 г.).

5) Объяснительная Записка 1863 г., ч. 2, стр. 204—205.

6) Уставъ гражданскаго судопроизводства. Ст. 1208 и мотивы къ ней въ изданіи Государств. Канцеляріи, ч. I. Стр. 561—562 (2-е изд.).

7) Уставъ гражд. судопроизводства. Ст. 933—936 и др. (глава III пятаго раздѣла).

8) Уставъ гражд. судопроизводства. Ст. 1192—1196.

9) Сводъ Законовъ, т. X, ч. 2. Ст. 2045 (изд. 1857 г.).

10) Журналъ Государств. Совѣта, 1864 года, № 44. Стр. 81—82.

11) Сводъ Зак., т. X, ч. 2. Ст. 2251—2256 (изд. 1857 г.).

12) Сводъ Зак., т. X, ч. 1. Ст. 485, 492, 510 и др...

13) Малышевъ.—«Курсъ гражд. судопр.», т. II, стр. 148.

14) Уставъ гражд. суд. Ст. 1192—1196.

15) Судебные Уставы 20 ноября 1864 г.—изданіе Государств. Канцеляріи — второе изданіе, т. 1, стр. 558.

16) Уставъ гражд. суд., изд. 1883 года. Ст. 1588; — Положеніе 19 февраля 1875 г., № 54401, ст. 211.

17) Полож. 1875 г., февр. 19,—№ 54401, ст. 167 (Уставъ гражд. суд., изд. 1883 г. Ст. 1544).

18) «Объяснительная Записка къ проекту устава гражд. суд. Царства Польскаго» стр. 146.

19) «Code Civil».—Ст. 2212; Гражданскій кодексъ, книга III-я, ст. 2212.

20) L. 15, § 2, 8. Dig. (42, 1).

21) Сводъ Зак., т. X, ч. 2. Ст. 1856, изд. 1857 г. (Ст. 1096 по изд. 1876 г.).

22) Уставъ гражд. суд., ст. 935.

[23]) Журналъ Государств. Совѣта, 1864 г., № 44. Стр. 53—54. Уставъ гражд. суд. Ст. 936.

[24]) Уставъ гражд. суд., ст. 977.

[25]) Ibid., ст. 1115.

[26]) Проектъ V части Свода мѣстныхъ узакон. губ. Остзейскихъ: Уставъ гражд. судопр. §§ 853 и 854.

[27]) Полож. 1875 г., 19 февраля, № 54401, ст. 168. Гражданскій Кодексъ губерній Царства Польскаго—книга III-я, ст. 2204—2217.

[28]) Гражданскій Кодексъ—книга III, ст. 2206.

[29]) Ibid., ст. 2209.

[30]) Сводъ мѣстн. узак. губ. Остз. ч. III,—напримѣръ, ст. 1441 и др.

[31]) Положенія о преобразов. судебной части въ Прибалт. губ., ст. 63.

[32]) Эстляндское крестьянское пол.—1856 г. § 1036—1037; Лифляндское—1860 г. § 917 и Курляндское—1817 г. § 523.

[33]) Положеніе о преобраз. судебн. части въ Прибалт. губ.—Изданіе Минист. Юстиціи—Гасмана и Нолькена, ч. I, стр. 90.

[34]) Уставъ гражд. судопр., ст. 935,—примѣчаніе; а также общее полож. о крест., ст. 24, примѣч. 3 и 4 (по прод. 1879 г.); Полож. о выкупѣ—ст. 126 и мѣстное Пол. Великорос., ст. 257.

[35]) Уставъ гражд. суд., ст. 973, пп. 1—11.

[36]) Ibid., ст. 974, пп. 1—4.

[37]) Ibid., ст. 975.

[38]) Журналъ Государственнаго Совѣта 1862 г., № 65, стр. 126.

[39]) Сводъ Зак., т. X, ч. 1, ст. 386—392, т. VIII—ст. 52, т. XII, ч. 1, ст. 467—468, и др...

[40]) Сводъ мѣстн. узак. губ. Остз., ч. III, ст. 557, а также 558—561.

[41]) L. 13, § 31. D. de A. E. V. (19, 1); L. 17, § 6, 7, 8, 10 и 11 D. de A. E. V. (19, 1) и др...

[42]) Windscheid—«Lehrbuch des Pandektenrechts» B. I, § 143 (4-е изд.). Пухта Курсъ римскаго гражд. права, т. I (въ русскомъ переводѣ), стр. 105—106.

[43]) «Code Civil», art 524—526; «Саксонское гражданское уложеніе»—ст. 65—71; «Граждан. уложеніе Цюрихскаго Кантона», ст. 476—483; «Гражд. улож. Княж. Сербіи, ст. 186—189; «Австрійское гражд. улож.», ст. 294—296.

[44]) «Саксонское гражд. улож.», ст. 70.

[45]) «Code Civil», art. 524.

[46]) «Общее гражд. улож. Австрійской Имперіи», ст. 296.

[47]) «Гражд. улож. Княж. Сербіи», ст. 188.

[48]) «Гражд. улож. Цюрихскаго Кантона», ст. 476.

[49]) Сводъ мѣстн. узак. губ. Остз., ч. III, ст. 566.

[50]) Полож. о преобраз. судебной части въ Прибалт. губ., ст. 105,—примѣч.

[51]) Сводъ мѣстн. узак. губ. Остз., ч. III, ст. 557—573.

[52]) Лифляндское крестьян. положеніе, 1860 г. § 124, 125 и 129, и Эстляндское, 1856 г. § 73 п. 4 и § 1005 п. 1.

[53]) Положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалт. губ.—изданіе Мин. Юстиціи—Гасмана и Нолькена, ч. I, стр. 91.

[54]) Сводъ мѣстн. узаконенія губ. Остз., ч. III, ст. 4095.

[55]) Положеніе о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ., ст. 166.

[56]) Сводъ Зак., т. XII, ч. 2, ст. 390—391.

[57]) Эти правила, основанныя на 10 п. 973 ст., уст. гр. суд., не получили

примѣненія въ губерніяхъ Варшав. судебн. округа (см. ст. 1551 уст. гр. суд., по изд. 1883 г.).

[58]) Сводъ Зак., т. X, ч. 2, ст. 2274 по изд. 1857 г. (ст. 1486 по изд. 1876 г.).

[59]) Сводъ Зак., т. X, ч. 1, ст. 109—117.

[60]) Положеніе 19 февр. 1875 г. № 54401, ст. 175 (1552 ст. Уст. гражд. суд., по изд. 1883 г.).

[61]) Гражданское уложеніе Ц. П. 1825 года, ст. 191—235.

[62]) Дѣйствующія въ отдѣльныхъ территоріяхъ узаконенія: 1) Лифляндское земское право; 2) Эстляндское земское право; 3) Курляндское земское право; 4) Пильзенское земское право; 5) Лифляндское город. право; 6) Эстляндское город. право; 7) Курляндскія городскія права; 8) Нарвское город. право; 9) Гражд. права крестьянъ, и 10) Особенныя постановленія относительно Лифляндскаго и Эстляндскаго духовенства.

[63]) Крестьянскія положенія: Лифляндское 1860 года ноября 13 (№ 36312); Острова Эзеля 1819 года марта 26 (№ 27735); Эстляндское 1856 года іюля 5 (№ 30693) и Курляндское 1817 г. августа 25 (№ 27024).

[64]) Сводъ мѣстн. узак. губ. Остз., ч. III, ст. 10—32, 41—109, 117—128.

[65]) Крестьян. положенія: Лифляндское 1819 г. § 359 и 1860 г. §§ 945 и 946, Эстляндское 1856 г. §§ 1057 и 1062, и Курляндское 1817 г. § 70.

[66]) См. у Анненкова—«Опытъ комментарія къ уставу гражд. суд.», т. V, стр. 141 (2-е изданіе).

[67]) Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. — изданіе Государств. Канцеляріи т. I, стр. 470 (2-е изданіе).

[68]) Журналъ Государств. Совѣта, № 34, стр. 8.

[69]) Сводъ мѣстныхъ узак. губ. Остз., ч. III, ст. 1434.

[70]) Ibid., ст. 1602 и 3967.

[71]) Положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губер., статьи 108, 112, 113, 114, 117, 120, 122, 123, 124, 127, 129, 135, 143, 144, 148.

[72]) Уставъ гражд. судопр., изд. 1883 г., ст. 1556.

[73]) Уставъ гражд. судопр., изд. 1883 г., ст. 1563 и 1564.

[74]) Сводъ мѣстн. узак. губ. Остз., ч. III, ст. 3950 и 1457.

[75]) Положеніе о преобраз. судебн. части въ Прибалт. губ., изданіе Минист. Юстиціи, Гасмана и Нолькена, ч. I, стр. 100—101.

[76]) Положеніе о преобраз. судеб. части въ Прибалт. губ., ст. 118 и 119.

[77]) Положеніе о преобраз. судеб. части въ Прибалт. губ., ст. 111 и 120.

[78]) Уставъ гражд. суд., по изд. 1883 г., ст. 1561.

[79]) Сводъ мѣстн. узак. губ. Остз., ч. III, ст. 1343—1344 и 1372, а также см. «Саксонское гражд. уложеніе»,—ст. 372, 388, 389, 424 и 410; «Общее гражданское уложеніе Австрійской Имперіи»,—ст. 457 и др.; Законъ о привилегіяхъ и ипотекахъ въ Царствѣ Польскомъ, 1818 г., ст. 47.

[80]) Уставъ гражд. суд., ст. 1562 и 1571.

[81]) Ibid., ст. 1115, 1116, 1153, 1155, 1199—1201.

[82]) Положеніе о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ., ст. 121 и 136.

[83]) Ibid., ст. 150, а также Сводъ мѣстн. узак. губ. Остз., ч. III, ст. 1344 и 1372.

[84]) «Законъ объ укрѣпленіи права собственности на недвижимыя имущества, о привилегіяхъ и ипотекахъ». 1818 года, ст. 11.

[85]) Сводъ мѣстн. узак. губ. Остз., ч. III, ст. 1357, 1377, 1378, 1403, 1404 и др.

[86]) Положеніе о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ.: «о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ законопол. объ ипотекахъ»,—ст. 1 и 4.

[87]) Полож. о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ., ст. 109, «о нѣкот. измѣненіяхъ въ законополож. объ ипотекахъ»,—ст. 2.

[88]) Наприм. «Саксонское гражд. уложеніе», ст. 395 и др.; «Общее гражд. улож. Австрійской Имперіи», ст. 436 и др.; «Гражданское уложеніе Цюрихскаго кантона»,—ст. 785; Ипотечный Уставъ Царства Польскаго 1818 года, ст. 11, 50, 51, 111 и др.

[89]) Сводъ Зак., т. X, ч. 2, ст. 30—46, 2016, изд. 1857 г. (ст. 26—38, 1238, по изд. 1876 г.).

[90]) «Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. съ излож. разсужденій, на коихъ они основаны», изд. Государств. Канцеляріи (2-е изд.), т. I, стр. 562—563.

[91]) Гражд. кодексъ губерній Царства Польскаго, книга III-я, ст. 2085—2091.

[92]) Положеніе о преобраз. судебной части въ Прибалт. губ., ст. 126.

[93]) См. L. 4; L. 62 § 1. D. de contrah. emtione (XVIII, 1); L. 39 § 3 D. de evictionibus... (XXI, 2).

[94]) Сводъ мѣстн. узак. губ. Остз., ч. III, ст. 1260, 1439, 1617, 3016, 3926, 3933, 4045.

[95]) Ibid. ст. 3115, 3877 и 4126.

[96]) Ibid. ст. 4127; Крестьянскія положенія: Лифлянд.—1819 г. § 484 и 1860 г. § 208, Эстлянд. 1856 г. § 112; Высоч. утв. 6 сентября 1863 г. правила для пріобрѣтенія въ собств. и заключенія арендныхъ договоровъ въ Курлянд. губ. § 12 (№ 40034), и Высоч. утв. 19 февр. 1865 г. правила о поземельн. устр. крест. острова Эзеля, ст. 29 (№ 41820).

[97]) Положеніе о преобраз. судебн. части въ Прибалт. губ., ст. 115 и 116.

[98]) Уставъ гражд. судопр. изд. 1883 г., ст. 1559.

[99]) Этотъ порядокъ въ губерніяхъ Лифляндской и Курляндской основывался на крестьянскихъ положеніяхъ (см. Лифлянд.—1860 г. § 892 и Курлянд.—1817 г. § 492 и 523), а въ Эстляндской—на установившемся обычаѣ.

[100]) Положеніе о преобраз. судеб. части въ Прибалт. губ., ст. 127—129.

[101]) Ibid., ст. 131 (въ измѣненіе 1142 и 1145 ст. уст. гражд. суд.).

[102]) «Объяснительная Зап.» 1863 г., ч. 2, стр. 163.

[103]) Положеніе о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ., ст. 133—134.

[104]) «Саксонское гражд. улож.» 1863 года, ст. 515—518.

[105]) «Саксонское гражд. улож.» 1863 года, ст. 519.

[106]) «Саксонское гражд. улож.», ст. 528.

[107]) Ibid., ст. 508.

[108]) Siebenhaar.—«Commentar zum bürgerlichen Gesetzbuch für das Königreich Sachsen».—1879 г. L. I, S. 422.

[109]) Прусскій законъ о принудительной продажѣ 13 іюля 1883 г. § 60.

[110]) Положеніе о преобраз. судеб. части въ Прибалт. губ.—изданіе минист. юстиціи—Гасмана и Нолькена, ч. I, стр. 111—112.

[111]) Ibid., ст. 134, 135 и 148.

[112]) Положеніе о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ., ст. 139 и 140.

[113]) См., напр., Code de procédure civil, art. 738 и 740, Женевскій Уставъ гражд. суд.—ст. 606 и 614, Баварскій—ст. 1127 и 1138, и др.

[114]) Журналъ Государст. Совѣта 1864 г. № 44, стр. 79.

[115]) Положеніе о преобраз. судеб. части въ Прибалт. губ., ст. 143, 145, 146.

[116]) Ibid., ст. 143 и 144.

[117]) Положеніе о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ., ст. 132.

[118]) Ibid., ст. 147.

[119]) Прусскій законъ о понудительной продажѣ недвиж. имуществъ 13 іюля 1883 г., ст. 40 и 71.

[120]) Сводъ Зак., т. X, ч. 1, 1505 и слѣд.

[121]) «Саксонское гражд. уложеніе» 1863 г., ст. 1131—1137; а также 1118—1130; «Общее гражд. улож. Австрійской Имперіи» 1811 г., ст. 1067—1079; «Гражданское улож. Княж. Сербіи», ст. 661—665; «Code Civil»,—art. 1659—1673; Гражданскіе законы губ. Царства Польскаго: — Гражданскій Кодексъ, ст. 1659—1673 и др.

[122]) «Code Civil», art. 1659—1661: «de la faculté de rachat».

[123]) Положеніе о преобраз. судеб. части въ Прибалт. губ., ст. 141 (см. изд. минист. юстиціи—Гасмана и Нолькена, ч. I, стр. 115).

[124]) «Code de procédure civil», art. 609, 656 и слѣд.

[125]) Итальянскій Уставъ, ст. 646 и др.

[126]) Саксонское гражданское уложеніе 1863 г., ст. 487.

[127]) Сводъ Закон., т. XII, ч. 1, ст. 404 Устава Строит. по продолж. 1886 г.

[128]) Положеніе о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ., ст. 152 и 153.

[129]) Положеніе о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ.: «о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ законоположеніяхъ объ ипотекахъ», ст. 1.

[130]) Ibid., ст. 5.

[131]) «О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ законополож. объ ипотекахъ», ст. 3.

[132]) «Временныя правила о производствѣ дѣлъ о несостоятельности» въ Прибалт. губ., ст. 36, п. 11.

[133]) Положеніе о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ., ст. 153.

[134]) Положеніе о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ., ст. 155.

[135]) Полож. о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ., ст. 152 (см. изданіе мин. юст.—Гасмана и Нолькена, стр. 123).

[136]) См. L. 1 § 1—4, 6—8, 10 и 12. D. de agnosc. vel alendis liberis (XXV, 3).

[137]) Положеніе о преобраз. суд. части въ Прибалт. губ., ст. 159.

[138]) Уставъ гражд. суд., ст. 1623—1624, по изд. 1883 г.

[139]) Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны—изд. Государств. Канцел., ч. I, стр. 643—644 (2-е изд.).

[140]) «Саксонское гражд. Уложеніе 1863 г.», ст. 1772—1779; «Общее гражд. Уложеніе Австрійской Имперіи 1811 г.», ст. 155—159; «Code Civil», art. 314—318 и др.

[141]) См., напр., «Code Civil», art. 2044—2058; «Саксонское гражд. Уложеніе 1863 г.», ст. 1409—1416; «Общее гражд. Улож. Австр. Имперіи 1811 г.», ст. 1380—1389; «Гражд. Улож. Княж. Сербіи», ст. 854—863 и др.

[142]) Гражданскій Кодексъ, ст. 2044—2058.

[143]) Сводъ мѣстн. узак. губ. Остзейскихъ, ч. III, ст. 3593—3616.

Игорь Тютрюмовъ.

О ГОРОДСКИХЪ ОТХОЖИХЪ ЗАРАБОТКАХЪ ВЪ СОЛИГАЛИЧСКОМЪ УѢЗДѢ, КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Отхожіе промыслы или, по народному названію, отхожіе заработки, несомнѣнно, оказываютъ огромное вліяніе не только на экономическое состояніе, но и на всѣ остальныя стороны жизни 90-милліоннаго крестьянскаго населенія Россіи. Но, несмотря на такое важное значеніе, эти заработки изслѣдованы крайне мало, даже недостаточно для рѣшенія основнаго вопроса, выгоденъ ли вообще отходъ для крестьянъ, т. е. имѣютъ ли перевѣсъ его полезныя стороны надъ вредными. Просматривая нашу общую литературу, мы встрѣчаемъ въ ней очень немного статей объ отхожихъ заработкахъ. Проф. Янсонъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ [1]) удѣляетъ всего только двѣ страницы данному вопросу и указываетъ на невозможность для частнаго изслѣдователя выбрать разбросанныя данныя объ отходѣ изъ всевозможныхъ источниковъ. Изъ болѣе или менѣе спеціальныхъ статей можно указать только на работы Чаславскаго, Червинскаго, Безобразова, Весина, Ленскаго, Карцева и др. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются слишкомъ общимъ характеромъ и авторы (напр., Ленскій и Карцевъ) на основаніи своихъ теоретическихъ соображеній приходятъ къ такимъ выводамъ, которые или совсѣмъ ошибочны или непримѣнимы ко многимъ отхожимъ мѣстностямъ. Ошибка ихъ, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ происходятъ отъ того, что отходъ очень разнообразенъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и вообще составляетъ очень сложное явленіе въ крестьянской жизни. Достаточно указать только на главные типы отхода—земледѣльческій, черный, городской ремесленный, деревенскій ремесленный, фабричный, чтобы согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что всякіе общіе выводы теперь еще преждевременны. Прежде всего необходимо изучить подробнѣе каждый видъ отхода и его уклоненія, нужны, такъ сказать, монографіи по этому вопросу. По этому я и позволяю себѣ сдѣлать краткій монографическій очеркъ о городскомъ ремесленномъ отходѣ изъ Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи.

Крестьяне этого уѣзда уходятъ преимущественно въ Петербургъ и го-

раздо менѣе въ Москву и другіе города; общее названіе этой группы рабочихъ—*питерщики*. Небольшая часть крестьянъ двухъ волостей—плотниковъ идетъ въ приволжскіе города; они рѣзко отличаются отъ первыхъ и называются *волгарями*. Другія отличительныя черты Солигаличскихъ заработковъ—многочисленность уходящихъ, продолжительность и отдаленность отхода, высшая ступень ремеслъ, требующихъ продолжительнаго обученія, постоянство и почти полная независимость отхода отъ мѣстныхъ условій, непригодность большинства ремеслъ для деревни, крайне вредное вліяніе ихъ на земледѣліе, довольно глубокій разрывъ съ семьей и деревней, самостоятельное положеніе крестьянъ и, наконецъ, извѣстное развивающее значеніе городской жизни. Постараемся по возможности вкратцѣ ознакомить съ этими выдающимся сторонами городскаго отхода.

Начался отходъ въ уѣздѣ очень давно. Костромскіе плотники нерѣдко упоминаются въ исторіи, и устныя преданія старожиловъ относятъ начало его къ прошлому столѣтію. Въ литературѣ мы встрѣчаемъ одно важное указаніе: неизвѣстный авторъ описанія костромскаго намѣстничества въ 1792 году (Костр. Губ. Вѣд. 1859 г.) говоритъ, что «въ намѣстничествѣ пустуетъ большое пространство земли, ибо многіе изъ крестьянъ, ища лучшаго пособія въ платежѣ податей своихъ отъ городскихъ работъ и рукодѣлій, нежели отъ бѣдной сохи, расходятся по столицамъ и другимъ городамъ; помѣщики же, наложивъ на крестьянина двойной оброкъ, о томъ не безпокоятся» [2]). Эта оффиціальная замѣтка для насъ очень драгоцѣнна: въ ней указывается не только давность, но также причины, мѣсто и доходность отхожихъ заработковъ для помѣщиковъ. И прежде въ губерніи была *бѣдная соха*, и теперь она стала еще бѣднѣе, такъ какъ отходъ въ своемъ поступательномъ развитіи еще болѣе ухудшилъ и отодвинулъ земледѣліе на второе мѣсто. Плохая земля, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостаточность ея, отсутствіе хорошихъ луговъ и неудовлетворительное состояніе скотоводства, невыгодныя климатическія условія—низкая годичная температура, поздняя весна и ранніе осенніе морозы, мѣшающіе иногда вызрѣванію яровыхъ хлѣбовъ и заставляющіе кормить скотъ на дворѣ около 8 мѣсяцевъ, — вотъ тѣ главныя условія, при которыхъ удовлетворительные урожаи въ уѣздѣ положительно невозможны. Къ этому присоединяются и крайне плохая обработка земли—громадное большинство мужчинъ все рабочее время съ начала весны до поздней осени находятся на сторонѣ и всѣ работы ложатся исключительно на женщинъ. Въ 4 изслѣдованныхъ мною деревняхъ число домовъ безъ своей мужской рабочей силы во время лѣта колебалось между 50—76°/₀. Болѣе состоятельные питерщики нанимаютъ работниковъ или работницъ, но такъ какъ работники, главнымъ образомъ, изъ заштатныхъ питерщиковъ, не пріученныхъ смолоду къ полевымъ работамъ, то обработка земли очень неудовлетворительна. Чаще всего женщины сами управляются со всѣми работами и нанимаютъ только на пахоту живу-

щихъ дома мужчинъ изъ своей или сосѣднихъ деревень, но эти осѣдлые жители набираютъ такую массу пахоты, что справляются съ ней съ грѣхомъ пополамъ. По недостатку рабочихъ рукъ извѣстная часть земли остается вовсе безъ обработки; такъ въ Солигаличскомъ уѣздѣ пахотная земля у крестьянъ составляетъ только $44,_4\%$, тогда какъ въ южной части губерніи $62,_5\%$ [3]). Скотоводство также находится въ незавидномъ состояніи: въ уѣздѣ есть волости съ 31% безлошадныхъ хозяевъ. При такомъ состояніи земледѣлія изъ 736 сельскихъ приходовъ въ губерніи (по свѣд. Костромскаго статистическаго комитета) только 76 — $10,_3\%$ имѣютъ излишекъ хлѣба, въ $27,_8\%$ хлѣба хватаетъ на весь годъ и $61,_9\%$ покупаютъ хлѣбъ съ различныхъ сроковъ и именно у $50,_2\%$ не хватаетъ хлѣба на $^1/_2$ и $^3/_4$ года. Но и такое отношеніе получается только потому, что масса главныхъ ѣдоковъ-мужчинъ отсутствуетъ бо́льшую часть года изъ дому. При такомъ состояніи земледѣлія крестьяне должны были прибѣгнуть къ вспомогательнымъ промысламъ. Но отсутствіе матеріаловъ для обработки, отдаленность городовъ и торговыхъ центровъ и плохія пути сообщенія были непреодолимыми препятствіями для развитія мѣстныхъ и кустарныхъ промысловъ въ Солигаличскомъ уѣздѣ; только жители двухъ волостей Чудновской и Костромской, благодаря обилію лѣса и сплавной рѣкѣ, заняты лѣсопромышленничествомъ, и на сторону почти вовсе не ходятъ. Помѣщичьи хозяйства [4]) здѣсь также въ полномъ упадкѣ, и для всѣхъ нихъ требуется не болѣе 200 рабочихъ въ лѣто. Не одно отсутствіе мѣстныхъ заработковъ, а и другія болѣе или менѣе важныя причины заставили солигаличанъ искать заработка и счастья на сторонѣ. Крѣпостное право было однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ, вызвавшихъ отходъ и давшихъ направленіе ему. Помѣщиковъ въ уѣздѣ было очень много, по землевладѣнію они были мелкіе, такъ что у большинства ихъ земли сравнительно съ числомъ крѣпостныхъ было недостаточно (на что отчасти указываетъ большой процентъ дворовыхъ людей — $12,_1\%$) и потому здѣшніе помѣщики извлекали средства для своей широкой и привольной жизни изъ отхожихъ заработковъ, отпуская на нихъ весь излишекъ своихъ крѣпостныхъ. Но для того, чтобы получать большій оброкъ (см. вышеприведенную цитату), помѣщики отпускали своихъ крестьянъ не простыми рабочими въ ближайшіе приволжскіе города, а отдавали ихъ мальчиками въ столицы для обученія ремесламъ, такъ какъ столичные ремесленники заработывали гораздо болѣе простыхъ чернорабочихъ, и ежегодно приносили оброку 30 — 50 рублей, не считая подарковъ господамъ. Этимъ вліяніемъ власти помѣщиковъ и объясняется тотъ странный фактъ, что жители глухихъ уѣздовъ стали ходить въ отдаленныя столицы и занимаются такими ремеслами, которыя никакого приложенія въ деревнѣ не могутъ имѣть. Нужно думать, что крестьяне (особенно богатые) охотно шли на сторону, такъ какъ положеніе крѣпостныхъ въ уѣздѣ было крайне плохо, и по словамъ одного оффиціальнаго автора

(Костр. Губ. Вѣд. 1863 года, № 25) «Положеніе 19 февраля нигдѣ не принесло такой *отрады*, какъ въ этой полосѣ губерніи». Послѣ эмансипаціи этотъ отходъ еще болѣе усилился; такъ, напримѣръ, изъ Карцовской волости въ 1863 (съ этого года стали вестись волостныя паспортныя книги) было взято только *500* паспортовъ, а въ 1883 году уже *775*, т. е. на 55% болѣе. Чѣмъ же вызывается дальнѣйшее усиленіе отхода? Причины этого явленія самыя разнообразныя. Все большій упадокъ помѣщичьихъ хозяйствъ и приходъ въ уѣздъ дешевыхъ земледѣльческихъ рабочихъ изъ Вологодской губерніи уменьшаютъ все болѣе и болѣе мѣстные заработки. Затѣмъ сравнительная легкость и выгодность столичнаго промысла, полное незнакомство у всѣхъ молодыхъ питерщиковъ съ земледѣльческими работами, всевозможныя прелести столичной жизни и, наконецъ, привычка и примѣръ уходящихъ товарищей,—все это заставляетъ солигаличскаго обитателя подниматься весной и плыть по теченію обширной народной волны, направляющейся въ Питеръ.

Примѣры обогащенія, иногда довольно быстраго, а также *мотивы высшаго порядка*, т. е. большая внѣшняя развитость и вылощенность питерщика, за что дѣвушки всегда предпочитаютъ жениха-питерщика, тоже являются побудительными причинами для родителей отдавать своихъ дѣтей въ ученье въ столицы. Сказывается, можетъ быть, и національная черта—любовь къ странствованію, отыскиванію—«гдѣ лучше».

Какъ же великъ отходъ изъ уѣзда? Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается обыкновенно изъ волостныхъ паспортныхъ книгъ, гдѣ записываются всѣ уходящіе на сторону и берущіе паспортъ. Но данныя этихъ книгъ далеки отъ истины. Проф. Янсонъ [5]) думаетъ, что они выше дѣйствительныхъ вслѣдствіе повторныхъ записей тѣхъ крестьянъ, которые берутъ паспорта нѣсколько разъ въ годъ. Можетъ быть, это и справедливо относительно деревенскихъ и вообще близкихъ отхожихъ заработковъ, но относительно городскаго отхода наблюдается обратное явленіе, что констатировано мной на основаніи изученія паспортныхъ книгъ уѣзда за 10 лѣтъ. Въ паспортныя книги не записываются всѣ мальчики, которыхъ отдаютъ въ ученье по контрактамъ, не записывались всѣ солдаты, получавшіе билеты изъ полицейскаго управленія, не отмѣчаются въ нихъ и всѣ живущіе на сторонѣ по отсрочкамъ изъ столичныхъ участковъ, всѣ жены и вдовы солдатъ, получающія свидѣтельства на простой бумагѣ. Кромѣ того, часть промышленниковъ (въ 1886 г. 300 ч.) живетъ на сторонѣ безъ паспорта, и, наконецъ, по семейнымъ паспортамъ уходятъ въ среднемъ по $2,_6$ человѣка, а въ отчетахъ они считаются выданными какъ бы одному человѣку. Повторныхъ же паспортовъ мною найдено только 6%. Вычитая ихъ изъ суммы всѣхъ незаписанныхъ въ паспортныя книги, мы находимъ, что отходъ болѣе, по крайней мѣрѣ, на 4% противъ того, какой опредѣляется по волостнымъ книгамъ. Въ 1887 году въ Солигаличскомъ уѣздѣ взято паспортовъ:

	Мужчины.		
	Годъ.	Полугод.	Бил.
Абсолютныя числа	2,775	3,245	557
Стало быть въ % къ населенію .	$10,_4$	$12,_1$	$2,_1$

Значитъ, изъ мужскаго населенія уѣзда уходитъ на продолжительныя отлучки $22,_5$%; если же исключить двѣ осѣдлыя волости, то этотъ процентъ поднимается до 26, а съ нашей поправкой—до 30%; изъ двухъ волостей уходитъ даже около 40% мужчинъ, т. е. почти всѣ «до выгребу»: въ нѣкоторыхъ деревняхъ лѣтомъ изъ сильной половины человѣческаго труда остаются только мальчики моложе 10 лѣтъ и немощные старики. Безъ подворной переписи, конечно, трудно опредѣлить число остающихся, но всетаки попытаемся указать, кто именно изъ мужчинъ остается дома. Крестьянъ, никогда не бывавшихъ въ столицѣ, очень немного, это именно тѣ, которыхъ смолоду не отдали въ ученье въ Питеръ. Оставляются въ деревнѣ только болѣзненные и глуповатые мальчики, которые, по родительскимъ соображеніямъ, не годятся для столичной жизни, да изрѣдка бѣднымъ вдовамъ не удается пристроить своихъ сыновей къ кому-либо изъ мастеровъ-хозяевъ. Вся остальная молодежь неудержимо стремится въ Питеръ и нерѣдко даже выдерживаетъ изъ-за своего желанія борьбу съ родителями, почему-либо желающими задержать сына дома. Взрослыхъ мужчинъ, остающихся дома, можно раздѣлить на *вольныхъ* и *невольныхъ* домосѣдовъ. Къ невольнымъ, кромѣ только-что упомянутыхъ неученыхъ смолоду, относятся всѣ сельскія власти—старшины, старосты, сотскіе, затѣмъ совершившіе преступленія и высланные поэтому съ запрещеніемъ являться въ столицу раньше трехъ лѣтъ, и, наконецъ, крупные недоимщики, которымъ не даются паспорта на отлучку. Впрочемъ, должно оговориться, что невыдача паспортовъ недоимщикамъ примѣняется крайне осторожно: не выдаютъ только тѣмъ, которые накопили недоимку, превышающую 1—2 годовой окладъ податей и, кромѣ того, ведутъ на сторонѣ разгульную жизнь. Чаще всего къ мелкимъ недоимщикамъ примѣняется слѣдующая мѣра—имъ выдается только мѣсячный билетъ на проѣздъ въ столицу. Поступивши на мѣсто въ Питерѣ, они изъ задатка высылаютъ деньги на уплату податей и на паспортъ, который имъ уже и высылается по почтѣ. Къ вольнымъ домосѣдамъ относятся очень пожилые и больные, для которыхъ тяжела дорога и столичная жизнь; всѣ ремесленники и торговцы, нашедшіе себѣ прибыльное занятіе дома; тѣ питерщики, которымъ пришлось почему-либо прожить въ деревнѣ 3—5 лѣтъ и которые уже отвыкли отъ питерской жизни («обрусѣли», «обломались» — выражаются они) и, наконецъ, главнымъ образомъ, «ослабшіе» люди и «одиночки». Ослабшіе люди, т. е. любящіе выпить и покутить, остаются въ деревнѣ на время или на всегда по собственной волѣ или по совѣту старшихъ, для исправленія: «въ Питерѣ некому остановить, поддержать, а въ деревнѣ—семья, да и соблазновъ меньше». По семейнымъ обстоятельствамъ остаются дома

одиночки, т. е. тѣ домохозяева, у которыхъ остальная семья состоитъ только изъ жены и малыхъ дѣтей; если же кромѣ жены есть еще женщина или подростокъ-дочь, которая можетъ помочь матери и присмотрѣть за дѣтьми, то такая семья уже не называется одиночной, и хозяинъ изъ нея свободно уходитъ на сторону. Впрочемъ, и одиночки уходятъ въ Питеръ, когда они могутъ нанять работника, работницу или няньку. Но во всякомъ случаѣ притяженіе къ столицамъ такъ велико, что обыкновенно нужно стеченіе нѣсколькихъ изъ перечисленныхъ причинъ вмѣстѣ, чтобы заставить питерщика остаться дома. И дѣйствительно, число осѣдлыхъ солигаличанъ такъ мало, что ихъ не хватаетъ для удовлетворенія уѣздныхъ нуждъ въ рабочихъ, т. е. выбрасывается на сторону не избытокъ, а даже нужные для самого уѣзда рабочіе. Благодаря такому *чрезмѣрному отходу* уходящіе солигаличане замѣняются пришлыми рабочими изъ Вологодской губерніи и другихъ уѣздовъ Костромской губерніи. Приходятъ изъ нихъ крестьяне въ видѣ земледѣльческихъ рабочихъ и деревенскихъ ремесленниковъ. Земледѣльческіе рабочіе нанимаются къ помѣщикамъ и крестьянамъ; мало того, вологжане начали вытѣснять солигаличанъ и относительно землевладѣнія: они арендуютъ и покупаютъ бывшія помѣщичьи имѣнія, такъ что уходъ все болѣе и болѣе дѣлается «Амуромъ» для сѣверныхъ уѣздовъ и особенно ближняго—Грязовецкаго. Наконецъ, приходъ въ уѣздъ чужихъ деревенскихъ ремесленниковъ (сапожниковъ, портныхъ, шерстобоевъ, валенщиковъ, офеней) изъ-за 50—300 верстъ указываетъ и на другую ненормальность здѣшняго отхода: вмѣсто того, чтобы выдѣлить часть населенія на образованіе деревенскихъ ремесленниковъ, необходимыхъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, солигаличане упорно держатся традиціи обученія только городскимъ ремесламъ и потому должны призывать сапожниковъ и портныхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ и, такимъ образомъ, переплачивать имъ на удовлетвореніе своихъ насущныхъ потребностей. Итакъ, рутина и традиція, подчасъ очень вредныя, царствуютъ не только въ крестьянскомъ земледѣліи, но и во всѣхъ проявленіяхъ экономической жизни крестьянства!

Какъ мы только что сказали, среди солигаличскихъ промышленниковъ почти исключительно распространено знаніе городскихъ ремеслъ, главнымъ образомъ необходимыхъ для устройства домовъ. Большинство солигаличанъ—маляры, плотники, печники, столяры, торговцы, но и остальныя столичныя занятія и ремесла имѣютъ по нѣскольку представителей. При отсутствіи записей въ волостныхъ паспортныхъ книгахъ и безъ подворной переписи невозможно точное опредѣленіе числа ремесленниковъ въ каждой отрасли, но я воспользовался данными одной *частичной переписи*, которыя нужно признать очень близкими къ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, для болѣе распространенныхъ ремеслъ. Какъ извѣстно, въ *призывныхъ спискахъ* по воинской повинности записываются занятія призывающихся молодыхъ людей. Я сдѣлалъ выборку изъ этихъ спис-

ковъ за 6 лѣтъ, съ 1882—1887 годъ. Исключая изъ 1,439 призывавшихся 29 лицъ привилегированныхъ, мы находимъ, что остальные 1410 крестьянъ и мѣщанъ распредѣляются по ремесламъ такъ: маляровъ 419—29,$_7$%, плотниковъ 327 — 23,$_2$%, земледѣльцевъ и лѣсопромышленниковъ (т. е. осѣдлыхъ жителей) 255—18,$_1$%, столяровъ 119—8,$_4$%, печниковъ 62—4,$_4$%, торговцевъ 52—3,$_7$%, кузнецовъ 36 — 2,$_6$%, обручниковъ и бондарей 34 — 2,$_4$%, водопроводчиковъ 16—1,$_1$%, сапожниковъ 15 — 1,$_1$%, портныхъ, слесарей и токарей по 10—0,$_7$%, затѣмъ 45 человѣкъ—3,$_2$%—распредѣляются между остальными 23 ремеслами, которыя очень разнообразны, начиная съ самыхъ простыхъ—мясниковъ, стекольщиковъ и кончая инструментальщиками, золотыхъ дѣлъ мастерами и механиками. Чернорабочихъ за всѣ 6 лѣтъ встрѣтилось только трое. Такимъ образомъ $^3/_{10}$—маляры, $^1/_4$—плотники, и на всѣ ремесла, соприкасающіяся съ устройствомъ домовъ, приходится около 70% всѣхъ уходящихъ на сторону. Кромѣ того, эта перепись даетъ намъ еще важное указаніе относительно числа остающихся дома: таковыхъ, т. е. земледѣльцевъ и лѣсопромышленниковъ, оказывается только 18,$_1$%, менѣе $^1/_5$ всей молодежи, и притомъ лѣсопромышленники всѣ и большая часть земледѣльцевъ приходится на вышеупомянутыя Костромскую и Чудновскую волости. Переходимъ теперь къ *заработку* уходящихъ. Нечего и говорить, что это—одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ въ изслѣдуемомъ мною вопросѣ. Величина заработка зависитъ отъ многихъ условій: количества производимыхъ работъ въ столицѣ, времени пребыванія промышленника въ Петербургѣ, его возраста, ловкости и смышленности, условій найма и, главнымъ образомъ, отъ ремесла и занятія. Лѣтъ 15 тому назадъ, во время строительной горячки въ Петербургѣ, солигаличане зарабатывали очень много, теперь заработки вообще уменьшаются, и въ нѣкоторые года, отличающіеся особымъ промышленнымъ застоемъ, уходящіе приносятъ $^1/_2$—$^3/_4$ своего обычнаго заработка, и многіе приходятъ совсѣмъ безъ него или даже по этапу. Люди болѣе пожилые и знакомые съ условіями столичной жизни устраиваются несравненно выгоднѣе только-что начинающихъ; точно также работники, живущіе въ Питерѣ нѣсколько лѣтъ безвыѣздно, имѣютъ возможность занять лучшія мѣста и не теряютъ напрасно зимнихъ мѣсяцевъ, которые почти совсѣмъ пропадаютъ у работниковъ, возвращающихся ежегодно домой. Относительно меньшей выгодности работы поденщиковъ и ѣдущихъ въ Питеръ «на авось», мы скажемъ ниже; прибавимъ только, что изъ этой категоріи рабочихъ, ѣдущіе раньше устраиваются обыкновенно лучше. Наконецъ, въ зависимости отъ ремесла, заработокъ колеблется очень значительно. Больше всѣхъ получаютъ мелкіе торговцы, лавочники, приказчики, трактирщики—отъ нѣсколькихъ сотъ до 1—2000 руб. въ годъ. Затѣмъ слѣдуютъ водопроводчики и насосники, зарабатывающіе 150—250 руб. въ лѣто и 400 руб. въ годъ. Слесаря, кузнецы получаютъ 100—300 руб. въ годъ. Маляры, за рабочій сезонъ съ марта до ноября,

зарабатываютъ 70—150 руб.; здѣсь много значитъ искусство мастера,— умѣющіе разрисовывать получатъ за лѣто 200 — 250 руб. Плотники-волгари, съ апрѣля до ноября, могутъ заработать 60—120 руб. Основываясь на многочисленныхъ разспросахъ промышленниковъ самыхъ различныхъ ремеслъ и возрастовъ, мы можемъ принять за приблизительный средній заработокъ каждаго отхожаго солигаличанина *100 рублей.* Принимая во вниманіе то, что въ каждомъ домѣ, кромѣ этого заработка, ведется и сельское хозяйство, можно было бы думать, что жизнь крестьянъ въ разбираемой отхожей полосѣ должна быть очень зажиточной. Но здѣсь являются на сцену различныя невыгодныя условія, которыя находятся въ прямой или косвенной связи съ отходомъ и значительно сокращаютъ упомянутый заработокъ на сторонѣ. Объ угнетающемъ вліяніи отхода на земледѣліе и доходность отъ него говорено уже выше; къ тому же многимъ мужчинамъ вмѣсто себя приходится нанимать временнаго или постояннаго работника или работницу и тратить на это отъ 15—40 р., $^1/_{10}$ — $^1/_3$ своего сторонняго заработка. Затѣмъ неизбѣжная и довольно большая трата на дорогу [6]), особенно значительная для большинства промышленниковъ, совершающихъ дорогу дважды въ годъ, т. е. въ Питеръ и обратно. Весной они ѣдутъ водой (по рѣкѣ Костромѣ и Волгѣ) до Рыбинска и отъ него—по желѣзной дорогѣ, что стоитъ minimum 10—12 р.; осенью имъ приходится ѣхать по желѣзной дорогѣ до ст. Пречистой Вологодско-Ярославской дороги и отъ этой станціи (120—200 вер.) — на лошадяхъ до мѣстожительства,—этотъ конецъ обходится дороже; 15—20 рублей. Такимъ образомъ, по самому точному разсчету, на дорогу въ оба конца уходитъ minimum 25 р. и maximum — 35 руб., что составляетъ $^1/_6$ — $^1/_3$ всего заработка. У поденщиковъ нѣтоторая доля заработка проживается безполезно въ періоды безработицы, тѣмъ болѣе, что въ это время рабочіе легче поддаются соблазну покутить. Нужно замѣтить, что, по признанію многихъ питерщиковъ, у нихъ много денегъ уходитъ на пьянство и разнаго рода разгулъ, который особенно бываетъ силенъ передъ отъѣздомъ на родину и часто продолжается всю дорогу. Не столько пропивается, сколько теряется и раскрадывается у пьяныхъ; тратилось бы такимъ образомъ еще болѣе, если бы не было хорошаго обыкновенія, что каждый питерщикъ, по мѣрѣ заработка, 1—3 раза въ лѣто пересылаетъ деньги домой для уплаты податей, найма работниковъ. Не мало времени и денегъ отнимаютъ у питерщиковъ болѣзни, которыми Петербургъ, съ его подвальными мастерскими, щедро награждаетъ пришлый народъ, особенно отзывчивый на различныя заразныя формы. Всего хуже приходится тѣмъ, которые заболѣваютъ вскорѣ послѣ пріѣзда въ столицу: заработка они еще не сдѣлали, мѣста теряютъ, дорогое рабочее время уходитъ, и имъ, по выходѣ изъ больницы, часто ничего не остается какъ ѣхать домой, отнимая отъ скуднаго сельскаго хозяйства на двойную дорогу, плату за лѣченіе, а нерѣдко и за этапъ [7]). Значительная доля заработка уходитъ на удовлетвореніе наклонности къ щегольству,

на покупку сравнительно дорогихъ подарковъ для домашнихъ, шелковой и шерстяной матерій на платье, часовъ, новомодныхъ ботинокъ, дорогихъ шубъ, платковъ и пр. Этотъ изстари заведенный порядокъ рѣдко рѣшается нарушить питерщикъ, иначе возвращеніе его домой, хотя бы и съ деньгами, но безъ подарковъ, ведетъ къ пересудамъ сосѣдей, разочарованію семейныхъ, особенно молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ. И въ то же время расходъ на эти вещи въ большинствѣ случаевъ вовсе непроизводителенъ, такъ какъ дорогія шубки и платья надѣваются 1—3 раза въ годъ и во многихъ домахъ передъ отъѣздомъ питерщика въ столицу эти богатые наряды несутъ въ закладъ или вовсе продаютъ за $^1/_2$—$^1/_4$ настоящей цѣны, чтобы какъ нибудь добыть нужную сумму на дорогу и на паспортъ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о тратѣ на паспорта, почтовые расходы на пересылку денегъ и довольно громоздкихъ посылокъ (косъ, серповъ). За вычетомъ всѣхъ расходовъ, связанныхъ непосредственно съ отхожими промыслами, заработокъ питерщиковъ сокращается въ среднемъ на половину.

Заработывать промышленники начинаютъ съ 17—19 лѣтъ, а первые годы жизни въ Питерѣ у нихъ уходятъ на ученье, такъ какъ изъ всѣхъ уходящихъ изучаютъ ремесло дома только кузнецы и плотники, а остальные всѣ обучаются на сторонѣ, въ томъ же Питерѣ. Для обученія отправляютъ мальчиковъ въ столицы въ возрастѣ 11—15, чаще всего 13 и 14 лѣтъ. Срокъ ученья, смотря по возрасту ученика и ремеслу, продолжается 2—5 лѣтъ. Столярное, слесарное, водопроводное ремесла требуютъ большаго срока, малярное—менѣе всѣхъ; болѣе молодые учатся дольше. Что касается выбора ремесла, то тутъ больше всего слѣдуютъ рутинѣ: чѣмъ занимался отецъ, тому ремеслу обучаютъ и сына; если же въ семьѣ нѣсколько мальчиковъ, то ихъ стараются иногда обучить разнымъ ремесламъ. Рѣже замѣчается обратное явленіе: отецъ, почему либо разочарованный въ своемъ ремеслѣ, отдаетъ сыновей обучаться другимъ ремесламъ, надѣясь, что имъ въ этихъ ремеслахъ повезетъ больше, чѣмъ ему въ его промыслѣ.

Замѣчается вліяніе и другихъ постоянныхъ или случайныхъ причинъ: въ одной деревнѣ—всѣ маляры, въ другой—бондари; есть цѣлыя волости, высылающія на сторону одних плотниковъ. Если въ деревнѣ живетъ какой либо крупный хозяинъ промышленникъ, то вся деревня старается сбыть ему своихъ дѣтей на обученье, разсчитывая, что онъ, какъ сосѣдъ или даже родственникъ, будетъ обращаться съ ними лучше другихъ хозяевъ. Грамотные и болѣе способные мальчики отдаются въ торговцы и въ болѣе высшія ремесленныя мастерства,—водопроводное, слесарное, токарное. На лучшія и болѣе легкія мѣста, конечно, всякій тянетъ своихъ родственниковъ и односельчанъ. Но если на выборъ ремесла вліяютъ самыя разнообразныя условія и въ одной деревнѣ встрѣчаются различные ремесленники, то въ общемъ каждая мѣстность отличается преобладаніемъ одного ремесла надъ другими. Такъ, напримѣръ, Затугомская

и половина Верховской волости высылаютъ почти исключительно плотниковъ и волгарей; изъ Вершковской волости и изъ города Солигалича идутъ кузнецы и слесаря, изъ Гнѣздниковской волости много торговцевъ, въ Карцовской волости преобладаютъ ремесла по отдѣлкѣ домовъ. Отдаются въ обученье или родственникамъ, имѣющимъ какое либо ремесленное хозяйство въ Питерѣ, или къ хозяевамъ изъ ближайшихъ деревень, или, наконецъ, къ петербургскимъ ремесленникамъ, которые набираютъ здѣсь мальчиковъ черезъ своихъ повѣренныхъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Въ первомъ случаѣ никакихъ условій не заключается, а ограничиваются словами хозяина-родственника: «не обижу, пускай живетъ»; въ остальныхъ двухъ — заключаются формальныя письменныя условія, которыя заносятся въ волостныхъ правленіяхъ въ книги для различныхъ договоровъ и условій. Я просматривалъ эти книги и въ общемъ всѣ контракты оказываются одинаковыми: мальчикъ долженъ повиноваться хозяину, не можетъ уйдти отъ него ранѣе условленнаго срока, гулять безъ разрѣшенія хозяина и пр., а хозяинъ обязуется все время кормить, поить, обувать и одѣвать и въ теченіе одного мѣсяца лѣчить безвозмездно и уплатить родителямъ извѣстную сумму—отъ 25—50 руб. Часть этой суммы выдается отцу въ видѣ задатка, другая часть—ученику по окончаніи ученья, а остальное высылается родителямъ въ разные выговоренные сроки. Дорога въ оба конца обыкновенно на счетъ хозяина; кромѣ того почти во всѣхъ контрактахъ оговорено, что по выходѣ ученика изъ ученья хозяинъ долженъ прилично одѣть его. О жизни этихъ учениковъ говорить нечего; картинки изъ нея часто появляются въ столичныхъ мировыхъ судахъ.

Остановимся только на одной особенности. У нѣкоторыхъ ремесленниковъ, напримѣръ, маляровъ, зимой очень мало работы, такъ что мелкіе хозяева совершенно закрываютъ свои мастерскія и уѣзжаютъ домой, крупные сокращаютъ число рабочихъ до возможнаго minimum'a. Чтобы не тратиться напрасно на содержаніе учениковъ во время зимней безработицы, многіе хозяева отдаютъ своихъ мальчиковъ за одно прокормленіе или даже и извѣстную еще плату торговцамъ и другимъ ремесленникамъ, функціонирующимъ и зимой: въ лавки, булочныя, портерныя, къ столярамъ, переплетчикамъ. Если умный и способный мальчикъ попадаетъ каждую зиму въ одно и то же мѣсто, то онъ, кромѣ малярнаго, научается обыкновенно еще торговать или иному побочному ремеслу, которое иногда становится даже главнымъ и вообще рѣдко остается безслѣднымъ для ученика. По окончаніи ученья, подмастерье 17—19 лѣтъ является на зиму къ родителямъ уже настоящимъ питерщикомъ, часто вкусившимъ всѣ прелести столичной жизни. Весной онъ снова отправляется въ Питеръ и черезъ 2—3 года самостоятельной работы становится настоящимъ мастеромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и женихомъ. И продолжается это хожденіе до глубокой старости или до смерти, если только питерщикъ не попадаетъ въ одну изъ вышеперечисленныхъ категорій остающихся дома.

Ходятъ солигаличане въ Питеръ *на разныхъ правахъ:* поденщиками, на мѣста къ хозяевамъ и хозяевами; артельное начало вовсе не встрѣчается, кромѣ плотниковъ, да и у нихъ очень рѣдко. Поденщиками или понедѣльщиками работаютъ обыкновенно еще молодые неопытные ремесленники, а также и тѣ изъ пожилыхъ, которые пользуются плохимъ реномме у хозяевъ вслѣдствіе пьянства или плохой работы, или которые пріѣзжаютъ поздно, когда всѣ мѣста заняты. Выгоды поденной работы— большая свобода, а главное—большое жалованье ($1^1/_2$—$2^1/_2$ руб. въ день) въ самое горячее рабочее время; но во всякомъ случаѣ большинство поденщиковъ остается въ убыткѣ сравнительно съ живущими на мѣстахъ, такъ какъ у нихъ много дней проходитъ безъ работы, а во время плохихъ работъ въ столицѣ они зачастую не зарабатываютъ даже на дорогу и возвращаются по этапу. Постоянные работники или поступаютъ на мѣста по пріѣздѣ въ Питеръ, или чаще нанимаются къ знакомымъ хозяевамъ еще въ уѣздѣ и получаютъ отъ нихъ задатокъ и деньги на дорогу. Мастера высшихъ ремеслъ, т. е. торговцы, водопроводчики, слесаря, постоянно числятся на мѣстахъ и въ деревнѣ находятся какъ бы въ отпуску, но только большинство безъ жалованья. У крупныхъ хозяевъ этихъ ремеслъ обыкновенно составъ рабочихъ, прикащиковъ больше необходимаго, но всегда извѣстная часть ихъ находится въ отпуску на родинѣ: возвращаются одни, уходятъ домой другіе, такъ и идетъ постоянно чередованіе. Наконецъ, третья категорія питерщиковъ — самостоятельные хозяева, которые дѣлятся на крупныхъ и мелкихъ или *хозяйчиковъ.* Начинающіе хозяйствовать или, что тоже, хозяйчики выходятъ изъ тѣхъ питерщиковъ, у которыхъ завелось 2—3 сотни въ карманѣ, а главное составились въ Питерѣ знакомства съ домохозяевами и другими лицами, раздающими работу. По самому существу дѣла хозяйчики могутъ быть изъ маляровъ, плотниковъ, разнощиковъ, однимъ словомъ такихъ ремесленниковъ, дѣло которыхъ не требуетъ большихъ затратъ на покупку дорогихъ матеріаловъ, инструментовъ, на наемъ большой квартиры для рабочихъ,—они обходятся обыкновенно поденщиками. При воздержной жизни, удачныхъ заказахъ, а также благодаря различнымъ счастливымъ случайностямъ эти хозяйчики черезъ 10—15 лѣтъ становятся настоящими хозяевами, заводятъ большія мастерскія, свои собственныя лавки и пр. Въ настоящее время большихъ хозяевъ и купцовъ въ уѣздѣ, вѣроятно, около 150—200; состояніе ихъ колеблется отъ десятка тысячъ до милліона. Составлялись большіе капиталы самыми различными путями и въ разное время: одни успѣвали пріобрѣсти сотни тысячъ въ 15 — 30 лѣтъ, у другихъ скоплялись они въ теченіе нѣскольких поколѣній. Судя по ходящимъ въ уѣздѣ разсказамъ, богатство многихъ составилось не одной работой, а различными путями и подчасъ не совсѣмъ чистыми: одинъ «банкрутъ дѣлалъ» три раза, другой «объегорилъ хозяина», третьему оставилъ большой капиталъ полюбившій его бездѣтный прасолъ и пр. Нѣкоторымъ помогли казенные подряды, другіе

нажились, будучи еще при крѣпостномъ правѣ помѣщичьими старостами надъ питерщиками [8]). Хотя между Питеромъ и уѣздомъ, какъ между муравейникомъ и питательнымъ мѣстомъ, и происходитъ постоянное передвиженіе питерщиковъ, однако главное движеніе рабочихъ массъ совершается два раза въ годъ—въ Питеръ ранней весной и обратно осенью. $67,_4$% всѣхъ паспортовъ выдается именно въ весенніе мѣсяцы, что, конечно, обусловливается тѣмъ, что громадное большинство солигаличанъ занимаются работами по домостроительству, начинающимися съ весны. По времени пребыванія на сторонѣ можно различать четыре главныхъ категоріи: бо́льшая часть—маляры, плотники, печники остаются въ столицѣ 5—8 мѣсяцевъ и ежегодно возвращаются домой; слесаря, столяры, водопроводчики, торговцы рѣдко приходятъ каждый годъ, обыкновенно черезъ $1^1/_2$—3—5 лѣтъ. Живущіе на сторонѣ съ семьями или не имѣющіе въ уѣздѣ никакихъ связей остаются въ Питерѣ 10 и болѣе лѣтъ и возвращаются домой только вслѣдствіе болѣзни или другихъ случайностей, препятствующихъ имъ быть въ столицѣ. Наконецъ, четвертую группу составляютъ *дѣйствительные эмигранты изъ крестьянскаго сословія*: они или постоянно живутъ на сторонѣ, или пріѣзжаютъ домой черезъ 3 — 10 лѣтъ или по нѣскольку разъ въ годъ, однимъ словомъ какъ имъ вздумается. До 1883 года въ уѣздѣ выписалось изъ крестьянскаго сословія въ столичные ремесленники, мѣщане, купцы 130 семей, и эта эмиграція, повидимому, возрастаетъ. Главные мотивы для этого перехода слѣдующіе: желаніе избавиться отъ службы по крестьянскимъ выборамъ [9]) и масса неудобствъ для крестьянина вести большія торговыя дѣла и брать подряды; не безъ вліянія остаются также тщеславіе, возможное тѣлесное наказаніе, которое для расфранченнаго питерщика еще ужаснѣе, чѣмъ для сѣраго обитателя. Но не всѣ 130 семей окончательно разорвали связь съ деревней и землей: только 71 семья ($54,_6$%) изъ выписавшихся постоянно живетъ въ городѣ и въ деревнѣ не имѣетъ ни земли, ни хозяйства, остальныя же 59 семей поддерживаютъ очень прочную связь съ землей: часть семьи всегда живетъ дома, у многихъ выстроены большіе, дорого стоющіе дома, есть купчая земля и ведется сельское хозяйство, но въ размѣрахъ, обыкновенно не превышающихъ среднее крестьянское. Такъ какъ сельское хозяйство у большинства крупныхъ питерщиковъ идетъ въ убытокъ, то я тщательными разспросами старался выяснить, что заставляетъ богачей держаться деревни и земли. На свои вопросы простымъ мастеровымъ и богачамъ я получалъ отвѣты, замѣчательные по согласію и единодушію,—даже и словами-то выражались почти одинаковыми: «Питерское дѣло нонче не надежное, дѣла теперь въ застоѣ и всегда легко обанкрутиться». Затѣмъ слѣдуютъ указанія на примѣры Ивановыхъ, Петровыхъ, которые въ Питерѣ прежде дома свои имѣли, а теперь домой по этапу приходятъ. «Къ тому же и несчастія разныя бываютъ, заболѣешь, найдетъ дурь, прокутишься до чиста, надуютъ заказчики... Вотъ на этотъ-то конецъ и есть, гдѣ при-

ютиться; въ деревнѣ хотя и не разгуляешься, а кусокъ хлѣба и уголъ будетъ всегда свой». Но особенно эта «власть земли» сказывается на старикахъ и женщинахъ, которые и сдерживаютъ болѣе «цивилизованныхъ» молодыхъ питерщиковъ отъ окончательнаго переселенія въ Питеръ. Нужно замѣтить, что всѣ питерщики, самые бѣдные и самые богатые, женятся исключительно на деревенскихъ дѣвушкахъ, городскихъ избѣгаютъ потому, что онѣ не годятся для сельскаго хозяйства [10]). Но не одно опасеніе за будущее удерживаетъ солигаличанъ въ деревнѣ: родственныя связи, привычка къ деревенскимъ обычаямъ, возможность удовлетворить въ деревнѣ свое тщеславіе «во всю», вліяніе духовенства, удерживающаго здѣсь своихъ богатыхъ вкладчиковъ въ церкви. Кстати замѣтимъ здѣсь, что деревенская жизнь большинства богачей въ качественномъ отношеніи почти нисколько не отличается отъ обыденной жизни остальныхъ питерщиковъ. Польза отъ нихъ для населенія очень незначительная, преимущественно ихъ заботы направлены на церковь и на духовенство.

До сихъ поръ мы почти вовсе не касались жизни Солигаличской женщины, являющейся и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ кормилицей уѣзднаго населенія. Солигаличская крестьянка и ея жизнь рѣзко отличаются отъ крестьянки осѣдлыхъ уѣздовъ: есть свѣтлыя стороны, но не мало и мрачныхъ тѣней. Всякому, посѣтившему лѣтомъ сѣверо-западную часть Костромской губерніи, невольно вспомнится миѳологическое царство амазонокъ: всегда и вездѣ, во всѣхъ проявленіяхъ крестьянской жизни и на всѣхъ работахъ наблюдается поразительное преобладаніе женщинъ. И дѣйствительно, благодаря отсутствію въ это время мужчинъ, женщины являются главными хозяйками и почти единственными работницами. Привыкшая обходиться одна безъ мужской власти и помощи, солигаличанка вовсе не похожа на забитую крестьянку земледѣльческой полосы: она независима, самостоятельна, полная хозяйка въ домѣ не только безъ мужа, но и при немъ, такъ какъ мало свѣдущіе въ хозяйствѣ мужья невольно подчиняются женамъ. Побои и истязанія женъ здѣсь рѣдкія исключенія. Входя въ мужнину семью, молодая женщина вовсе не напоминаетъ воспѣтыхъ въ народныхъ пѣсняхъ несчастныхъ невѣстокъ: при малѣйшемъ раздорѣ въ отсутствіе мужа она снова уходитъ къ своимъ родителямъ. Затѣмъ возвратившагося домой мужа ей обыкновенно удается уговорить на раздѣлъ, и дѣйствительно, по свидѣтельству всѣхъ властей и самихъ крестьянъ, громадное большинство семейныхъ раздѣловъ было совершено по настоянію женъ. А раздѣловъ здѣсь очень много, такъ только за 10 лѣтъ съ 1874—1883 годъ ихъ было 1071, что при 7975 семьяхъ составляетъ почти $1/7$ часть всѣхъ. И вообще равенство женщины съ мужчиной сказывается почти вездѣ и во всемъ; даже въ случаѣ ухода мужа на сторону жена можетъ исправлять должность сельскаго десятскаго. Но не дешево дается эта самостоятельность здѣшней крестьянкѣ. Не говоря уже о томъ, что вся

домашняя и полевая работа (нѣкоторыя даже и пашутъ) исключительно лежитъ на ней, чувства матери и жены у нея постоянно остаются неудовлетворенными: сына она лишается съ 11—13 лѣтъ, а мужа иногда не видитъ цѣлыми годами. При такихъ условіяхъ семейная жизнь доставляетъ немного радостей. А если прибавить къ этому, что многіе мужчины заводятъ на сторонѣ всевозможныя болѣе или менѣе прочныя связи, окончательно забываютъ деревенскую семью и не только не высылаютъ ей денегъ, а сами тянутъ скудные деревенскіе гроши на выправку паспортовъ, то трудно рѣшить, чья доля лучше, крестьянки отхожей или осѣдлой полосы. Но несмотря на ожидающее ихъ одиночество, здѣшнія дѣвушки вовсе не стремятся выходить замужъ за осѣдлыхъ жителей, напротивъ, за послѣднихъ, даже болѣе богатыхъ, выходятъ въ крайнемъ случаѣ, и имъ достаются обыкновенно худшія невѣсты: таково непобѣдимое вліяніе внѣшности, привычки и обычая! Ко всему сказанному нужно добавить, что несмотря на постоянное одиночество женъ и обиліе здѣсь молодыхъ вдовъ и незамужнихъ дѣвушекъ, развратъ здѣсь рѣдкое явленіе, и незаконныхъ дѣтей гораздо менѣе, чѣмъ въ фабричной части Костромской губерніи. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что женщины здѣсь слишкомъ изнуряются физическими работами, а, можетъ-быть, наслѣдственнымъ ослабленіемъ половыхъ желаній и отсутствіемъ соблазновъ, т. е. недостаткомъ мужчинъ. Благодаря дальней дорогѣ, малочисленности здѣшнихъ семей, а также и бо́льшей власти земли и деревни надъ женщинами, женскій отходъ въ уѣздъ незначителенъ; въ 1887 году ушло на сторону 3% всего женскаго населенія. Только бездѣтныя вдовы и пожилыя дѣвушки уходятъ самостоятельно на заработки исключительно въ качествѣ прислуги; но бо́льшая часть идутъ съ мужьями, братьями, отцами (по семейнымъ паспортамъ) и занимаются или хозяйствомъ или служатъ у своей родни няньками, кухарками. Купчихи и жены богачей живутъ обыкновенно барынями, но въ случаѣ смерти мужа дѣлаются иногда полными хозяйками. Итакъ, въ общемъ женскій отходъ здѣсь не самостоятельный и главная экономическая роль его— уменьшеніе расходовъ мужа или сына—хозяина на прислугу и хозяйство. Укажемъ вкратцѣ на другія важнѣйшія вліянія отхожихъ заработковъ.

1) Уменьшеніе рождаемости и прироста населенія во всей отхожей полосѣ Костромской губерніи. Этотъ вопросъ подробно разработанъ мною въ другихъ статьяхъ [11]), а здѣсь сообщу только главнѣйшія данныя. Средняя рождаемость въ Россіи колеблется въ послѣднее время около 5%, во всей Костромской губерніи въ 1880—83 она была 4,76, и въ Солигаличскомъ уѣздѣ 4,18, т. е. на 0,82 менѣе (въ Чухломскомъ, еще болѣе отхожемъ уѣздѣ—только 4,04%). Обусловливается это явленіе главнымъ образомъ отсутствіемъ супружескихъ сношеній и неправильной половой жизнью обоихъ половъ. Опросъ болѣе 1000 женщинъ Солигаличскаго уѣзда показалъ, что въ осѣдлыхъ семьяхъ женщина имѣетъ

въ среднемъ 9,2 дѣтей, и безплодныхъ среди нихъ только 3,33%, а въ отхожихъ 5,2 дѣтей, и безплодныхъ 10,94%.

2) Отхожіе заработки оказываетъ безспорно вредное вліяніе на здоровье всего населенія уѣзда: женщины истощаются чрезмѣрными полевыми работами, приходящимися къ тому же на послѣднее время беременности и послѣродовой періодъ (на 4 рабочіе мѣсяца приходится 48% всѣхъ родовъ); питерщики же подвергаются вліянію нездороваго Петербургскаго климата, неблагопріятныхъ условій, при которыхъ большая часть ихъ учится, живетъ и работаетъ въ столицѣ; къ этому нужно прибавить крайне неправильную половую жизнь, бо̀льшую возможность для разгула и безпорядочной жизни. Поставьте рядомъ Солигаличскихъ крестьянъ осѣдлаго и отхожаго, и вы сразу отличите *культурнаго питерщика*, что почти безошибочно дѣлаютъ врачи на пріемѣ новобранцевъ: слабое физическое развитіе его рѣзко бросается въ глаза. Въ 1882—87 годахъ [12]) изъ призывныхъ питерщиковъ забраковано 28,04, а изъ осѣдлыхъ жителей только 22,22%; кромѣ того, среди первыхъ 16,65% имѣли обхватъ груди менѣе ½ роста, а среди вторыхъ только 9,39%. Мои 6-лѣтнія наблюденія также говорятъ противъ отхожихъ заработковъ: такъ, напр., чахотка среди жителей уѣзда довольно рѣдкая болѣзнь, и громадное большинство изъ чахоточныхъ—85% принесли ее изъ Питера. Затѣмъ ракъ внутреннихъ органовъ, сифилисъ и венерическія болѣзни преимущественно также встрѣчаются у столичныхъ жителей. У больныхъ отцовъ и измученныхъ матерей должно производиться и соотвѣтственное потомство.

3) Болѣзненность мужскаго населенія вызываетъ и большую смертность среди него. Въ Россіи въ 1868—70 годахъ умирало 3,84% мужчинъ и 3,6% женщинъ, первыхъ болѣе на 0,22%, а въ Солигаличскомъ уѣздѣ въ 1881—83 годахъ умерло первыхъ 3,19 и вторыхъ 2,72% т. е. мужчинъ умерло на 0,47% болѣе. Къ этому же нужно прибавить, что много мужчинъ умираетъ на сторонѣ и, слѣдовательно, не попадаетъ въ метрики; по моимъ вычисленіямъ, въ одномъ приходѣ умерло на сторонѣ болѣе 0,3% въ годъ. Такая выдающаяся смертность мужчинъ ведетъ къ

4) значительному преобладанію женскаго населенія надъ мужскимъ. По Янсону Ярославская и Костромская губерніи, самыя отхожія, первыя по преобладанію женщинъ: въ Ярославской на 100 мужчинъ было *115,3* женщинъ, а въ Костромской *113,1*. Но въ 1886 году, по свѣдѣнію Костромскаго статистическаго Комитета, въ Костромской губерніи было уже на 100 мужчинъ 116,6 женщинъ, въ отхожей полосѣ даже *120* и maximum въ самомъ отхожемъ уѣздѣ Чухломскомъ *125,1*. Такое преобладаніе женщинъ, конечно, невыгодно во всѣхъ отношеніяхъ; укажемъ здѣсь только на одинъ фактъ, что въ Солигаличскомъ уѣздѣ масса дѣвушекъ и молодыхъ вдовъ остаются внѣ замужества.

Изъ благопріятныхъ явленій отхода остановимся здѣсь только на двухъ:

5) Городской отходъ является, такъ сказать, *громоотводомъ* противъ усиленнаго роста нашихъ столичныхъ и большихъ городовъ и увеличенія городскаго и безземельнаго пролетаріата. Какъ въ санитарномъ такъ и въ соціально-экономическомъ отношеніи это вліяніе отхожихъ заработковъ нужно считать полезнымъ: пока народная масса не вполнѣ оторвана отъ земли, представляющей для отхожихъ рабочихъ нѣкоторое обезпеченіе, эти рабочіе не могутъ сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ капиталистическаго производства, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняется надежда на устройство земледѣльческо-промышленныхъ общинъ.

6). Второе хорошее вліяніе отхожихъ заработковъ—распространеніе грамотности среди населенія. Въ 1880 году изъ призывныхъ въ Костромской губерніи грамотныхъ было 35,8%, а въ отхожихъ уѣздахъ 55,9% (въ Чухломскомъ даже 73,5%). Въ 1883—87 годахъ изъ 1439 Солигаличскихъ призывныхъ грамотныхъ было 59,2%, а въ 1883 году во всей Россіи только 24,51%, т. е. почти въ $2^1/_2$ раза менѣе, несмотря на то, что въ общерусскихъ данныхъ считаются и болѣе грамотные городскіе жители. Грамотныхъ женщинъ, конечно, не особенно много и здѣсь, но во всякомъ случаѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ остальной крестьянской Россіи; такъ изъ дѣвушекъ, вступавшихъ въ бракъ въ 1873—75 годахъ, въ Солигаличскомъ уѣздѣ было грамотныхъ 8,7% (въ Чухломскомъ даже 16,6%), тогда какъ во всей губерніи 3,1% и чисто осѣдлыхъ уѣздахъ только 1,05. Болѣе позднихъ данныхъ мы не имѣли, но нужно думать, что грамотность среди женщинъ отхожей полосы значительно увеличилась, такъ какъ въ Солигаличскихъ школахъ дѣвочки составляютъ $^1/_3$—$^1/_2$ всѣхъ учащихся. Если же мы обратимся къ даннымъ народныхъ школъ, то замѣчаемъ страшное несоотвѣтствіе: процентъ учащихся мальчиковъ въ Солигаличскомъ уѣздѣ—2,07%,—менѣе, чѣмъ во всей губерніи (2,22) и даже въ одномъ изъ самыхъ безграмотныхъ уѣздовъ Ветлужскомъ — 2,48%. Такое несоотвѣтствіе между грамотностью и числомъ учащихся объясняется тѣмъ, что большинство солигаличскихъ мальчиковъ учится не въ народныхъ школахъ, а дома у различныхъ грамотѣевъ: отставныхъ солдатъ и питерщиковъ, родныхъ, дьячковъ и пр. Здѣсь во многихъ деревняхъ встрѣчаются свои школы и импровизированный учитель, кромѣ содержанія, получаетъ отъ 3—8 рублей за выучку каждаго ученика. Учатся мало въ земскихъ школахъ по тремъ причинамъ: недостатокъ школъ, малочисленность семей и продолжительность ученья въ школѣ. Семьи здѣсь такъ малы, что всякій ребенокъ съ 8—9 лѣтъ является уже полезнымъ членомъ семьи въ качествѣ няньки при младшихъ дѣтяхъ и потому отпускать его на всю недѣлю въ школу очень трудно; учась же въ своей деревнѣ, онъ все-таки полдня бываетъ дома. Точно также многіе родители мнѣ жаловались на продолжительность 3-годичнаго курса, и у своихъ учителей мальчикъ научается необходимой премудрости въ одну зиму. Съ другой стороны, каждую весну приходилось слышать сѣтованія и учителей, что извѣст-

ное число учениковъ постоянно не оканчиваетъ курса, такъ какъ родители съ наступленіемъ извѣстнаго возраста берутъ ихъ и отправляютъ въ Питеръ для обученія ремесламъ. Такимъ образомъ отходъ препятствуетъ правильному обученію дѣтей въ школахъ, но онъ же привилъ здѣшнему бродячему населенію сознаніе необходимости быть грамотными. Сталкиваясь съ столичными жителями и условіями жизни, питерщики во-очію видятъ все неудобство быть неграмотными; умѣнье читать и писать важно и для того, чтобы занять высшій служебный постъ прикащика, артельщика. Многія занятія и немыслимы для неграмотныхъ: торговцы, лавочники, водопроводчики, всѣ хозяева и «хозяйчики». Все это заставляетъ всѣхъ родителей заботиться объ ученьи своихъ мальчиковъ, и дѣйствительно, очень немногіе изъ нихъ уѣзжаютъ въ Питеръ неграмотными, но и изъ этихъ большинство знакомится съ грамотой въ столицѣ или отъ товарищей-учениковъ, или отъ мастеровъ. Замѣтное вліяніе на развитіе грамотности оказываетъ и необходимость переписки между Питеромъ и деревней; особенно это важно для деревни, т. е. женщинъ, ожидающихъ и требующихъ отъ мужей *присыла*. Но не одна необходимость переписки съ отцами и мужьями заставляетъ здѣшнихъ женщинъ быть грамотными; въ отсутствіе мужей онѣ полныя хозяйки дома, ведутъ всѣ дѣла съ судьями, волостнымъ и инымъ начальствомъ, уплачиваютъ подати, разсчитываются съ работниками; отправленіе всѣхъ этихъ *многосложныхъ функцій* для неграмотныхъ очень затруднительно. Большая самостоятельность и отвѣтственность здѣшнихъ женщинъ требуютъ со стороны ихъ и бóльшихъ средствъ для борьбы съ окружающими препятствіями; и грамотность безспорно одно изъ этихъ средствъ.

Однако солигаличская грамотность идетъ очень недалеко: чтеніе, письмо и счетъ вполнѣ достаточны для удовлетворенія нуждъ питерщика. Въ столицахъ большинству мастеровъ читать вовсе некогда, и послѣ усиленной работы остается только время для отдыха, а дома, въ деревнѣ, несмотря на желаніе, читать нечего. Крупные богачи выписываютъ газеты и слегка интересуются политикой; газеты преимущественно маленькія и дешевенькія, въ родѣ «Свѣта». Книгъ же я здѣсь находилъ очень мало; это—псалтири, молитвенники и другія духовныя книги, а изъ свѣтской литературы различныя сказки и вообще изданія Леухиныхъ e tutti quanti. О дальнѣйшемъ образованіи и ученьи дѣтей богатыхъ питерщиковъ также ничего не слыхать. Только у трехъ, совсѣмъ переѣхавшихъ болѣе 20 лѣтъ въ столицы и окончательно разорвавшихъ всякую связь съ деревней, дѣти учатся въ гимназіяхъ, а одинъ окончилъ курсъ въ институтѣ инженеровъ. Но вѣдь это—уже совсѣмъ городскіе жители, а богачи, имѣющіе свои дома въ деревнѣ, держатъ обыкновенно всѣхъ своихъ дѣтей въ деревнѣ, обучаютъ ихъ только въ народныхъ школахъ до полученія льготнаго свидѣтельства 4-го разряда, а затѣмъ съ 11—13 лѣтъ увозятъ ихъ въ столицу для обученія своему ремеслу, торговлѣ. Болѣе молодые изъ этихъ богачей отлично знакомы

со всѣми петербургскими дорогими увеселительными заведеніями и ихъ женскимъ персоналомъ, знаютъ даже нѣсколько словъ по-французски, но это только смѣшныя «вороны въ павлиньихъ перьяхъ». Вообще, на основаніи нашихъ наблюденій въ Солигаличскомъ уѣздѣ, мы пришли къ такому заключенію, что отхожіе заработки очень способствуютъ распространенію грамотности, но нисколько не развиваютъ въ здѣшнемъ населеніи любознательности, наклонности къ чтенію и къ самообразованію. Какъ въ городской культурѣ, такъ и въ грамотности усвоивается нашими промышленниками преимущественно одна внѣшность, а внутренній смыслъ постигается очень туго. Такъ какъ по внѣшнему благоустройству отхожія волости опередили на нѣсколько десятковъ лѣтъ сосѣднія осѣдлыя волости, то на нѣкоторыхъ авторовъ, мало знакомыхъ съ отхожимъ краемъ, жизнь населенія этого края производитъ очень благопріятное впечатлѣніе, сравнительно съ жизнью земледѣльческаго населенія.

Но это только на первый разъ; чѣмъ дальше будутъ они изслѣдовать всѣ условія жизни въ отхожей полосѣ, и, оставляя въ сторонѣ внѣшность, проникать во внутренній смыслъ ея, тѣмъ сильнѣе будетъ ихъ разочарованіе... Столичный свѣтъ проникаетъ очень неглубоко, и только тогда начнетъ развиваться наше крестьянство, когда среди него, въ деревняхъ, будетъ открыто необходимое число школъ съ болѣе обширной программой, чѣмъ настоящая, библіотеки, чтенія для взрослыхъ и другія образовательныя учрежденія. Для развитія нашего крестьянства нуженъ не столичный, яркій но отдаленный свѣтъ, а мѣстный, хотя и болѣе слабый, но приноровленный къ жизни населенія!

---

[1]) Ю. Э. Янсонъ. Сравнительная статистика Россіи. Т. I, стр. 371.

[2]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Костромской губерніи, стр. XXVIII.

[3]) Статистика поземельной собственности, изд. Центр. Статист. Комитета.

[4]) См. «Къ статистикѣ Солигаличскаго уѣзда». VII вып. «Матеріал. для статистики Костром. губ.».

[5]) См. «Къ статистикѣ Солигаличскаго уѣзда» въ Матеріал. для статистики Костр. губ. Вып. VI и VII.

[6]) Дешево обходится дорога только однимъ невзыскательнымъ плотникамъ—волгарямъ, которые преимущественно совершаютъ ее пѣшкомъ или водой до Рыбинска.

[7]) Сред. числомъ по этапу ежегодно приходитъ около 80 человѣкъ т. е. 1,5% всѣхъ уходящихъ, и этапъ обходится каждый годъ уѣзду почти въ 1000 рублей.

[8]) Но вообще въ послѣднее время чаще приходится слышать о разрушеніи прежнихъ богатствъ, чѣмъ о созиданіи новыхъ.

[9]) Такіе выборы ведутъ иногда къ полному прекращенію хозяйства и къ

разоренію, почему всѣ состоятельные крестьяне откупаются отъ выбора, что иногда стоитъ 100—300 руб. за каждое трехлѣтіе.

[10]) Крестьянская же женщина будетъ всегда тянуть къ землѣ, такъ какъ къ столичной жизни ей привыкнуть трудно и она скучаетъ безъ дорогихъ для нея сельскихъ занятій.

[11]) Вліяніе отхожихъ зараб. на движеніе народонаселенія Костром. губ. по даннымъ 1866—83 гг. Кострома 1887 г. — Вліяніе отх. зар. на движеніе народонаселенія въ Салигаличскомъ уѣздѣ. Сбор. Сочин. по Суд. М. 1885. Т. I.— Къ вопросу о плодовитости замужнихъ женщинъ. Вліяніе отхожихъ заработковъ. «Врачъ», 1886 г., № 39.

[12]) Вліяніе отхож. зараб. на физическое развитіе новобранцевъ.

Д. И. Жбанковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскіе журналы за первое полугодіе 1890 года.

Не имѣя въ виду библіографической полноты, мы желаемъ въ настоящемъ обзорѣ указать читателю работы, наиболѣе выдающіяся въ томъ или иномъ отношеніи. Цѣнное пріобрѣтеніе въ области *исторіи русскаго права* составляетъ работа проф. *В. О. Ключевскаго* «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси» (Русская Мысль, № 1), которая имѣетъ цѣлью разобрать три вопроса: 1) о составѣ представительства въ связи съ устройствомъ мѣстныхъ міровъ и общественныхъ классовъ, представители которыхъ призывались на соборы; 2) о происхожденіи земскихъ соборовъ и 3) о развитіи соборнаго представительства, какъ оно отражалось въ постепенномъ измѣненіи соборнаго состава. Въ этой работѣ особенно поражаютъ читателя двѣ особенности: необыкновенно оригинальная постановка вопроса, много разъ бывшаго предметомъ изслѣдованія въ русской историко-юридической литературѣ, и искусный подборъ и остроумное сопоставленіе историческихъ источниковъ. Кратко обозрѣвъ литературу предмета и признавъ, что въ изученіи судьбы и характера земскихъ соборовъ сдѣлано такъ много, что нѣтъ нужды въ общемъ пересмотрѣ вопроса, авторъ пришелъ къ заключенію о необходимости только *новой* постановки указаннаго вопроса. Земскіе соборы изучали въ сравненіи съ представительными учрежденіями Западной Европы, изучали слѣдовательно одностороние и при этомъ изученіи могли только уяснить, чѣмъ у насъ *не* были земскіе соборы. Мы знаемъ обстановку и дѣятельность земскихъ соборовъ, знаемъ, чего имъ *не* достаетъ по сравненію съ западно европейскими представительными учрежденіями, но совершенно незнакомы съ природою самого учрежденія, съ *его составомъ* и своеобразнымъ пониманіемъ у насъ представительнаго начала, отличнымъ отъ западно европейскаго. Такой процессъ мышленія привелъ автора къ изученію природы древне-русскаго представительнаго начала и состава собора, что возможно лишь въ связи съ изученіемъ политической почвы

древней Руси, т. е. устройства мѣстныхъ міровъ и общественныхъ классовъ. Изученіе состава земскаго представительства и составляетъ весь основной сюжетъ работы.—Къ работамъ же по исторіи русскаго права надо отнести статью *Н. Д. Сергѣевскаго* «Смертная казнь при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ» (Жур. гр. и угол. права, № 1). Н. Д. Сергѣевскій полагаетъ, что указъ сената 1754 г., принимаемый иногда въ литературѣ за тотъ законодательный актъ, которымъ произведена отмѣна смертной казни въ Россіи, на самомъ дѣлѣ лишь пріостанавливалъ приведеніе въ исполненіе смертныхъ приговоровъ впредь до разсмотрѣнія вопроса о смертной казни и изданія новаго на сей предметъ узаконенія. Указъ сената шелъ въ разрѣзъ съ волей императрицы (см. указъ отъ 29 марта 1753 г.), выраженной ею въ словесномъ указѣ существовавшей при ней законодательной коммиссіи. Это мнѣніе находимъ также выраженнымъ у В. И. Сергѣевича, который прямо говоритъ (Лекціи по исторіи русскаго права, Спб. 1890, стр. 520), что «неприведеніе въ исполненіе приговоровъ къ смертной казни въ царствованіе Елизаветы есть слѣдствіе ея личнаго отвращенія къ этому наказанію, а не измѣненія въ нашихъ законахъ» (Срв. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ 1888, стр. 313). Замѣтку *П. Д. Голохвастова* подъ заглавіемъ «Боярское кормленіе» (Русскій Архивъ, № 6) слѣдуетъ упомянуть въ виду того, что она представляетъ изъ себя странный журнальный курьезъ, повлекшій за собою два удивительныхъ письма въ редакцію «Новаго Времени» (см. № 5139 поэта А. А. Фета и № 5140 отставнаго штыкъ-юнкера). Цѣль замѣтки—публицистическими пріемами невысокаго разбора доказать, что «кормленіе» на языкѣ древне-русскаго права могло имѣть значеніе только gubernationis, т. е. что кормленщики были государственными чиновниками, а не простыми арендаторами княжескихъ доходовъ отъ суда и пошлинъ, отъ которыхъ населеніе, по свидѣтельству источниковъ XV вѣка, бѣжало «розно». Заимствованная авторомъ у К. С. Аксакова мысль доказывается въ неопрятной и по языку и по содержанію формѣ, переходящей порою прямо въ неприличіе. Чтобы хотя нѣсколько осмысленно оспаривать то или иное толкованіе термина «кормленіе», надо было бы отправляться отъ функцій кормленщика и истолкованія ихъ характера, а не вращаться все время въ лингвистическихъ ухищреніяхъ, какъ это находимъ въ замѣткѣ. Лишь патологическимъ характеромъ замѣтки можно объяснить выходки, встрѣчающіяся по адресу наиболѣе уважаемыхъ именъ русской литературы (стр. 211 и 218) или явно презрительное отношеніе къ Положенію 19 февраля 1861 г.; толкованіе термина «кормленіе», прочно установленное въ наукѣ исторіи русскаго права Б. Н. Чичеринымъ, С. М. Соловьевымъ и В. О. Ключевскимъ и недавно вновь повторенное въ серіозной работѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго (Организація прямаго обложенія въ Моск. госуд. Спб. 1890 во введеніи), охарактеризовано «волчьимъ цинизмомъ» (с. 239) etc. Въ концѣ замѣтки авторъ въ качествѣ аргументовъ за свое толкованіе поль-

зуется собственными выдумками, которыя съ головой выдаютъ его и объясняютъ для читателей источникъ ненормальности, болѣзненности замѣтки. кроющійся въ обожествленіи гусей, когда-то спасшихъ Римъ (см. стр. 244, 245, стрк. св. 16—20; ср. стр. 218). Какъ послѣ этого не повторить положеніе великаго сатирика о томъ, что «политиканство давитъ успѣхи науки и мысли, и самыя существенныя побѣды послѣднихъ умѣетъ обращать исключительно въ свою пользу» (VIII, 311)!

По вопросамъ *уголовнаго права* въ настоящемъ году еще продолжалась острая полемика, вызванная дѣломъ капитана Гиждеу. Въ «Вѣстникѣ Общ. Гигіены и практ. медицины» появились статьи гг. *Таранецкаго* и *Смирнова* («Дѣло о смерти капитана Гиждеу» № 1 и «Рѣшеніе судебно медицинскихъ вопросовъ по дѣлу о насильственной смерти капитана Гиждеу»), сторонниковъ насильственной смерти капитана Гиждеу (также какъ и *Э. Беллинъ*, издавшій отдѣльную брошюру «Процессъ Гиждеу». Харьковъ). Имъ возражали *Л. Маровскій* (отдѣльною брошюрой «Дѣло о насильственной смерти капитана Гиждеу») и заслуж. проф. *Ф. Эргардтъ* (въ «Кіевскихъ Унив. Изв.», № 3. «Кто правъ»?). Выступая горячимъ сторонникомъ самоубійства, а не насильственной смерти капитана Гиждеу, проф. Эргардтъ (срв. его статью ib. № 9 за 1889 г.) долженъ былъ сдѣлать вѣское замѣчаніе по поводу нѣкоторыхъ ненаучныхъ пріемовъ г. Таранецкаго, позволившаго себѣ заявить, что Ф. Эргардтъ выставляетъ завѣдомо ложное положеніе. «Такая замѣтка, пишетъ проф. Эргардтъ, о *завѣдомо ложномъ* съ моей стороны предположеніи вполнѣ *оригинальна*. Подобнаго рода инсинуаціи и заподозриванія, къ сожалѣнію, встрѣчаются въ литературѣ, но въ научномъ дѣлѣ это явленіе небывалое, и тутъ *первенство* и *оригинальность* всецѣло принадлежатъ г. профессору анатоміи военно-медицинской академіи Таранецкому». Замѣтимъ, что *В. М. Володиміровъ* въ Жур. гр. и угол. права (№ 3, стр. 129) категорически защищаетъ первый оправдательный приговоръ присяжныхъ, считая его лучшимъ выходомъ изъ затрудненія.

Въ «Юрид. Лѣтописи» интересны двѣ замѣтки *А. Ф. Кони*. Первая изъ нихъ (№ 1 «Раздѣленіе голосовъ по дѣламъ уголовнымъ») касается практическаго вопроса о порядкѣ и способѣ счета голосовъ, подаваемыхъ по уголовному дѣлу при постановленіи приговора (769 статья устава уголовнаго судопроизводства) и имѣетъ цѣлью доказать ненужность замѣны, отмѣны или измѣненія 769 ст. вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ процессуалистовъ, указывающихъ въ виду нѣкоторыхъ практическихъ затрудненій на необходимость измѣнить ее въ смыслѣ 699 ст. устава гражд. суд. «Ст. 769 уст. угол. судопр., говоритъ А. Ф. Кони, обезпечиваетъ судьѣ свободное, согласно съ указаніями совѣсти, выраженіе своего мнѣнія о всей фактической сторонѣ дѣла» (стр. 119). Практическія затрудненія, вызываемыя ея примѣненіемъ, представляютъ результатъ «неумѣлой или необдуманной постановки вопросовъ по дѣлу въ связи съ отсутствіемъ выработанныхъ судебною практикой правилъ и традицій, касающихся

отношеній мнѣнія меньшинства къ большинству и т. д.». Вторая (№ 7 «Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ») замѣтка также носитъ практическій характеръ. Признавая непогрѣшимость принципа, что возобновленію подлежатъ лишь тѣ уголовныя дѣла, по которымъ приговоры вступили въ законную силу, признавая также невозможнымъ для суда пріостанавливать на неопредѣленное время свои резолюціи по существу дѣла (допущеніе послѣдняго въ нѣкоторыхъ случаяхъ повлекло бы за собою нарушеніе основнаго начала невмѣшательства административной власти въ постановленіе, отмѣну или измѣненіе судебныхъ рѣшеній), авторъ приходитъ къ заключенію, что въ виду такихъ практическихъ казусовъ, какъ дѣло почтоваго чиновника Пономарева въ харьковской судебной палатѣ, общимъ судебнымъ учрежденіямъ слѣдуетъ предоставить право 1) «входить наравнѣ съ осужденными и лицами прокурорскаго надзора въ сенатъ съ ходатайствомъ о возобновленіи дѣлъ, указанныхъ въ 934 ст. уст. угол. суд.» и 2) въ случаяхъ «признаваемой судомъ уважительности оснований для возобновленія дѣла, выраженной въ особомъ опредѣленіи, не обращать, по непосредственному своему усмотрѣнію или по предложенію прокурора, вошедшаго въ законную силу приговора къ исполненію впредь до полученія разрѣшенія сената на предъявленное ему ходатайство о возобновленіи» (стр. 17). Таковъ выходъ изъ затрудненія, предложенный А. Ф. Кони.

Вопросъ, затронутый А. Ф. Кони въ первой замѣткѣ, еще разъ трактуется въ «Юрид. Лѣтописи» *П. Я. Александровымъ* (№ 5 «Подача мнѣній и раздѣленіе голосовъ при постановленіи уголовныхъ приговоровъ»). Считая вмѣстѣ съ Н. А. Буцковскимъ порядокъ разрѣшенія разногласія судей, введенный 769 ст. уст. угол. суд., довольно оригинальнымъ, г. Александровъ утверждаетъ, что обсуждаемая статья несовершенна уже по одной многочисленности началъ, положенныхъ въ ея основаніе (система вывода рѣшенія изъ различныхъ мнѣній судей) [1], и доказываетъ несостоятельность начала относительнаго большинства, которое можетъ составиться лишь при болѣе, чѣмъ двухъ мнѣніяхъ, когда, по мнѣнію автора (с. 416), не трудно произвести учетъ этихъ мнѣній по началу безусловнаго большинства. Также несостоятельно, по мнѣнію г. Александрова, и начало перевѣса мнѣнія предсѣдателя, создающее искусственно увеличенную авторитетность лица, которое не превосходитъ прочихъ судей ни бóльшимъ судебнымъ опытомъ, ни бóльшимъ объемомъ знаній или природныхъ дарованій; начало же наибольшей благопріятности для подсудимаго не имѣетъ права на самостоятельное существованіе. Авторъ признаетъ состоятельнымъ въ данномъ вопросѣ только принципъ безусловнаго большинства въ его положительной и отрицательной формѣ. Отсюда понятно, что, вопреки А. Ф. Кони, онъ требуетъ пересмотра

---

1) Начала безусловнаго большинства, перевѣса мнѣнія предсѣдателя, относительнаго большинства и наибольшей благопріятности для подсудимаго (с. 412).

769 ст. уст. угол. суд., считая слишкомъ радикальнымъ мнѣніе послѣдняго, которое освобождаетъ судью, оставшагося въ меньшинствѣ, отъ дальнѣйшаго голосованія, и склоняется въ пользу Н. А. Неклюдова, признающаго для судьи обязательнымъ голосовать по всѣмъ вопросамъ и въ голосованіи подчиняться мнѣнію большинства (с. 427, 431). Защищая свои положенія, П. Я. Александровъ въ заключеніе говоритъ, что «споръ судейскихъ мнѣній не есть споръ академическаго характера», что «судъ отыскиваетъ не научную истину, а долженъ безотлагательно постановить рѣшеніе, основанное на совокупномъ обсужденіи всѣхъ вопросовъ по дѣлу».

Въ Жур. гражд. и угол. права (№ 5) читаемъ обширное толкованіе 27 статьи устава угол. суд., предложенное *А. фонъ-Резономъ*. Толкуя статью со ссылками на право западно-европейскихъ народовъ и рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, авторъ пришелъ къ шести главнымъ выводамъ, изъ которыхъ укажемъ на 1) что 27 ст. уст. угол. суд. примѣняется исключительно въ томъ случаѣ, когда отъ разрѣшенія предрѣшительнаго вопроса находится въ зависимости опредѣленіе преступности дѣянія, 2) что къ предрѣшительнымъ вопросамъ гражданскаго права принадлежатъ исключительно указанные въ 27 ст. уст. угол. суд. вопросы о правахъ состоянія, о собственности на недвижимое имущество и о свойствѣ несостоятельности и 3) что наличность предрѣшительнаго вопроса гражданскаго права препятствуетъ начатію уголовнаго дѣла лишь въ томъ случаѣ, когда судъ обязанъ возбуждать этотъ вопросъ ex officio.

И. М. Гордонъ въ «Юрид. Лѣтописи» (№ 4 «Заочное разбирательство по дѣламъ уголовнымъ») выступаетъ съ толкованіемъ и защитой закона 15 февраля 1888 года о заочныхъ приговорахъ. Въ началѣ статьи авторъ съ нескрываемою авторитетностью спѣшитъ оговориться, что теперь положительно наступило время критическаго отношенія къ судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года. «Текущее законодательство, говоритъ авторъ (с. 290), не могло стать на точку зрѣнія абсолютной непогрѣшимости судебныхъ уставовъ, вслѣдствіе чего защитники этого взгляда разъ навсегда оказались зачисленными, такъ сказать, въ непримиримую оппозицію, мнѣніямъ коей *не* придается большаго значенія» (?!). Законъ 15 февраля 1888 г. о заочныхъ приговорахъ является, по мнѣнію автора, совершенно безразличнымъ по отношенію къ основнымъ началамъ судебной реформы и вызванъ исключительно практическими соображеніями объ удобствахъ отправленія правосудія [2]). Авторъ исходитъ далѣе изъ того, что законъ 15 февраля не только не налагаетъ на подсудимаго новыхъ тягостей или обязанностей, но даже предоставляетъ ему *новое* право—не являться въ извѣстныхъ случаяхъ въ судебное засѣданіе. Самый законъ имѣлъ цѣлью ускорить производство дѣлъ, и

---

[2]) Авторъ называетъ этотъ законъ «невиннымъ и даже не вполнѣ удачнымъ» (стр. 291).

вотъ съ этой-то именно стороны является *крайне неудовлетворительнымъ*. На дѣлѣ законъ часто замедляетъ теченіе дѣлъ. Это очень ясно представлено И. М. Гордономъ, который тутъ же замѣчаетъ (стр. 295), что «допущеніе заочнаго приговора можетъ имѣть для подсудимаго нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія, а именно, онъ лишается возможности участвовать въ допросѣ свидѣтелей, передопросъ которыхъ для суда при вторичномъ слушаніи дѣла необязателенъ». Но для чего же спрашивается, пишется апологія «невиннаго», по выраженію автора, узаконенія? Самъ авторъ очень мѣтко отмѣчаетъ далѣе, что «невинное» узаконеніе 15 февраля 1888 г. пришло на помощь подсудимымъ именно того разряда, которые всячески стараются о возможномъ замедленіи движенія дѣла (при нарушеніи, напр., питейнаго устава). «При прежнемъ порядкѣ неявка въ засѣданіе грозила приводомъ и возложеніемъ издержекъ по первому засѣданію; теперь неявка подсудимаго не влечетъ за собою никакихъ непріятныхъ для него послѣдствій». Приходится думать, что это вовсе не «невинное» узаконеніе. Защищая самый принципъ допущенія заочныхъ приговоровъ по дѣламъ уголовнымъ, авторъ (стр. 299) замѣчаетъ, что «распространеніе правилъ о заочныхъ приговорахъ на всѣ дѣла, подсудныя мировымъ судебнымъ установленіямъ, явилось бы послѣдовательной и справедливой мѣрой».

Статья *Гр. А. Джаншіева* («Русская Мысль», № 5). «Нашъ судъ присяжныхъ и его критики» направлена исключительно противъ невѣжественныхъ порицаній извѣстною частью нашей прессы института суда присяжныхъ. Уличивъ этихъ порицателей въ томъ, что они совершенно не знаютъ предмета, о которомъ говорятъ, и потому путаются въ своей аргументаціи, Гр. А. Джаншіевъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что процентъ оправдательныхъ приговоровъ у насъ очень невеликъ, да и то повышенъ лишь благодаря особому обстоятельству, имѣвшему вліяніе въ указанномъ отношеніи не только у насъ, но и въ западной Европѣ. Гр. А. Джаншіевъ настаиваетъ на связи, всегда существующей между поведеніемъ присяжныхъ и качествомъ уголовнаго кодекса. Тамъ, гдѣ уголовный кодексъ слишкомъ устарѣлъ, отсталъ отъ жизни, слишкомъ страдаетъ очевидными недочетами, тамъ всегда усиливается и процентъ оправдательныхъ приговоровъ. Этимъ объясняются нѣкоторые оправдательные приговоры и у насъ. Оправдательные приговоры присяжныхъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно лишь заставляютъ законодателя пересмотрѣть самый кодексъ и ничего вреднаго изъ себя не представляютъ и не могутъ представлять.

Заканчивая указаніе на статьи по уголовному праву и судопроизводству, нельзя не упомянуть о продолжающейся у насъ борьбѣ двухъ школъ уголовнаго права классической и антропологo-позитивной. Въ «Юрид. Лѣт.» (№ 5, стр. 446 и слѣд.) напечатанъ отчетъ о чтеніи *Г. Б. Сліозбергомъ* въ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ реферата «О классическомъ и позитивномъ направленіи въ наукѣ уголов-

наго права», по поводу котораго высказывались Н. С. Таганцевъ и А. Ф. Кони. Въ то же время органъ С.-Петербургскаго юридическаго общества (Журн. гражд. и угол. права, № 3) напечаталъ статью *П. Н. Обнинскаго* «Иллюзіи позитивизма», а «Вѣстникъ Европы» (№ 5) статью проф. *Д. Н. Анучина* «Изученіе психо-физическихъ типовъ», на которую отвѣчалъ *Д. А. Дриль* въ «Русской Мысли» (№ 6) «Въ чемъ же состоятъ увлеченія антропологической школы уголовнаго права».

Обратимся къ нѣкоторымъ статьямъ по *гражданскому праву*.

За обозрѣваемое время въ журналистикѣ не появилось ничего особенно существеннаго. *К. Анненковъ* напечаталъ двѣ статьи въ Жур. гражд. и уголов. права (№ 2 «Послѣдствія неисполненія договора одной стороной по отношенію правъ и обязанностей другой» и № 6 «Принципы западно-европейскаго договорнаго права въ обычаяхъ нашихъ крестьянъ»), изъ которыхъ наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе вторая статья.

Въ томъ же журналѣ (№ 3) *А. Х. Гольмстенъ* (см. его же «Правда и милость въ гражданскомъ судѣ» въ Юридич. Лѣтоп. № 1) выступаетъ со статьей по вопросу «О договорномъ представительствѣ въ гражданскомъ судѣ до и послѣ закона 25 мая 1874 года», произведшаго въ немъ существенныя измѣненія, которыя однако не вызвали соотвѣтствующихъ кодификаціонныхъ поправокъ. Законъ 25 мая «не только создалъ особый классъ частныхъ повѣренныхъ, но и адвокатскую монополію: исключительное право присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ на веденіе гражданскихъ дѣлъ». Основываясь на положеніи, что исключеніе изъ исключенія изъ прежняго правила, не вошедшее въ новое, падаетъ само собою и часть новаго правила, не входившая въ прежнія исключенія изъ исключенія, сама собой не обращается въ исключеніе изъ исключенія (стр. 77), авторъ ради прекращенія разногласій на практикѣ предлагаетъ кодификаціонныя поправки (стр. 81) къ ст. 406^1 учр. судеб. уст., къ ст. 44, 49^1, 45, 248, 246 уст. гражд. судопр. Эти измѣненія и должны прекратить практическія разногласія судовъ относительно ст. 44 и 245 уст. граж. суд.

Помѣщенная въ томъ же журналѣ статья *В. Садовскаго* (№ 5) «Договоръ коммиссіи и несостоятельность участвующихъ въ немъ лицъ» имѣетъ цѣлью съ помощію матеріала, добытаго при уясненіи вопроса: какое вліяніе на отношенія между предпоручителемъ и коммиссіонеромъ оказываетъ открытіе несостоятельности того или другаго изъ нихъ, разрѣшить также вопросъ о принадлежности коммиссіоннаго имущества въ томъ или другомъ фазисѣ исполненія коммиссіоннаго порученія.

Напомнимъ еще статью *И. Я. В.* «О черногорскомъ гражданскомъ уложеніи, его направленіи и методѣ его составленія» (въ Жур. Минист. Народ. Просвѣщен. № 1). Этотъ трудъ проф. *В. В. Богишича* былъ обнародованъ, какъ извѣстно, 26 апрѣля (8 мая) 1888 года (см. объ этомъ уложеніи книгу Dr. K. Dickel'я: Ueber das neue bürgerliche Gesetzbuch für Montenegro etc. и рецезію на нее Н. Дружинина въ Жур. граж.

и угол. права № 3, стр. 121 — 122). Статья И. Я. В. тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что черногорское уложеніе, какъ извѣстно, замалчивается въ нѣкоторой части нашей журналистики, а между тѣмъ оно, несомнѣнно, должно бы было сильно интересовать русскую журналистику, и нельзя не пожалѣть вмѣстѣ съ Н. Дружининымъ, что до сихъ поръ не появляется русскаго перевода уложенія.

Статья И. Я. В. гораздо скупѣе на подробности, чѣмъ можно было ожидать по интересу предмета, и это обстоятельство затрудняетъ насъ сказать, составляетъ ли она результатъ самостоятельнаго изученія черногорскаго уложенія или составлена по отчетамъ другихъ (напр., гг. Дареста, Дикеля) [3]. Авторъ прежде всего сжато останавливается на главныхъ особенностяхъ, которыми Черногорія отличалась отъ прочихъ европейскихъ государствъ во время составленія уложенія, и на основныхъ чертахъ организаціи семейной общины въ Черногоріи. Черногорская семья зиждется на томъ положеніи, что «все, что пріобрѣтается заботами и трудами члена семьи, является не личною его собственностью, а собственностью семьи, къ которой онъ принадлежитъ; съ другой стороны вся семья отвѣтствуетъ и за обязательства члена семьи предъ остальнымъ міромъ». Черногорское уложеніе въ принципѣ сохранило это положеніе, и нововведенія касаются главнымъ образомъ отвѣтственности членовъ семьи предъ внѣсемейнымъ міромъ. Разсмотрѣніе уложенія сосредоточено главнымъ образомъ вокругъ имущественныхъ правъ семьи и ея обязательствъ. Въ заключеніе И. Я. В. касается тѣхъ затрудненій, которыя приходилось испытывать кодификатору, чтобы закончить работу согласно намѣченному плану и основному воззрѣнію на право, какъ своего рода организмъ, являющійся естественнымъ результатомъ суммы условій, изъ которыхъ вытекаетъ моральная, матеріальная и интеллектуальная жизнь народа (стр. 32). Заканчивая свою интересную замѣтку, И. Я. В. формулируетъ свой взглядъ на Уложеніе въ слѣдующихъ словахъ: «кодификаторъ ввелъ въ свое уложеніе нѣкоторые отдѣлы, совершенно отсутствующіе въ другихъ кодексахъ, и, наоборотъ, исключилъ изъ него нѣкоторыя части, казавшіяся ему излишними; онъ принялъ особое систематическое распредѣленіе статей уложенія, позаботился о ясной и разумной формулировкѣ законовъ, привелъ въ соотвѣтствіе отдѣльные правовые институты, которые постарался согласовать съ разными потребностями національной жизни» (35 — 36). Въ только что вышедшемъ третьемъ томѣ сочиненій *В. Д. Спасовича* (Спб. 1890) находится

---

[3]) Въ статьѣ И. Я. В. приведены въ русскомъ переводѣ небольшіе отрывки изъ Уложенія и обращено вниманіе на нѣкоторыя стороны дѣла, которыхъ касается и K. Dickel. Въ нашемъ журналѣ (1889 г. № 6 и 7; срв. 1888 г. № 4) былъ напечатанъ переводъ письма В. В. Богишича «О принципахъ и методѣ, принятыхъ при кодификаціи гражданскаго права Черногоріи», спеціально посвященнаго вопросу, который имѣетъ въ виду выяснить И. Я. В.

любопытная статья, посвященная труду В. В. Богишича «Черногорія и и имущественный законникъ Богишича», гдѣ авторъ замѣчаетъ (стр. 544), что «всѣ мнѣнія по поводу имущественнаго законника» сойдутся въ томъ, что полезно было бы имѣть и черногорскій кодексъ въ виду при выработкѣ проекта гражданскаго уложенія для Россіи.

Немногое приходится отмѣтить за истекшее полугодіе по вопросамъ *государственнаго права*. Укажемъ на статью *г. Яковенко* въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (№№ 1 и 3 «Наше земское представительство»), который пытается выяснить относительное вліяніе различныхъ сословій въ земскомъ самоуправленіи, и преимущественно дворянства и крестьянства. Первое, по мнѣнію В. Яковенко, пользуется неестественно большимъ вліяніемъ, несоразмѣрнымъ ни съ его численностью, ни съ количествомъ обладаемой имъ земли. Не останавливаемся подробнѣе на этой статьѣ, потому что въ № 5 «Юридической Лѣт.» посвящена ей особая замѣтка подъ заглавіемъ: «Вопросы земскаго самоуправленія» (стр. 462—472), гдѣ автору сдѣлано нѣсколько не лишенныхъ интереса замѣчаній. Тамъ же читатели встрѣтятъ указаніе и на запоздалую статью *В. Вороновскаго* «Къ исторіи земскихъ ходатайствъ» (въ Жур. гр. и угол. права № 4). Что касается статьи *Л. З. Слонимскаго* «Старыя и новыя понятія о государствѣ» (Вѣстникъ Европы, №№ 5 и 6), то авторъ говоритъ, что статья его вызвана современнымъ положеніемъ рабочаго вопроса въ Европѣ и отсюда необходимостью пересмотрѣть старый споръ о предѣлахъ государственной дѣятельности. Германія преимущественно выработала теорію всемогущества государства въ области права и народнаго хозяйства; Англія и Франція — теорію индивидуальной свободы съ стремленіемъ ограничить кругъ вмѣшательства государственной власти. Упомянувъ о воззрѣніяхъ Родбертуса и Лассаля, клонящихся къ государственному всевластію, Л. З. Слонимскій обрушивается на ученіе о государствѣ Лор. фонъ-Штейна. Его доктрина о природѣ государства, какъ и объ обществѣ, вполнѣ отвлеченна и апріорна; онъ игнорируетъ историческую очевидность, игнорируетъ анализъ реальныхъ фактовъ. Во второй статьѣ Л. З. Слонимскій переходитъ къ анализу ученія главы англо-французской индивидуалистической школы, Вильгельма фонъ-Гумбольдта.

Бѣдность статей по государственному праву вознаграждается значительно историко-юридической работой проф. В. О. Ключевскаго о земскихъ соборахъ, указанной выше, и отчасти двумя университетскими курсами, печатающимися въ «Кіевскихъ Университет. Изв.» (№ 3—6), именно: *А. Антоновича* «Курсъ государственнаго благоустройства» и *О. Эйхельмана* «Очерки изъ лекцій по русскому государственному праву». Послѣдніе очерки являются предварительною работой, за которой, по обѣщанію автора, долженъ появиться обширный курсъ по русскому государственному праву. Авторъ, между прочимъ, въ обзорѣ литературы предмета, отозвался съ большимъ сочувствіемъ о трудѣ проф. Engel-

mann'a «Das Staatsrecht des Kaiserthums Russlands, написанномъ для изданія Марквардзена «Handbuch des öffentlichen Rechts». Мотивъ появленія предварительныхъ очерковъ—пополнить собою ту скороспѣлую литературу, на увеличеніи которой такъ благопріятно отозвались изданныя министерствомъ народнаго просвѣщенія программы для экзаменаціонныхъ правительственныхъ коммиссій.

Изъ статей по *международному праву* остановимся только на очеркѣ проф. гр. Л. Камаровскаго, имѣющемъ общій интересъ.

«Принципы права не измѣняются смотря по степени могущества государствъ». Это положеніе приходится еще напоминать въ наши дни, при современномъ неудовлетворительномъ положеніи международнаго права и порядка. Его напомнилъ Клюне, подробно разсмотрѣвшій въ Journal du droit intern. privé дѣло Вольгемута съ юридической стороны. Дѣло Вольгемута, какъ характерный образчикъ современныхъ политическихъ нравовъ, дало поводъ *гр. Л. Камаровскому* познакомить русскихъ читателей съ современнымъ положеніемъ вопроса о правѣ убѣжища и нейтралитетѣ Швейцаріи въ наукѣ международнаго права («Столкновеніе Швейцаріи съ Германіей изъ за права убѣжища» въ «Русской Мысли», № 6). Какъ извѣстно, Германія въ лицѣ кн. Бисмарка въ дѣлѣ Вольгемута унизилась до выраженія угрозъ противъ самаго политическаго существованія Швейцаріи; извѣстно также, что проживающіе въ Швейцаріи нѣмцы устроили по этому поводу въ Бернѣ большой митингъ, открыто порицавшій императорскую политику Германіи (точнѣе ея канцлера). Столкновеніе, къ счастію, кончилось мирно, но оно вызвало довольно любопытный обмѣнъ мыслей въ литературѣ по международному праву. Гр. Л. Камаровскій, послѣ изложенія сущности дѣла Вольгемута, разсматриваетъ статью Клюне, съ которымъ онъ не согласенъ въ вопросѣ о порядкѣ расправы съ Вольгемутомъ, настаивая на томъ, что подобнаго рода дѣла должны быть разсматриваемы и рѣшаемы обыкновенными *судами* на точномъ основаніи *законовъ*, а не административнымъ порядкомъ, хотя, по конституціи, швейцарское правительство имѣло на это право; довольно подробно останавливается на монографіи Гильти о нейтралитетѣ Швейцаріи, который приводитъ любопытный разговоръ эрцгерцога Іоанна съ императоромъ Александромъ I (см. примѣчаніе на стр. 65). Гр. Л. Камаровскій удачно при этомъ оспариваетъ зыбкіе выводы автора объ условной правоспособности нейтральныхъ странъ заключать союзы, преслѣдующіе оборонительныя цѣли. Съ полнымъ восторгомъ за то графъ Л. Камаровскій привѣтствуетъ мысли Гильти и Реттиха объ укрѣпленіи и расширеніи въ современномъ международномъ правѣ *принципа нейтрализаціи* (на субъекты и объекты, т. е. какъ на самыя государства, такъ и на различные предметы и учрежденія, служащіе международному обороту); онъ заявляетъ, что нейтрализація Эльзасъ-Лотарингіи была бы самымъ справедливымъ и для обоихъ противниковъ самымъ почетнымъ способомъ рѣшенія этого щекотливаго и тяжелаго вопроса, установивъ

между Франціей и Германіей непрерывный поясъ нейтрализованныхъ земель.

Особый отдѣлъ въ обзорѣ приходится отвести статьямъ по такъ называемому въ наши дни *финляндскому вопросу*, также какъ и вопросу балтійскому. Среди ряда статей, такъ или иначе посвященныхъ Финляндіи, особенно отличается письмо проф. *Р. Германсона* «По вопросу о законахъ Финляндіи» (№ 6 «Вѣстника Европы»), вовсе чуждое полемическаго задора и дающее лишь фактическое разъясненіе этого искусственно созданнаго извѣстною частью нашей прессы финляндскаго дѣла. Первая часть письма касается древнихъ отношеній Финляндіи къ Швеціи и актовъ «формы правленія» 1772 года и «соединенія и безопасности» 1789 г. Авторъ приходитъ къ заключенію, что (стр. 782) «основные законы, дѣйствовавшіе въ Финляндіи во время ея отдѣленія отъ Швеціи, установляли весьма крѣпкую и дѣйствительную монархическую власть съ обширными полномочіями, хотя, въ тоже время, ими не отмѣнялись права, принадлежавшія странѣ въ отношеніи законодательства и обложенія и признававшіяся съ древнѣйшихъ временъ общими основными началами общественнаго строя». Актъ «соединенія и безопасности» 1789 г. вовсе *не* отнялъ у земскихъ чиновъ *всѣхъ* правъ», предоставленныхъ имъ «формами правленія» 1772 г.; онъ вовсе *не* отнималъ и не ограничивалъ правъ страны въ отношеніи законодательства (только § 6 акта 1789 г. лишилъ земскихъ чиновъ правъ инициативы по законодательнымъ вопросамъ) и установленія налоговъ. Значитъ, вопреки утвержденію извѣстной части русской прессы, шведскому королю *не* было предоставлено права самостоятельно постановлять по всѣмъ дѣламъ управленія, не взирая ни на какія узаконенія, кромѣ относящихся до нѣкоторыхъ налоговъ. Вторая половина письма посвящена блестящему опроверженію мнѣнія, что «форма правленія» 1772 г. и «актъ соединенія и безопасности» 1789 г. не имѣлись въ виду императоромъ Александромъ I, утверждавшимъ для Финляндіи прежніе ея законы, ея constitution, ея lois fondamentales. По этому послѣднему вопросу авторъ ограничивается приведеніемъ въ защиту своего мнѣнія лишь подлинныхъ текстовъ оффиціальныхъ актовъ. Послѣ словъ императора Александра I: «J'ai promis de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales, votre réunion ici (на боргосскомъ сеймѣ 16—28 марта 1809 г.) vous garantit Ma promesse» и отмѣны въ 1882 г. нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ § 6 «акта соединенія и безопасности» 1789 г. не можетъ быть никакихъ искусственныхъ контроверзъ.

Статья *Б. Б. Глинскаго* (теперь издателя журнала «Сѣверный Вѣстникъ») «Великодушное покореніе», напечатанная въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (№ 4), написана собственно по поводу книги г. Ордина и по своимъ выводамъ подходитъ къ письму Р. Германсона. Авторъ признаетъ и увлеченія финляндскихъ публицистовъ, и дѣйствительное изученіе г. Ординымъ исторіи Финляндіи, но въ то же время совершенно основательно не затруд-

няется признать книгу г. Ордина «злою книгою» (стр. 179), ея цѣль— «злою», ея публицистическій элементъ негоднымъ, а самого автора врагомъ всякой свободной научной мысли и узкимъ доктринеромъ.

Научное значеніе книги г. Ордина «Покореніе Финляндіи» внѣ его публицистическихъ экскурсовъ и неправильныхъ толкованій текстовъ, конечно, остается, также какъ и интересъ новизны въ ея содержаніи для русскихъ читателей. Книга г. Ордина не даетъ однако очерка современнаго строя Финляндіи. Этотъ пробѣлъ восполняется историко-юридическимъ очеркомъ г. *П. М.* «Финляндія и ея учрежденія» въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (№№ 6 и 7). Статья представляетъ простое изложеніе современнаго политическаго и соціальнаго строя Финляндіи съ небольшимъ историческимъ введеніемъ, написаннымъ по г. Ордину. На содержаніи ея останавливаться нечего, а *лишь* бѣгло укажемъ на отношеніе автора къ возникшей полемикѣ. Отношеніе это характеризуется тѣмъ, что г. П. М. не придаетъ большаго значенія боргосскому сейму и замѣчаетъ: «конечно было бы очень любопытно ознакомиться съ разсужденіями, происходившими на сеймѣ, но отношенія народовъ опредѣляются очевидно не *разсужденіями*, а *постановленіями закона*, утвержденными верховною властью». Вотъ почему «въ вопросѣ объ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи должно имѣть въ виду не то, что *происходило* или говорилось на сеймѣ въ Борго, а то, что утверждено верховною властью», т. е. тѣ акты, которые мы читали въ письмѣ проф. Германсона и которые отчасти приводятся у г. П. М. Авторъ противъ того, что конституція Финляндіи идетъ «въ ущербъ Россіи и ея величію» и за то, что lois fondamentales (акты 1772, 1789 гг. и др.) имѣли силу послѣ соединенія Финляндіи съ Россіей. «Рядъ узаконеній, изданныхъ съ 1809 г. по наше время, въ которыхъ прямо указывается, что они издаются въ отмѣну или замѣну прежнихъ законовъ, утвержденныхъ для Финляндіи еще прежними королями, доказываетъ самымъ положительнымъ образомъ, что за Финляндіею сохранены были всѣ изданные до 1809 г. для шведскаго королевства законы. Иначе при изданіи новыхъ законовъ незачѣмъ было бы указывать, что они издаются въ отмѣну прежде существовавшихъ» (стр. 54). Подъ тѣми же иниціалами (П. М.) въ Журн. Мин. Нар. Просв., № 7, помѣщено явно пристрастное въ пользу г. Ордина изложеніе содержанія книги послѣдняго.

Не останавливаясь на idem per idem *г. Ордина* (въ «Русскомъ Вѣстникѣ, № 3, «Финляндскія коммиссіи и конституціи») и на не выдерживающей никакой критики замѣткѣ нѣкоего *г. Мих.* (въ «Русскомъ Архивѣ», № 7), въ которой авторъ не идетъ далѣе идей, взятыхъ изъ плохихъ газетныхъ передовицъ съ прибавленіемъ устарѣлыхъ сѣтованій на иноземную наружность русской дипломатіи первой половины XIX вѣка, вычитанныхъ у С. С. Татищева, да нареканій (стр. 302) на гуманность императора Александра I, когда будто бы происходило «забвеніе нерѣдко коренныхъ государственныхъ выгодъ Россіи» (?!), упомянемъ о статьѣ

Н. М. Коркунова «Великое княжество финляндское» («Юрид. Лѣт.», № 4), доказывающей, что Финляндія *не* состоитъ ни въ личной, ни въ реальной уніи съ Россіей и опровергающей проф. А. В. Романовича-Славатинскаго и Энгельмана, которые подводятъ отношенія Финляндіи къ Россіи подъ понятіе реальной уніи. Авторъ забылъ упомянуть проф. В. И. Сергѣевича, который также держится того мнѣнія, что Финляндія находится въ реальной уніи съ Россіей (см. Лекціи по ист. рус. права. Спб. 1890, стр. 93, 102 и 104) «Шведская Финляндія, пишетъ между прочимъ авторъ, присоединенная къ Россіи въ 1809 г., никогда не была особымъ государствомъ; она не была даже тогда возставшей противъ своего правительства провинціей, которая могла бы еще притязать на признаніе за нею правъ воюющей стороны». Дополнимъ г. Коркунова выдержкой изъ статьи Б. Б. Глинскаго («Историческій Вѣстникъ», № 4, стр. 182): въ разгаръ войны въ половинѣ XVIII в. «петербургскій кабинетъ высказалъ довольно смѣлую мысль. Въ надеждѣ достигнуть скорѣйшаго мира рѣшились обратиться непосредственно къ Финляндіи съ обѣщаніемъ за примиреніе создать изъ княжества независимое отъ Швеціи государство подъ собственнымъ правленіемъ». Финляндцы *не* измѣнили шведскому правительству, но несомнѣнно, что предложеніе с.-петербургскаго кабинета не могло не послужить идеѣ сознанія себя, какъ чего-то независимаго, какъ народа съ правомъ голоса; эта идея съ тѣхъ поръ не могла не усилиться среди финляндцевъ.

Перейдемъ къ нѣкоторымъ статьямъ по *балтійскому вопросу*. Извѣстно, что съ нѣкотораго рода преобразованіями въ прибалтійскихъ провинціяхъ сильно запоздали; это обстоятельство заставило приняться за дѣло реорганизаціи съ бо́льшею рѣзкостью. Балтійскій вопросъ назрѣлъ не на нашихъ дняхъ, внезапно и искусственно, какъ вопросъ финляндскій. Его литература, начиная съ «Окраинъ Россіи» Ю. Ѳ. Самарина, недавно впервые изданныхъ въ Россіи (сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. VIII, М. 1890), такъ велика, что можно составить цѣлую объемистую библіотеку изъ книгъ и статей (особенно нѣмецкихъ), посвященныхъ этому вопросу. Je crains moins les Allemands que les Polonais, писалъ въ 1863 г. Николай Милютинъ Черкасскому. Приводя эти слова, Anat. Leroy-Beaulieu (L'empire des Tsars et les russes, t. I. Paris, 1883, p. 124) не безъ основанія указываетъ на былую связь польскаго вопроса съ балтійскимъ. La question polonaise, tant de fois tranchée en sens divers depuis un siècle, говоритъ онъ, se complique en réalité d'une question allemande. Cela est en partie *la faute de la politique russe* qui, dans sa peur du polonisme, a favorisé le germanisme, permettant, par exemple, l'acquisition du sol à l'Allemand, là où elle l'interdisait au Polonais et au Juif» (см. вообще любопытныя строки по этому вопросу и особенно по поводу нашей politique paysanne, politique democratique въ Западномъ краѣ, loc. cit. pp. 125 — 131). Балтійскій вопросъ въ настоящую минуту менѣе жгучъ въ журналѣ, чѣмъ въ газетѣ, и въ первомъ обсуж-

дается довольно степенно. Мы остановимся только на статьяхъ *Владиміра Фукса* («Судебная реформа Прибалтійскихъ губерній», «Юрид. Лѣтопись», № 1), *Л. Б. Дорна* («Замѣтки по гражданскому праву Прибалтійскихъ губерній» ib., №№ 5 и 6) и *А. фонъ-Резона* («О гражданскомъ правѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ», Журналъ гражданскаго и уголовнаго права, № 1) [1]).

Статья В. Фукса останавливается на главныхъ и основныхъ постановленіяхъ «Положенія о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ» 9 іюля 1889 года, особливо тѣхъ, въ которыхъ послѣднее отступаетъ отъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. Это простое изложеніе нѣкоторыхъ постановленій Положенія 9 іюля, въ которомъ авторъ подчеркиваетъ окончательное введеніе русскаго языка (см. по вопросу «О языкѣ въ области судопроизводства» статью В. Д. Спасовича loc. cit. стр. 293 — 321) въ судебныхъ учрежденіяхъ Прибалтійскихъ губерній, назначеніе мировыхъ судей и предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ министромъ юстиціи, а не избраніе ихъ общественными учрежденіями (учреж. судеб. устан.). По поводу устава уголов. судопроизводства авторъ отмѣчаетъ 53 ст. Положенія, по которой дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ, вѣдаются этими судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Отмѣчается также рядъ крупныхъ измѣненій, выпавшихъ на долю устава гражд. судопроизводства, и доступъ въ Прибалтійскій край всѣхъ русскихъ юристовъ. Въ концѣ статьи читаемъ нѣсколько замѣчаній, касающихся «Положенія о преобразованіи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ». Это очень сухая, лишенная всякаго критическаго отношенія къ изучаемымъ Положеніямъ статья и, вѣроятно, болѣе чѣмъ поспѣшно написанная.

Статья Л. Б. Дорна также вызвана Положеніемъ 9 іюля 1889 г., но интересуется не имъ, а тѣмъ матеріальнымъ правомъ, которое за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей, измѣненныхъ Положеніемъ, продолжаетъ дѣйствовать въ Прибалтійскомъ краѣ и должно сдѣлаться знакомымъ русскимъ юристамъ. Авторъ разсматриваетъ одно только оставшееся дѣйствовать гражданское право и то за исключеніемъ торговаго права, указывая (на стр. 486) русскую и нѣмецкую литературу предмета. Дѣйствующее въ Прибалтійскихъ губерніяхъ частное право, отмѣчаетъ авторъ, представляетъ собою обширную систему, чрезвычайно выработанную, въ которую входитъ цѣлый рядъ мѣстныхъ правъ, а также римское, каноническое (западно-европейское), германское, шведское право и русскіе законы. Въ Прибалтійскомъ краѣ не существуетъ одинаковыхъ для всѣхъ лицъ гражданскихъ законоположеній. Гражданскіе законы Прибалтійскаго края отличаются сословно-территоріальнымъ характеромъ, т. е. «различныя лица не только пользуются различными правами по принадлежности

---

[1]) Ср. статьи *И. М. Тютрюмова* въ нашемъ журналѣ, №№ 3 и 9: «Гражданское судопроизводство въ Прибалтійскомъ краѣ».

ихъ къ различнымъ сословіямъ, но и къ лицамъ одного и того же званія примѣняются различные законы, смотря по мѣстности» (V, 387). Въ виду трудности сознательнаго изученія мѣстныхъ гражданскихъ правъ Л. Б. Дорнъ даже пропагандируютъ открытіе въ русскихъ университетахъ особой каѳедры прибалтійскаго права, обязательнаго лишь для тѣхъ, кто пожелаетъ служить въ судахъ Прибалтійскихъ губерній!! (см. прим. на стр. 388—389). Указавъ на причины такого разнообразія законоположеній для отдѣльныхъ сословій и территорій, оговорившись, что въ случаяхъ неполноты мѣстнаго Свода должны примѣняться обще-русскіе законы, а отнюдь не положенія мѣстныхъ правъ, не вошедшихъ въ Сводъ (въ качествѣ субсидіарныхъ правъ), и ознакомивъ со Сводомъ съ внѣшней стороны, Л. Б. Дорнъ предлагаетъ краткій обзоръ дѣйствующей нынѣ системы гражданскаго права въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Этотъ обзоръ авторъ заканчиваетъ важнымъ замѣчаніемъ, что «гражданское право въ прибалтійскихъ губерніяхъ, принадлежащее къ числу самыхъ полныхъ и разработанныхъ правъ, ставитъ большія требованія лицу, имѣющему намѣреніе изучить его основательно, а не только по буквѣ» (с. 552). Такое лицо, прибавляетъ Л. Б. Дорнъ, должно быть хорошо знакомо съ римскимъ и германскимъ правомъ.

А. фонъ-Резонъ пытается провести ту мысль, что кодификація балтійскаго права есть кодификація, предпринятая законодательною властью, которая имѣла намѣреніе разъ навсегда установить сферу дѣйствія источниковъ мѣстнаго права; но это не есть самостоятельный законъ, а лишь дополненіе общаго свода законовъ имперіи. Этотъ послѣдній, по мнѣнію фонъ-Резона, обязателенъ для Прибалтійскихъ губерній, но только дѣйствіе его не отмѣняетъ спеціальныхъ постановленій мѣстнаго свода (III-й части свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ губерній и мѣстныхъ положеній о крестьянахъ).

Въ заключеніе нашего бѣглаго обзора мы остановимся на статьяхъ двухъ авторовъ, статьяхъ очень любопытныхъ и умышленно оставленныхъ нами до конца обзора.

Это—1) *А. А. Исаевъ* «Переселенія и русское народное хозяйство» («Вѣстникъ Европы», № 4) и—2) *И. И. Янжулъ* «Практическая филантропія въ Англіи» (ib. №№ 1 и 2) и «Новая фантазія на старую тему» (ib. №№ 4 и 5).

Съ большимъ интересомъ читается статья А. А. Исаева по одному особенно насущному въ нашей жизни вопросу, вопросу переселенческому, довольно ненавистному для доморощенныхъ противниковъ новаго суда и земства. Вопросъ о переселеніи, движеніи русскаго мужика по восточно-европейской равнинѣ и далѣе вглубь Азіи, вопросъ историческій [5]). Въ разныя времена вопросъ этотъ ставился и рѣшался

[5]) См. любопытныя строки у Anat. Leroy-Beaulieu loc. cit. p. 47. См. Г. И. Успенскій I, 989, 1180.

весьма различно. Характерною чертою этого вопроса за послѣднее время можно отмѣтить то обстоятельство, что онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ общества, которое нерѣдко настойчиво поддерживалъ Г. И. Успенскій, писатель, умѣвшій дать «понятіе о большомъ горѣ людей, живущихъ въ маленькихъ избушкахъ». Можетъ быть вліяніемъ этого настойчиваго вниманія общества (и матеріально, и нравственно) слѣдуетъ объяснять и недавнее урегулированіе переселенческаго движенія законодательнымъ путемъ. Что касается до А. А. Исаева, то онъ не разъ выступалъ со статьями по переселенческому вопросу (въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»). Напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» статья имѣетъ цѣлью побить мнѣніе, по которому переселенія у насъ нежелательны, ибо европейская Россія не густо населена, а Сибирь слишкомъ слабо заселена. Рядомъ вѣскихъ аргументовъ авторъ доказываетъ, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи густота населенія и несовершенство техники дѣлаютъ эмиграцію необходимой, а съ другой стороны при современной плотности населенія Сибири успѣхи культуры въ ней вполнѣ возможны, «если новоселы осѣдаютъ довольно значительными деревнями». Совершенно основательно возстаетъ авторъ и противъ другаго толкованія, будто переселенія задерживаютъ развитіе интенсивности въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ (эти толкователи путаютъ результаты общиннаго владѣнія съ переселеніемъ), развитіе болѣе усовершенствованныхъ пріемовъ культуры. Но вѣдь 0,9 нашихъ переселенцевъ не въ состояніи способствовать успѣхамъ земледѣлія на своей родинѣ, гдѣ они имѣютъ возможность вести лишь самое экстенсивное хозяйство. Наконецъ, исторія хозяйственнаго быта многихъ странъ Европы говоритъ отчетливо за то, что переселенія отнюдь не задерживаютъ развитія земледѣльческой техники, при чемъ авторъ защищаетъ положеніе, что для цѣлаго народа ближайшей и простѣйшей задачей служитъ планомѣрное размѣщеніе по всей территоріи и занятіе тѣхъ земель, которыя обильно вознаграждаютъ трудъ поселенцевъ. Автору приходится еще возражать на одно странное мнѣніе (преимущественно изъ среды землевладѣльцевъ желающихъ сурово эксплоатировать безземельныхъ батраковъ и вообще кормиться на счетъ деревенскаго пролетаріата), будто переселенія вызываютъ повышеніе заработной платы сельскаго рабочаго. Но небольшое возвышеніе заработной платы, пишетъ А. А. Исаевъ, если бъ оно дѣйствительно вызывалось переселеніями, доставило бы только выгоду нашимъ землевладѣльцамъ, заставивъ ихъ переходить къ болѣе интенсивной культурѣ. Но что особенно цѣннымъ представляется намъ въ этой статьѣ, такъ это настойчивое указаніе на то, чтобы казна оказала матеріальное содѣйствіе переселенцамъ, что было бы одною изъ самыхъ производительныхъ для государства затратъ. Авторъ дѣлаетъ даже остроумное вычисленіе прироста, который этотъ расходъ доставилъ бы народному имуществу и государственной казнѣ. А. А. Исаеву принадлежитъ еще не лишенный интереса популярный очеркъ «Черты развитія политической экономіи на западѣ и

въ Россіи» въ «Юридической Лѣтописи», № 2, гдѣ указана настоятельная необходимость для университетской науки разобраться въ земскихъ статистическихъ работахъ послѣдняго времени и къ общему теоретическому курсу присоединить дополнительный курсъ, который долженъ обнимать главныя явленія хозяйственной жизни Россіи. Матеріалъ, изданный земствами, обработанъ пока лишь въ небольшой своей долѣ. «Но онъ точно и многосторонне знакомитъ насъ съ родиной, говоритъ А. А. Исаевъ, онъ раскрываетъ предъ нами ея нужды, онъ указываетъ пути, которые съ наибольшей пользой для движенія жизни могутъ быть избираемы правительствомъ и мѣстнымъ управленіемъ» (стр. 115).

«Новая фантазія на старую тему» знакомитъ читателей съ новѣйшей соціально-экономической теоріей, нашедшей свое выраженіе въ романѣ *Edw. Bellamy* Loocking backward 2,000—1887 (London 1889), имѣвшемъ необыкновенный успѣхъ среди публики С.-Американскихъ штатовъ и стоящей въ тѣсной связи съ трактатомъ *Laur. Gronlund* The Cooperative Commonwealth in its Outlines (1886). Э. Беллами не удовлетворяетъ современный общественный строй, покоящійся на мнимомъ сословномъ равенствѣ и свободной конкурренціи, гдѣ личность бѣднаго и слабаго не является вполнѣ обезпеченной, гдѣ предпріимчивыя товарищества, ассоціаціи затираютъ единичную личность предпринимателя. Не вдаваясь въ подробности, которыя читатели возьмутъ изъ самой статьи, упомянемъ объ основныхъ принципахъ Э. Беллами: полная національзація земельной собственности и промышленнаго труда. Государство—единый земельный собственникъ; государство—единый промышленный предприниматель, единый капиталистъ, Всѣ граждане безразлично отбываютъ *промышленную* повинность, подобно тому, какъ въ современномъ государствѣ они отбываютъ *воинскую* повинность, но за то *всѣ* участвуютъ въ результатахъ дѣятельности, получая все необходимое отъ государства посредствомъ labour-checks (трудовые чеки) и, слѣдовательно, вовсе не имѣя нужды въ деньгахъ. Производительная промышленность должна будетъ идти рука объ руку съ промышленностью распредѣлительной, имѣя своимъ назначеніемъ заготовить всю сложную и разнообразную массу продуктовъ, необходимую для потребленія страны Вотъ почему *статистика* должна занять выдающееся мѣсто въ кооперативной республикѣ Э. Беллами. Основаніями строя являются такимъ образомъ: всеобщій трудъ, равное вознагражденіе, всеобщая промышленная повинность,—все это, покоящееся на братствѣ, равенствѣ половъ (именно *экономическомъ* равенствѣ), чувствѣ отвѣтственности предъ потомками, которое должно занять значительное мѣсто въ душѣ гражданина кооперативной республики. Понятно, что въ этой кооперативной республикѣ не можетъ быть и мучительнаго въ современной жизни *рабочаго вопроса*, ибо нѣтъ рабства, нѣтъ житейскаго и умственнаго комфорта на счетъ невѣжества и нищеты массъ Нѣтъ нищеты массъ, но нѣтъ и ихъ невѣжества, ибо образованіе дѣлается общеобязательнымъ; «кооперативная республика» Э. Беллами *не* знаетъ необра-

зованныхъ. Этотъ послѣдній пунктъ особенно требуетъ внимательнаго къ себѣ отношенія: онъ менѣе всего составляетъ собственность Э. Беллами и болѣе другихъ проникаетъ въ жизнь лучшей части современнаго человѣчества, какъ это ясно видно изъ другой статьи И. И. Янжула. Съ поразительною яркостью рисуетъ Э. Беллами положеніе человѣка съ высшимъ, утонченнымъ образованіемъ среди группъ невѣжественныхъ людей: уродливость, ненормальность явленія доходитъ до возмутительнаго. «Для человѣка истинно просвѣщеннаго, говоритъ Э Беллами, нѣтъ болѣе важнаго дѣла, какъ видѣть всѣхъ своихъ сосѣдей счастливыми, одинаково образованными людьми». Не менѣе характерно рѣшается и такъ называемый женскій вопросъ. Въ «кооперативной» республикѣ женщина—такой же членъ промышленной арміи, какъ и мужчина; въ экономическомъ отношеніи она занимаетъ равное съ нимъ мѣсто, какъ въ кабинетѣ президента, ибо ни одинъ вопросъ, касающійся женщины и женскаго труда, не пройдетъ безъ ея обсужденія. Свободная конкурренція уничтожается не только вообще, но и въ трудовыхъ отношеніяхъ двухъ половъ; не будетъ вѣчной экономической зависимости женщины отъ какого нибудь мужчины, т. е. отца, брата или мужа. Такова эмансипація женщинъ въ кооперативной республикѣ Э. Беллами. «Ни мужчина, ни женщина не будутъ болѣе перебивать мѣсто другъ у друга, а пойдутъ въ трудѣ, слѣдуя указаніямъ физіологіи, рука объ руку, другъ съ другомъ, но разными дорогами. Раздѣленіе труда, этотъ базисъ нашей цивилизаціи, будетъ довершено только тогда, когда распространится на оба пола», говоритъ Л. Гронлендъ (р. 196 по цитатѣ И. И. Янжула), которымъ пользовался Э. Беллами. И. И. Янжулъ видитъ выгоды системы Э. Беллами: 1) въ обширной экономіи труда, какъ механической силы, и 2) въ его интенсивности при кооперации цѣлаго народа, но онъ отмѣчаетъ также и нѣкоторые недостатки [6]).

Мы видимъ такимъ образомъ еще новое свидѣтельство необыкновеннаго успѣха идеи *Генри Джорджа* («Прогрессъ и бѣдность») о національзаціи земли, а съ другой стороны и успѣхъ идей *Л. Уорда* (автора «Соціальной Динамики», которая въ настоящее время печатается въ русскомъ переводѣ фирмою К. Т. Солдатенкова; русскимъ читателямъ она знакома по статьѣ *П. Ѳ. Н.* «Прикладная соціальная наука и теорія прогресса» въ Русской Мысли 1889 года, №№ 11 и 12). Л. Уордъ, сторонникъ телеологической соціологіи, настаиваетъ, какъ извѣстно, на общеобязательномъ образованіи, приходя даже къ выводу, что и накопленныхъ до сихъ поръ знаній слишкомъ достаточно, что прогрессъ не въ дальнѣйшемъ накопленіи знаній, а въ ихъ популяризаціи, ибо накопленіе частичныхъ знаній «все болѣе и болѣе увеличиваетъ пропасть между интеллигенціей и массой и ведетъ къ порабощенію послѣдней». Нигдѣ для этой популяризаціи знаній

---

[6]) Книга Edw. Bellamy только что появилась въ нѣмец. переводѣ у Otto Wigand'а въ Лейпцигѣ (1915. P. 2 M.).

не сдѣлано такъ много, какъ въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ 7). Вторая статья И. И. Янжула довольно отчетливо знакомитъ насъ съ англійскимъ движеніемъ въ дѣлѣ помощи народнымъ массамъ на пути ихъ эстетическаго и умственнаго образованія. Мы не останавливаемся подробно на передачѣ этой статьи И. И. Янжула, предполагая, что читатели, несомнѣнно, ознакомятся съ этимъ цѣннымъ явленіемъ въ нашей журналистикѣ; упомянемъ только о третьей части этой статьи «національзація университетскаго образованія», гдѣ авторъ разсказываетъ о такъ называемыхъ народныхъ университетахъ (popular University), впервые зародившихся въ Соединенныхъ Штатахъ (срв. у Дж. Брайса Американская республика т. III прим. на стр. 355 и у *P. de Coubertin* Universités transatlantiques 2890 Hachette) и получившихъ стройную организацію въ Англіи. Они вышли изъ дамскихъ образовательныхъ обществъ (Lady's Educational Associations), примкнувъ къ прежнимъ университетамъ. Авторъ подробно знакомитъ съ ихъ организаціей, возбуждающей положительное изумленіе въ русскомъ среднемъ читателѣ (срв. замѣтку г-жи Цебриковой въ «Русской Мысли» 1889. № 10). «Цѣль движенія, читаемъ въ отчетѣ оксфордскаго университета, заключается въ томъ, чтобы привести университетъ къ народу, если народъ не можетъ придти къ университету». Это движеніе состоитъ въ систематическомъ высшемъ образованіи народа безъ различія званія, пола и возраста, въ доставленіи высшаго образованія лицамъ, которыя по обстоятельствамъ жизни не могутъ поступить въ обычный университетъ. Въ Англіи, замѣчаетъ И. И. Янжулъ, все болѣе и болѣе вырабатывается и распространяется убѣжденіе между учеными, что популяризація науки, какъ въ книгахъ и въ формѣ журнальныхъ статей, такъ и въ лекціяхъ не только не вредитъ качеству научныхъ произведеній и достоинству изслѣдованій, но, напротивъ, можетъ оказаться крайне плодотворной для самой науки.

В. Н. С.

---

7) Срв. опытъ популяризаціи историческаго знанія во Франціи. Въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи (безъ цитатъ) читаемъ въ предисловіи: A notre sens, fortifier ce gout (т. е. къ знанію, къ исторіи) et le communiquer, s'il se peut, au grand public, n'importe guére moins que de faire avancer la science et n'est ni le plus mauvais, ni surtout le plus facile moyen de la servir (Sim. *Luce* La France pendant la guerre de cent ans 1890).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Судебная власть Союза въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Хотя въ основаніи судопроизводства, примѣняемаго въ Союзныхъ судахъ Сѣверо Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, лежитъ старинное англійское земское право съ его средневѣковыми растянутыми и казуистичными постановленіями, однако нельзя сказать, чтобы мѣстныя потребности не вызвали значительныхъ измѣненій въ тяжеловѣсной судебной процедурѣ, унаслѣдованной отъ метрополіи. Еще въ большей степени можно сказать то же самое объ отдѣльныхъ штатахъ, въ которыхъ организація судебной власти, въ зависимости отъ характера населенія, представляетъ собою смѣсь правовыхъ опредѣленій различныхъ странъ. Въ нѣкоторыхъ, въ особенности же новѣйшихъ штатахъ, примкнувшихъ къ Союзу въ послѣдніе 2—3 года, судопроизводство еще имѣетъ такой неопредѣленный характеръ, что часто народъ беретъ его въ свои руки, и судъ Линча произноситъ свой краткій, хотя и рѣшительный приговоръ. Этотъ судъ Линча очень часто вырождается просто въ разбой въ самомъ звѣрскомъ его видѣ; однако въ извѣстныхъ отношеніяхъ приходится оправдывать его существованіе, особенно въ обширныхъ областяхъ, занимающихъ иной разъ пространство въ нѣсколько сотенъ кв. миль и лишенныхъ всякихъ судебныхъ инстанцій. Разумѣется, въ такихъ мѣстахъ приходится дѣйствовать противъ насилія и разбоя весьма рѣшительными мѣрами.

Вся судебная власть въ Соединенныхъ Штатахъ распадается на двѣ категоріи—на судебную власть Союза и отдѣльныхъ штатовъ; обѣ эти организаціи вполнѣ разграничены другъ отъ друга и ничего общаго между собою не имѣютъ.

Высшей инстанціей союзной юстиціи является *Высшій союзный судъ*, засѣдающій въ Вашингтонѣ. Вѣдѣнію его подлежитъ разбирательство апелляціонныхъ жалобъ на рѣшеніе низшихъ инстанцій, если предметъ спора затрогиваетъ какой либо конституціонный вопросъ, или если цѣна иска превышаетъ 2,000 долларовъ. Иски о предметахъ, цѣною въ 500—

2,000 долларовъ, подлежатъ компетенціи *окружныхъ судовъ* (circuit courts), рѣшеніе которыхъ считается въ данномъ случаѣ окончательнымъ. Юрисдикція этихъ же судовъ распространяется и на всѣ вопросы, подпадающіе подъ общее земское право, если въ качествѣ стороны выступаетъ Союзъ, или иностранецъ или же если споръ разбирается между гражданами различныхъ штатовъ. На всѣмъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ такихъ окружныхъ судовъ имѣется всего 9 по числу округовъ, въ составъ которыхъ входитъ обыкновенно по нѣскольку штатовъ.

Въ составъ окружнаго суда входитъ одинъ окружной судья, съ жалованьемъ приблизительно въ 4—6 тысячъ долларовъ, и членъ коллегіи судей высшаго союзнаго суда, которому принадлежитъ руководство ходомъ процесса. Искъ поддерживаетъ окружной прокуроръ со своимъ ассистентомъ; содержаніе каждаго изъ этихъ двухъ судебныхъ чиновъ колеблется въ предѣлахъ 1,500—4,000 долларовъ. Рѣшеніе въ этомъ судѣ постановляется обоими судьями.

Кромѣ этихъ судовъ, которымъ принадлежитъ разбирательство исключительно гражданскихъ споровъ, судебную власть союза осуществляютъ еще *провинціальные суды*, состоящіе изъ одного судьи высшей инстанціи, рѣшеніе котораго можно обжаловать въ одномъ изъ 9 окружныхъ судовъ. Вѣдѣнію провинціальныхъ судовъ, находящихся почти въ каждомъ штатѣ, подлежатъ гражданскіе иски, цѣною въ 50 — 500 долларовъ, и разбирательство уголовныхъ дѣлъ, причемъ о фактѣ виновности или невиновности судятъ присяжные. Споры о предметахъ, цѣною не выше 50 долларовъ, подлежатъ компетенціи *союзныхъ коммиссаровъ*, рѣшенія которыхъ можно опять обжаловать въ провинціальный судъ. Эти коммиссары образуютъ, такъ сказать, низшую инстанцію во всемъ строѣ судебной организаціи Союза. Всякій, замѣченный въ нарушеніи почтовыхъ, таможенныхъ или акцизныхъ правилъ, или въ распространеніи фальшивой монеты, долженъ быть прежде всего приведенъ къ союзному коммиссару, который только въ рѣдкихъ случаяхъ, а именно когда невиновность подсудимаго вполнѣ очевидна, имѣетъ право осуществить судебную власть, т. е. отпустить обвиняемаго на волю. Но это случается очень рѣдко, такъ какъ коммиссаръ лично отвѣтственъ за всякаго приведеннаго къ нему, какъ бы незначительно ни было правонарушеніе. Вообще же въ подобныхъ случаяхъ власть коммиссара ограничивается лишь снятіемъ предварительнаго допроса и опредѣленіемъ высоты залога, который можетъ замѣнить предварительный арестъ. Если обвиняемый не въ состояніи уплатить расходовъ по содержанію его въ мѣстѣ заключенія, то за него платитъ союзное правительство, причисляя эти расходы къ судебнымъ издержкамъ. Это объясняется тѣмъ, что союзное правительство не имѣетъ собственныхъ мѣстъ заключенія и потому должно въ этомъ отношеніи пользоваться услугами отдѣльныхъ штатовъ или провинцій (counties). До начала процесса иной разъ проходитъ по нѣскольку мѣсяцевъ, такъ что союзное правительство должно ежегодно уплачивать

громадныя суммы соотвѣтствующимъ властямъ штатовъ или провинцій за содержаніе лицъ, подвергаемыхъ предварительному заключенію по обвиненію въ нарушеніи союзныхъ законовъ.

На основаніи жалобы коммиссара особая коммиссія составляетъ обвинительные акты, представляемые разсмотрѣнію большой скамьи присяжныхъ, которые изъ трехъ опредѣленныхъ сроковъ къ каждому избираются по жребію при провинціальномъ судѣ, въ числѣ 24, изъ самыхъ почтенныхъ гражданъ. Только по утвержденіи этими присяжными обвинительнаго акта можетъ начаться процессъ.

Такъ какъ подраздѣленіе страны на 9 округовъ относится къ довольно далекому прошлому, то многія части новыхъ штатовъ находятся внѣ предѣловъ подобныхъ округовъ. Въ этихъ частяхъ страны вся судебная власть союза осуществляется особыми коммиссарами; однако, должность эта въ подобныхъ мѣстахъ довольно опасная и можетъ быть поэтому возложена на очень сильныхъ и энергичныхъ людей, такъ какъ здѣсь приходится имѣть дѣло съ хорошо организованными шайками преступниковъ, дѣлающихъ свое ремесло изъ ограбленія почты и желѣзнодорожныхъ поѣздовъ или же поддѣлки фальшивой монеты.

Значительную поддержку органамъ союзной юстиціи, занимающимся преслѣдованіемъ нарушителей союзныхъ законовъ, оказываетъ прекрасно организованная союзная *тайная полиція*, шефъ которой имѣетъ мѣстопребываніе въ Вашингтонѣ и получаетъ окладъ въ 3,000 дол. Агенты этой полиціи находятся въ каждомъ округѣ и рѣдко кому извѣстны въ лицо; они имѣютъ право въ необходимыхъ случаяхъ прибѣгать къ содѣйствію избираемыхъ на время по своему усмотрѣнію низшихъ агентовъ. Уже издавна департаментъ тайной полиціи считается въ Соединенныхъ Штатахъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и полезныхъ органовъ союзной администраціи. Коллекція поддѣланныхъ банковыхъ билетовъ и звонкой монеты, находящаяся въ бюро департамента въ Вашингтонѣ, считается, не смотря на сравнительную молодость страны, одной изъ самыхъ богатыхъ въ мірѣ. Не смотря однако на замѣчательное разнообразіе видовъ банковыхъ билетовъ и звонкой монеты Соединенныхъ Штатовъ, фальшивой монеты въ обращеніи можно найти лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Это объясняется тѣмъ, что если только въ какой-либо части страны обнаруживается поддѣлка монетъ, можно быть увѣреннымъ, что тайная полиція не успокоится до тѣхъ поръ, пока не нападетъ на слѣдъ преступниковъ.

Къ исторіи политическихъ и религіозныхъ процессовъ въ Россіи. Въ изданной недавно московскимъ отдѣленіемъ общаго архива главнаго штаба «Описи дѣлъ секретнаго повытья» (47 опись) подъ ред. полковника Д. Ө. Масловскаго (М. 1890 г. in 8º стр. XIII + 192 + 10) находимъ рядъ указаній на сохранившіяся въ московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба дѣла, касающіяся политическихъ и религіозныхъ

процессовъ и др. Въ виду того, что означенная книга можетъ попасть только въ руки немногихъ спеціалистовъ, считаемъ не лишнимъ указать на №№ этой 47 описи, интересныя въ указанномъ отношеніи: 18 (о допросѣ и отправленіи въ тайную канцелярію польскаго шпіона), 28 (о произнесеніи нѣкоторыми лицами непристойныхъ словъ), 29 (объ извощикѣ, называвшемся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ), 42 (о непринесеніи присяги Екатеринѣ I), 59, 60, 76, 99 (ложное сказываніе «слова и дѣла»), 120, 122, 126, 181, 183 (переписка по «слову и дѣлу»), 190 (о наказаніи плетьми крестьянина Матвѣева за разговоры съ солдатами о войнѣ), 256, 260, 295, 337 (о злоупотребленіяхъ сибирскаго губернатора Сухарева), 359 (о появленіи среди гребенскихъ казаковъ раскола), 366 (заточеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость Ив. Круглова), 407 (срв. со статьею Н. Н. Неелова въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древ. Рос. за 1888 годъ «слѣдственная коммиссія о злоупотребленіяхъ пензенскаго воеводы Жукова»), 418, 432 (дѣло о евреѣ Самуилѣ Шмаргель и распоряженіе о высылкѣ всѣхъ непринявшихъ православія евреевъ изъ Россіи отъ 1749 года), 448, 457, 505 (о раскольникахъ въ земляхъ войска Донскаго и Яицкаго подробное дѣло на 266 листахъ), 541, 587, 631, 740, 743, 746 (арестъ монаха Облочинскаго за пропаганду противъ Россіи), 794, 809, 885, 923, 934, 1021, 1031 (! ходатайство сибирскаго губернатора Чичерина о награжденіи поручика В. Шмалева за секретную экспедицію «въ Ледовитый океанъ, до американскихъ острововъ, на собакахъ» отъ 1770 г.), 1058, 1095, 1109, 1152 (дѣла о Пугачевскомъ бунтѣ), 1161 (запрещеніе продажи изъ казенныхъ типографій частнымъ лицамъ печатныхъ литеръ), 1245 (объ отправленіи бригадира Павла Бибикова въ г. Астрахань «въ извѣстныхъ е. и. в. преступленіяхъ» и смерть Бибикова).

Насколько на самомъ дѣлѣ интересны указанные документы, судить нельзя, ибо «опись дѣлъ секретнаго повытья» напечатана безъ выдержекъ изъ документовъ.

В. Н. Стржвъ.

